СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

материалы Международной научно-практической конференции
(Москва, 21 марта 2014 года)

В 2-х частях

Часть 2

Под редакцией
Председателя Следственного комитета Российской Федерации
генерал-полковника юстиции
Заслуженного юриста Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора
А.И. Бастрыкина

Москва, 2014

Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 марта 2014 года). В 2-х частях. Часть 2. – М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – 290 с.

Редакционная коллегия:

Федоров А.В. – заместитель Председателя СК России, Заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник; главный редактор журнала «Наркоконтроль».

Багмет А.М. – и.о. ректора Академии СК России, Почётный работник СК России, кандидат юридических наук, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – учёный секретарь Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент.

Сборник сформирован по материалам, представленным на Международную научно-практическую конференцию в Академии Следственного комитета Российской Федерации 21 марта 2014 года.

В части 2 представлены материалы по секциям: «Проблема истины в уголовном процессе»; «Уголовная ответственность юридических лиц: вопросы процессуального права»; «Расследование преступлений, совершенных при приватизации государственного имущества (квалификация, методика, тактика)».

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Академия СК России

Секция
«Проблема истины в уголовном процессе»

Г.В. Абшилава

Проблема истины при пересмотре досудебного соглашения о сотрудничестве в ходе предварительного расследования

В ходе предварительного расследования уголовных дел нередко возникает острая проблема, связанная с возможностью пересмотра или отказа одной из сторон от досудебного соглашения. Может ли быть пересмотрено соглашение о сотрудничестве? Это принципиальный вопрос, поскольку в зависимости от ответа на него зависит судьба данного института.

Понятно, что возможность пересмотра соглашения в одностороннем порядке выгодна будет только стороне обвинения – государству. Как пишет А.А. Васяев, УПК РФ не указывает, возможно ли расторгнуть заключенное досудебное соглашение, если да – будет ли оно использоваться в качестве доказательства, подтверждающего виновность обвиняемого (подсудимого)[1]. Однако злоупотребления своими правами, невыполнение своих обязательств возможны с обеих сторон. В п. 1.16. приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» отмечается, что прокурор при получении сведений о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве (сообщение заведомо ложных сведений, отказ от участия в следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях, сокрытие важных для следствия данных и др.) вправе вынести постановление о прекращении досудебного сотрудничества.

Исходя из идеологии объективной истины, присущей российскому уголовному процессу, А.В. Смирнов делает вывод о том, что если на предварительном расследовании возникнет объективная необходимость изменить обвинение в сторону, менее благоприятную для обвиняемого, следователь, прокурор должны предложить ему внести соответствующие изменения в ранее заключенное соглашение о сотрудничестве. Если обвиняемый отказывается от изменения соглашения, где оказанное им активное содействие расследованию должно рассматриваться как смягчающее наказание обстоятельство либо – по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести – как основание для

---

[1] Васяев А.А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением // Современное право. 2010. № 2. С. 92.

прекращения уголовного преследования ввиду деятельного раскаяния (ч. 1 ст. 28 УК РФ)[1].

С.А. Касаткина отмечает, что законом не предусмотрено, как быть следователю и прокурору в тех случаях, когда по результатам сотрудничества обвиняемого со следствием могут быть получены доказательства совершения им ранее неизвестных следствию эпизодов преступной деятельности самого обвиняемого либо совершения иных преступлений, первоначально не вмененных ему в вину. Подлежат ли в этих случаях действия обвиняемого переквалификации, требуется ли перепредъявлять ему более тяжкое обвинение? Думается, что решение этих вопросов потребует внесения соответствующих изменений в закон и более четкой регламентации процедуры, предусмотренной гл. 40.1 УПК РФ, с тем, чтобы обеспечение публичных интересов не достигалось за счет интересов обвиняемого[2].

Мы считаем, что пересмотр соглашения возможен только в случае выявления неискренней позиции обвиняемого при выполнении своих обязательств, введением в заблуждение следствия. Обвиняемый обязан полностью раскаяться в совершенных преступлениях и согласиться с предъявленным по ним обвинением. Если расследование по уголовному делу позволило стороне обвинения остаться в прежних пределах обвинения, то юридическая основа соглашения между сторонами сохраняется и пересматривать это соглашение нельзя.

Вполне возможно, что будут установлены другие факты преступной деятельности обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение. Это будет свидетельствовать как о неискренности подозреваемого, обвиняемого при заключении соглашения, так и о казусе. Последствия поэтому могут быть разными. Если выяснится, что обвиняемый совершал и другие преступления, но не удалось доказать его умысел на сокрытие этих фактов от следствия, то в отношении этих новых преступных фактов должно быть выделено уголовное дело в отдельное производства для их расследования (ч. 3 ст. 154 УПК РФ). На производстве расследования по новому делу последствия соглашения о сотрудничестве не будут сказываться. Однако установленная недобросовестность обвиняемого влечет последствия против него. В том случае, когда расследование приведет к необходимости предъявления обвиняемому дополнительного обвинения, существенного изменения первоначального обвинения, как представляется, меняется материально-правовая предпосылка соглашения.

---

[1] Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 12.

[2] Касаткина С.А. Соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Труды Института государства и права РАН. М., 2009. С. 176.

С момента заключения сделки, права и обязанности сторон вытекают уже непосредственно из договорного обязательства. Поэтому в связи с пересмотром договорных обязательств можно вспомнить о таком явлении, которое можно обозначить как «новация». Под новацией понимается соглашение сторон (сделка) о замене первоначального обязательства другим (ст. 414 ГК РФ). Естественно, от гражданско-правовой «новации» мы берем только общую идею – замещение первоначального набора условий соглашения на другой. В некоторых случаях, «новация» может привести к пересоставлению соглашения на новых условиях, предъявлению обвиняемому новых требований, например, в части выдачи новых соучастников преступной деятельности, иного имущества, полученного преступным путем. При этом, как представляется, если в ходе последующего следствия будет предъявлено новое обвинение в сторону ухудшения положения обвиняемого, то для продолжения сотрудничества необходимо признание обвиняемым предъявленного ему обвинения и установление всего того, что понимается под юридическим составом «деятельного раскаяния»[1].

Между тем, М.А. Баранова отрицает возможность пересмотра условий соглашения в виду изменения обвинения или отличии вновь сформулированного обвинения от ранее обозначенного в соглашении подозрения. Она также считает, что формулировка обвинения, заложенная в соглашении, не может повлиять на окончательное обвинение. Ее позиция основывается на том, что независимо от факта заключения «досудебного соглашения» следователь обладает процессуальной самостоятельностью (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) и определяет ход расследования уголовного дела. Что касается суда, то для него значение будет иметь не заключенное на предварительном расследовании соглашение (оно выступает гарантом снижения наказания подозреваемому, обвиняемому), а представление прокурора, вынесенное в соответствии со ст. 317.5 УПК РФ по окончании предварительного расследования[2].

Думаем, что данное мнение неверно. Во-первых, суд оценивает по совокупности все действия сторон в рамках сотрудничества. Если условия сотрудничества менялись, вслед за изменением фактической и юридической основы этого сотрудничества, суд должен учитывать это обстоятельство. В окончательном виде эффективность сотрудничества оценивается исходя из окончательного варианта соглашения сторон и тех результатов, которые были достигнуты в его рамках. Представление прокурора является оценкой результатов досудебного сотрудничества с позиции стороны об-

---

[1] Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничество со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 6.

[2] Баранова М.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правовой регламентации // Вестник СГАП. 2010. № 1. С. 161.

винения. Суд оценивает его с позиции судебной власти. Далее, предмет расследования уголовного дела в принципе может быть предметом досудебного соглашения, но сказать, что это всегда должно быть так для всех случаев нельзя. Сторона обвинения может взять на себя такое обязательство, но может и не брать, оставив за собой право устанавливать новые факты преступной деятельности обвиняемого (подозреваемого) и перепредъявлять ему обвинения, а вместе с тем и решать вопрос о продолжении сотрудничестве на новых или прежних условиях. Мы исходим из того, что связывать законом свободу усмотрения органа предварительного расследования, прокурора в решении вопросов заключения или прекращения сотрудничества неправильно.

На наш взгляд, упущением законодателя является то, что он не предусмотрел процедуру прекращения сотрудничества. Очевидно, надо связать правоприменителя, т.е. следователя, руководителя следственного органа, но в первую очередь прокурора, именно в том, что касается отказа от выполнения взятых на себя обязательств, и прежде всего в части ходатайствования перед судом о применении к подсудимому норм, содержащихся в нормах, заключенных в ст. 61-63.1 УК РФ. Сейчас прокурор фактически произвольно может отказаться внести вместе с обвинительным заключением представление о проведении судебного разбирательства в особом порядке в виду выполнения соглашения о сотрудничестве. Целесообразно было бы привести в ст. 317.5 УПК РФ норму, в которой предусмотреть решение прокурора об отказе внести представление при утверждении обвинительного заключения, а также основания для фактического прекращения прокурором сотрудничества в виду негативной оценки его результатов. Очевидно, что основания эти не могут совпадать с теми обстоятельствами, что приведены в ст. 63.1 УК РФ и в ст. 317.8 УПК РФ.

На наш взгляд, меры, предлагаемые М.А. Барановой для снятия неопределенности о степени доказанности подозрения при заключении соглашения о сотрудничестве, ограничены и приведут к еще большим затруднениям на практике. Она считает, что в досудебном соглашении, заключаемом с подозреваемым, должны быть отражены обстоятельства, определившие формирование подозрения, обозначенные в п. 4 ч. 3 ст. 223.1 УПК РФ. В связи с изложенным она предлагает внести изменения в ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ и п. 4 изложить следующим образом: «Описание преступления, вменяемого в вину обвиняемому в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 171 настоящего Кодекса, описание преступления, в котором подозревается лицо в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 223.1 настоящего Кодекса»[1].

Вообще говоря, недоказанность всех обстоятельств, составляющих общий предмет доказывания, не может служить формальной причиной для отказа в удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении соглаше-

---

[1] Баранова М.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правовой регламентации.

ния о сотрудничестве. Вместе с тем, заключая подобное соглашение, следователь, прокурор должны разъяснить обвиняемому последствия того, что им будут сообщены неполные, искаженные, а тем более ложные сведения относительно совершенного им обвинения, а именно: разрыва соглашения, применения санкции к обвиняемому, предусмотренной ст. 63.1 УК РФ. Но может быть и так, что соглашение может составляться на таких условиях, что обвиняемому, в виду особой значимости имеющейся у него информации (например, для предотвращения теракта), будет обещано ограничение дальнейшего уголовного преследования пределами того обвинения, которое ему было предъявлено и по которому достигнуто соглашение о сотрудничестве. При этом обвинительная власть обещает не интересоваться другими фактами преступного прошлого обвиняемого, а ограничится отработкой, доказыванием тех элементов предмета доказывания, которые уже стали предметом подозрения, обвинения, выдвинутого против лица, с которым заключается соглашение о сотрудничестве. Таким образом, мы опять-таки выступаем за свободу действий сторон при заключении соглашения о сотрудничестве. Хотя нельзя признать и безупречной законодательную технику и даже сам подход законодателя к определению одного из важнейших содержательных элементов досудебного соглашения.

А.В. Агабаева

Установление истины при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей

Проблема необходимости установления объективной истины по уголовному делу всегда оставалась актуальной в теории и практике уголовного процесса. Не раз являлся предметом обсуждения вопрос о возможности и необходимости установления истины в суде с участием присяжных заседателей, однако он по-прежнему остается дискуссионным.

УПК РСФСР в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства закреплял принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20). Данный принцип сохранялся и при рассмотрении уголовных дел в суде присяжных, введенном в систему российского уголовного судопроизводства в 1993 г.[1] Согласно ст. 429 УПК РСФСР суд, при производстве с участием присяжных заседателей, должен создать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. Кроме того, согласно ст. 243

[1] Закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

УПК РСФСР в судебном заседании председательствующий был обязан принимать меры к установлению истины.

Уголовное судопроизводство, в соответствии с действующей редакцией УПК РФ, основано на принципе состязательности сторон. Законодатель отказался от установления истины, как цели уголовного судопроизводства.

Весной 2012 г. Следственным комитетом РФ был подготовлен законопроект, в котором предлагается ввести в УПК РФ институт установления объективной истины по уголовному делу[1]. Законопроект вызвал оживленные споры в научном сообществе, авторами высказаны обоснованные точки зрения по указанному вопросу[2].

Не вступая в дискуссию о целесообразности нормативного закрепления понятия истины в УПК РФ, обратим, между тем, внимание на то, что нельзя отрицать достижение истины, как конечную цель осуществления правосудия по уголовным делам. Назначение уголовного производства - защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Профессор С.В. Познышев писал: «уголовный суд должен стремиться в каждом судимом деле раскрыть объективную, материальную истину, т.е. выяснить, каковы в действительности все могущие иметь значение для уголовной ответственности объективные и субъективные моменты, подлежащих рассмотрению событий … приговор уголовного суда должен вполне соответствовать обстоятельствам дела, как они сложились в действительности, он должен быть, так сказать, материально, а не формально истинен»[3].

Такой же позиции придерживались многие отечественные и зарубежные ученые. Так, например, Ю. Глазер считал, что основой для судебных решений может служить только «объективная, материальная, имеющая всеобщее значение» истина[4]. По мнению М.С. Строговича целью суда должно быть установление материальной истины, которую он определял как полное и точное соответствие действительности вы-

---

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., например: Шейфер С.А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»; Лазарева В.А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека Криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4.

[3] Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесс. М., 1913. С. 29-30.

[4] Цит.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 89.

водов следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц[1].

На наш взгляд, установление истины действительно отвечает назначению уголовного судопроизводства, и, должно являться естественным стремлением правоприменителей. Однако, в силу специфики уголовного судопроизводства, а так же, как верно отмечает Д.А. Мезинов, невозможности установления точных критериев достижения судом объективной истины, такая цель представляется практически недостижимой[2].

Истина, как цель осуществления правосудия, не может отождествляться с истиной в ее классическом понимании, как полным соответствием знаний действительности. Как верно отмечал И.В. Михайловский: «задачей всякого, в том числе уголовного суда, должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической»[3].

О юридической истине, как о цели уголовного судопроизводства упоминали и другие дореволюционные авторы. Так, Н.Н. Розин писал: «…многие теоретики называют тот принцип, которым руководствуются суды в открытии истины, принципом не материальной, а юридической истины. Еще правильнее было бы называть его, приближаясь к характеру состязательного процесса, принципом доказанности обвинения, так как обвиняемый предполагается невиновным пока его вина не доказана в судебном порядке…»[4].

Ю.П. Боруленков обращает внимание на специфику процесса постижения истины в юридической познавательной деятельности и указывает на то, что в юридической практике истина устанавливается путем накопления доказательств, подтверждающих какую-то одну версию, постепенного превращения ее из вероятной в практически достоверную[5].

Действительно, современное законодательство предоставляет достаточно широкий спектр уголовно-процессуальных механизмов, ис-

---

[1] Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 14

[2] Мезинов Д.А. «Объективная истина» в уголовном процессе: к дискуссии по законопроекту Следственного комитета РФ // Уголовная юстиция. 2013. № 1(1). С. 29-36.

[3] Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 95.

[4] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. СПб., 1914. С. 303.

[5] Боруленков Ю.П. К вопросу о необходимости разработки современной концепции истины в юридическом познании // Уголовное судопроизводство. 2012. № 3; СПС «КонсультантПлюс».

пользование которых позволяет получить значимые для дела доказательства. Целью доказывания является установление фактических обстоятельств дела, то есть, законодателем берется за аксиому тот факт, что обстоятельства, установленные с использованием всех законных средств и методов, являются истинным отражением произошедшего. И если критерии установления судом объективной истины не могут быть определены, то критериями юридической истины можно считать собранные в ходе предварительного расследования и исследованные в суде допустимые доказательства. Иными словами, как верно отмечает Д.А. Мезинов, «для суда истина есть то, что усматривается из допустимых и исследованных в ходе судебного следствия доказательств, удостоверяется ими как для самого суда, так и для общественности»[1].

Таким образом, можно говорить об истине как о цели осуществления правосудия. Но в силу юридической формализованности средств и методов, с помощью которых эта истина добывается и которыми она подтверждается, и саму истину можно называть только юридической. То есть, говоря словами И.Я. Фойницкого, стремление к истине материальной и безусловной обязательно для любого суда, но при этом, ввиду особенностей разбирательства суд достигает истины только формальной, условной[2]. Однако следует согласиться и с тем, что такая истина, имеет свойство (и должна) стремиться к истине объективной[3].

Суд с участием присяжных заседателей является формой осуществления правосудия, и задачи стоящие перед присяжными заседателями идентичны задачам, стоящим перед профессиональными судьями. Поэтому вышеобозначенное понимание истины в уголовном судопроизводстве в полной мере применимо и к суду с участием присяжных заседателей, но с учетом специфики данной формы судопроизводства.

В Концепции судебной реформы РСФСР, утверждение которой стало значительным шагом при введении суда присяжных в России, обращалось внимание на то, что народные представители должны внести свой вклад в судебный поиск истины, который будет состоять в «свежем взгляде, не замутненном функциональной позицией»[4].

А.А. Акимчев определяет истину в суде присяжных, как «полное и точное соответствие объективной действительности выводов, содержащихся в вердикте коллегии присяжных заседателей об обстоятель-

---

[1] Мезинов Д.А. Указ. соч. С. 35.

[2] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1910. С. 9.

[3] Боруленков Ю.П. Указ. соч.; Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 19.

[4] Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

ствах, подлежащих доказыванию по делу, и зафиксированных в судебном приговоре»[1].

Такое определение, на наш взгляд, можно считать верным лишь в том случае, если рассматривать материальную истину как цель правосудия. Однако, с учетом вышеизложенной позиции, считаем, что более точным будет следующее определение: «истина в суде присяжных это – выводы, содержащиеся в вердикте коллегии присяжных заседателей и зафиксированные в приговоре суда, сделанные по результатам исследования и оценки совокупности допустимых доказательств, позволяющих полагать о соответствии действительности, установленных по делу имеющих значение обстоятельств».

Вопрос о возможности установления истины в суде с участием присяжных заседателей нередко обсуждается на страницах юридической печати. Ряд авторов полагает, что достижение истины в суде присяжных практически невозможно, объясняя свою позицию неспособностью присяжных понять суть дела ввиду отсутствия у них юридического образования, а так же отсутствием законодательно закрепленной обязанности мотивировать свое решение[2].

Данная позиция представляется спорной. Присяжных заседателей часто называют судьями факта. Действительно, их задача вынести вердикт, руководствуясь совестью и личными убеждениями. Однако уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд ограничений предоставления присяжным заседателям доказательств. Так, например, присяжным заседателям могут быть представлены только допустимые доказательства, согласно ч. 6 ст. 335 УПК РФ, если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. До удаления присяжных в совещательную комнату председательствующий обязан разъяснить им основные правила оценки доказательств в их совокупности, а так же то, что их выводы не могут основываться на предположениях, а также на доказательствах, признанных судом недопустимыми. То есть, решение присяжные заседатели должны принять на основании полученной по результатам исследования доказательств достоверной и объективной информации о произошедшем.

Кроме того, согласно ч. 1 ст. 339 УПК РФ по результатам рассмотрения уголовного дела, присяжным заседателям предстоит ответить на ряд основных вопросов: доказано ли, что деяние имело место; доказано

---

[1] Акимчев А.А. Проблема истина в суде присяжных в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 7.

[2] См., напр.: Алексеев И.Н. Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 52-60; Алексеева Л.Б. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования: дискуссия. М., 1995. С. 342.

ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Сама постановка законодателем таких вопросов, как абсолютно верно отмечает Н.П. Кириллова, свидетельствует о прямом требовании закона установить в ходе судебного разбирательства юридическую (формальную, процессуальную) истину[1].

Таким образом, установление юридической истины в суде присяжных не только возможно, но и необходимо, так же как и при рассмотрении дела профессиональными судьями. Кроме того, в суде присяжных принцип состязательности сторон проявляется в гораздо большей степени, поэтому и предпосылок для достижения истины при таком виде судопроизводства больше («в споре рождается истина»).

Д.В. Алёхин

Характер истины в уголовно-процессуальном доказывании

Одной из спорных проблем истины в юридической литературе является вопрос о ее содержании в уголовно-процессуальном доказывании. Речь идет о том, входят ли в содержание истины только элементы, исключительно исходя из структуры предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) или также юридическая оценка события (квалификация преступления) и вывод суда о мере наказания, ее соответствии тяжести преступления и личности виновного.

Согласно первой, наиболее распространенной точке зрения, содержание истины по уголовному делу «составляют только факты, образующие преступление, без его юридической оценки (квалификации)»[2]. Активный защитник данной точки зрения М.С. Строгович считал, что само деяние, событие преступления и вина, совершившего его лица, ни в какой мере не зависит от судей и являются для них объективным фактом, который судьи должны установить, познать таким, каким он был в действительности[3].

Согласно второй точке зрения, в содержание истины по делу включается и решение вопроса о квалификации преступления. Сторонники включения в содержание истины вывода о квалификации преступления обосновывают свою позицию следующими доводами. Факты общественной жизни не могут познаваться в отрыве от их социальной сущности. Правовая оценка этой сущности должна отражать объективное положение вещей. Социальная опасность преступного деяния пред-

---

[1] Кириллова Н.П. Состязательность судебного разбирательства и установление истины по делу // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 1.

[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 321-326.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 308-333.

ставляет собой объективную категорию, она определяется законом развития общества и не зависит от сознания людей. Признаки общественно опасного деяния как реально существующего явления в обобщенной форме содержатся в уголовном законе. Следовательно, квалификация преступления отражает объективную действительность и поэтому должна входить в содержание истины по уголовному делу. Истиной может быть только одна квалификация – та, которая соответствует тому, что произошло в действительности[1]. Противники этой точки зрения указывают, что факты объективной действительности существуют независимо от их общественно-политической оценки, которая может меняться в зависимости от исторической и социальной обстановки. Одни и те же факты в различное время могут образовывать различные составы преступления и могут даже вообще становиться непреступными. Нормы права нередко устаревают, перестают отражать объективную картину общественных отношений, фактические же обстоятельства остаются теми же самыми, их содержание не меняется. Поэтому понятие истины может распространяться лишь на фактические обстоятельства дела, но не на их правовую квалификацию[2].

В процессе познания истины в уголовном судопроизводстве обращает на себя внимание сочетание фактического знания относительно обстоятельств совершения преступления и юридической оценкой установленных фактов. Оба эти момента взаимодействуют в процессе познания и доказывания обстоятельств преступления и не могут рассматриваться изолированно в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности. Ведь получение фактического знания относительно обстоятельств совершенного преступления имеет реальный смысл только в пределах, очерченных уголовным законом, относительно круга обстоятельств, необходимых и достаточных для решения юридических вопросов, возникающих перед органами расследования и судом[3]. «Логическое соответствие признаков деяния составу преступления, – пишет В.Н. Кудрявцев, – необходимое условие истинности квалификации»[4].

Таким образом, истина может быть объективной только лишь при условии, что факт исследован и оценен не абстрактно, а относительно признаков, формализованных в юридическом понятии состава кон-

---

[1] Бойков А.Д., Карпец И.И. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М., 1989. С. 540-542; Пашкевич П.Ф. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971. С. 45 и др.

[2] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 324.

[3] Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: монография. Барнаул, 2000. С. 9.

[4] Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 62.

кретного преступления. Такие признаки деяния устанавливаются уголовным законом.

Иначе должен решаться вопрос относительно вывода суда о мере наказания. Основным аргументом сторонников точки зрения, что в содержание объективной истины входит еще вопрос о назначении справедливой меры наказания виновному является то, что решение суда о мере наказания должно основываться на познанных фактах, обусловлено фактами объективного характера[1].

Следует согласиться с мнением Ю.К. Орлова, что решение суда о назначении наказания является волевым актом, а не актом познания. Поэтому можно говорить об эффективности или неэффективности избранной меры наказания и т.п., но только не об истинности этого акта. От того, что решение суда должно базироваться на каких-то знаниях, оно не превращается в познавательный акт, а лишь предшествует принятию решения, создает для него основу[2].

Выводы суда по конкретному делу не устанавливают истину, а основываются на установленной истине, т.е. на тех фактах, которые соответствовали объективной действительности. Определение меры наказания во многом зависит от обстоятельств дела, от самого субъекта преступления и от условий общественной жизни, но само по себе не может, ни изменить, ни отменить уже установленные судом фактические обстоятельства дела.

Таким образом, как справедливо отмечает Ю.К. Орлов, в содержание истины в уголовном судопроизводстве входят только умозаключения о фактических обстоятельствах дела и о правовой квалификации, на которые могут быть распространены категории истинности и ложности. Процессуальные решения суда, обязывающие к действию (прекращению действия), в том числе, о применении каких-то санкций, являются властным волеизъявлением, а не познавательным актом (хотя и основываются на познанных фактах) и к ним категории истинности или ложности неприменимы[3].

---

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 134-137; Грошевой Ю.М. Правовые свойства приговора – акта социалистического правосудия. Харьков. 1978. С. 34.

[2] Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие. М., 2000. С. 11.

[3] Там же. С. 12.

М.А. Багмет

Определение условий коррупции в процессе установления объективной истины при расследовании коррупционных деяний в полиции

В соответствии с антикоррупционным законодательством к противодействию коррупции относится ее предупреждение, в том числе выявление и устранение ее причин (п. 2 ст. 1 Закона о противодействии коррупции[1]). При этом к одной из законодательных мер по профилактике коррупции относится устранение причин коррупции (п. 2.1. ст. 6 Закона о противодействии коррупции). Одним из основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции является повышение ответственности должностных лиц федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления за непринятие мер по устранению причин коррупции (п. 20 ст. 7 Закона о противодействии коррупции).

В развитие законодательства целью Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460[2], является искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе.

Немаловажным фактором роста коррупции как в целом в стране, так и в полиции, в частности, являются обстоятельства, способствующие ей, или условия ее возникновения и распространения.

Специалистами выделяется ряд правонарушений, создающих условия для возникновения коррупции в полиции[3]:

- использование своего статуса, а также основанных на нем авторитета занимаемой должности и возможностей для вмешательства в деятельность других государственных и негосударственных органов, особенно если это не входит в круг полномочий соответствующих сотрудников и не предусмотрено законодательством;

---

[1] О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

[2] СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.

[3] История, современность и перспективы развития службы собственной безопасности ОВД / под ред. Б.В. Грызлова. М., 2002. С. 7; Костенников М.В. и др. Административно-правовое регулирование обеспечения собственной безопасности и противодействия коррупции в органах внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 40; Евстифеев В.В. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в правоохранительной деятельности органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 72.

- использование сотрудниками полиции в личных или групповых интересах служебной и иной информации, полученной при выполнении служебных полномочий, если такая информация в соответствии с законодательством не подлежит разглашению или распространению;

- нарушение установленного законами и иными нормативными правовыми актами порядка принятия и рассмотрения заявлений, жалоб, обращений физических и юридических лиц.

- деятельность организованных преступных формирований, направленная на проникновение в полиции;

- добывание служебной информации о деятельности полиции, их подразделений и отдельных сотрудников, в том числе путем установления доверительных отношений с неразборчивыми в связях сотрудниками;

- компроментирование полиции, их сотрудников, а также лиц, оказывающих содействие полиции;

- вовлечение работников полиции в противоправную деятельность, оказание дезорганизующего воздействия на их морально-психологическое состояние;

- недостаточный уровень социальной и правовой защищенности работников полиции, что порождает высокий уровень коррупционной предрасположенности (уязвимости) при осуществлении ими своих полномочий;

- противоправные действия отдельных представителей органов государственной власти и местного самоуправления, общественных, политических и религиозных объединений, затрагивающие законные интересы сотрудников полиции, попытки их использования в антиконституционных целях;

- распространение ложных сведений со стороны СМИ, отдельных политических партий и движений, направленное на формирование негативного образа сотрудников полиции;

- возникновение внешних факторов, обусловливающих возможное ухудшение материально-технического, финансового и иного обеспечения деятельности полиции;

- совершение должностных проступков работниками полиции, связанных с нарушением законности, прав и свобод граждан;

- устойчивые внеслужебные контакты работников полиции с представителями криминальных структур, теневой экономики;

- привлечение к сотрудничеству недобросовестного и профессионально непригодного негласного аппарата;

- высокая текучесть кадров (особенно в низовых звеньях полиции и их оперативных подразделениях);

- нарушение законности и социальной справедливости в решении кадровых, управленческих и социальных вопросов руководителями полиции.

По нашему мнению, далеко не все вышеперечисленные условия общей коррупции применимы к коррупционности в полиции.

Действительно начало реформы в МВД населением воспринималось в целом положительно. Представители органов власти через СМИ сообщали об успешности модернизации внутренних органов. Однако в последние несколько лет, в связи с непостоянством и нервозностью обстановки в полиции, резким снижением престижности правоохранительной службы и одновременно чрезвычайным контролем за деятельностью полиции общественных организаций и СМИ, далеко не все поступающие на службу имеют изначальную заинтересованность в использовании своей работы в личных корыстных интересах и уж тем более не стремятся изначально совершать коррупционные преступления.

Кроме того, в последние годы вступило в действие как федеральное и муниципальное, так и ведомственное антикоррупционное законодательство, которое все действеннее препятствует распространению коррупции в полиции, в частности, разработан Административный регламент системы МВД России по предоставлению государственной услуги по осуществлению приема граждан, обеспечению своевременного и в полном объеме рассмотрения устных и письменных обращений граждан, принятию по ним законных решений и направлению заявителям ответов в установленный законодательством срок.

Нельзя сказать, что в настоящее время остается низким контроль за повседневной деятельностью сотрудников полиции, так как усилился и внутренний контроль (Служба безопасности) и внешний (прокуратура, СК России, общественные организации, СМИ).

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что условия коррупции в полиции необходимо рассматривать применительно к следующим сферам деятельности: экономики, политики, права и управления:

1) к основным экономическим условиям коррупции в полиции относятся:

- экономическая нестабильность, проявляющаяся в обесценивании денежного содержания сотрудников полиции, провоцирующее их искать другие, часто незаконные источники доходов;
- наличие группы людей, способных по своим материальным возможностям вовлекать сотрудников полиции в коррупционные деяния;
- отсутствие дифференцированной оплаты труда сотрудников полиции;
- запрет на дополнительный заработок сотрудникам полиции.

Ныне действующее исключение на разрешение дополнительного заработка, связанного с преподавательской и научной деятельностью, не решает общей проблемы, связанной с возможностью легальным путем заработать дополнительные деньги, особенно в тех случаях, ко-

гда полицейский остро в них нуждается (ребенок пошел в школу, необходимо сделать ремонт в квартире, чтобы выделить для него отдельное помещение и т.д.);

2) к основным политическим условиям коррупции в полиции относятся:

- игнорирование возможностей влияния организованной преступности на коррупцию в полиции;

- отсутствие эффективного политического механизма по лишению полномочий сотрудников полиции, скомпрометировавших себя в глазах населения коррупционными деяниями и связями с организованными преступными формированиями;

3) к основным правовым условиям коррупции в полиции относятся:

- несовершенство административно-правовых запретов на различные виды коррумпированного поведения;

- правовое невежество значительной части населения;

- высокая латентность коррупции в полиции;

4) к основным управленческим условиям коррупции в полиции относятся:

- низкий уровень информационного, научного и учебно-методического обеспечения подготовки специалистов в сфере борьбы с коррупцией в полиции;

- малоэффективный механизм взаимодействия правоохранительных органов при противодействии коррупции в полиции;

- отсутствие стабильности и компетенции в управлении полиции, что связано с частой сменяемостью многих руководителей;

- низкий уровень кадрового обеспечения полиции;

- недостатки в организации служебной деятельности полиции;

- недостатки в материальной обеспеченности полиции;

- бесхозяйственность в полиции;

- не реагирование на факты коррупции в полиции;

- способствование устройству в полиции родственников, так называемый непотизм;

- слабая правовая защищенность сотрудников полиции, а также лиц, оказывающих им содействие, и полное реальное отсутствие механизма такой защиты;

- нарушение принципа справедливости в решении социальных и бытовых вопросов сотрудников полиции, допускаемых руководителями полиции.

Отдельно следует сказать об условиях коррупции в полиции, связанных непосредственно с личностью полицейского. Здесь, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на следующих моментах:

- отсутствие принципиального неприятия коррупции в любых ее проявлениях;

- ложное представление о служебной солидарности и не донесение из-за этого становящихся известными фактов коррупции со стороны сотрудников полиции;

- слабая психологическая подготовка, не позволяющая противостоять давлению, как со стороны сослуживцев, так и со стороны граждан, к принятию коррупции, как нормы повседневной жизни;

- излишний конформизм во взаимоотношениях с непосредственным руководителем, который либо не ведет борьбы с коррупцией, либо прямо способствует ее распространению среди подчиненных;

- отсутствие жизненных навыков и умения разрешать возникающие вопросы путем сглаживания, там, где это возможно, противоречий, при условии строгого соблюдения норм закона и не допущения попыток каких-либо подношений;

- не сложившаяся психология принятия и исполнения решения, исходя, как из норм закона, так и из принципа социальной справедливости, и стойкое, на уровне обыденного восприятия действительности, отсутствие желания получать за свою работу незаконное вознаграждение в виде взяток, бесплатной помощи по строительству, предоставления туристических путевок и т.д.

Ю.В. Бескровный

Истина в уголовно-процессуальном законодательстве России: генезис дефиниции

Автор полагает возможным не исследовать сам термин «истина» (равно как и «объективная истина») в уголовном процессе России, а лишь попытаться ответить на вопрос, допустимо ли использование этого термина в тексте действующего УПК РФ.

При этом следует отметить, что термин «истина» в уголовном процессе на протяжении длительного времени исследовался такими значимыми в науке уголовного процесса учеными как А.Ф. Кони, Р.С. Белкиным, А.М. Лариным, Р.Д. Рахуновым, М.С. Строговичем, А.А. Хмыровым, Ф.Н. Фаткуллиным и др. В настоящее время проблематикой определения истины применительно к уголовному процессу активно занимаются О.Я. Баев, А.Р. Белкин, Ю.П. Боруленков, Е.А. Доля, 3.3. Зинатуллин, С.В. Зуев, А.Ф. Лубин, В.В. Мельник, И.Б. Михайловская, Г.А. Печников, В.С. Шадрин и другие ученые.

Вместе с тем, оживление полемики по вопросу необходимости введения термина «истина» в действующее уголовно-процессуальное законодательство наступило после того, как на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации был опубликован проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением

института установления объективной истины по уголовному делу». При этом авторами предложено следующее определение: «Объективная истина – соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения»[1]. В этой связи Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, также внесший существенный вклад в науку уголовного процесса, дал интервью корреспонденту «Российской газеты», в котором изложил свою точку зрения по этому вопросу: «…в стороне от внимания разработчиков (УПК РФ – прим. автора) остались некоторые традиционные институты уголовного судопроизводства, доказавшие свою ценность на протяжении многих лет. В первую очередь, это относится к объективной истине»[2].

Согласно пояснительной записке к указанному проекту Федерального закона, реализация назначения уголовного судопроизводства невозможна без выяснения обстоятельств уголовного дела такими, какими они были в действительности, то есть установления по делу объективной истины[3].

Не пускаясь в выяснение отличий понятий истины от объективной истины, попытаемся исследовать вопрос, как использовался термин «истина» в широком смысле этого слова в законодательстве, регламентирующем уголовный процесс в России в прошедшие три с лишним столетия.

В главе 10 «Суд» Соборного уложения 1649 г., с учетом особенностей русского языка того времени, вместо термина «истина» законодатель широко использует (16 раз) по своему значению практически полностью тождественное ему слово «правда» и однокоренные с ним слова.

В пришедшем на смену Соборному уложению Уставе уголовного судопроизводства от 20.11.1864, законодателем используется как слово «правда» (ст.ст. 99, 443, 666, 712, 713, 717), так и термин «истина» (ст.ст. 294 («При исследовании преступления или проступка судебный следователь может производить следственные действия и в другом участке того же уезда или даже в другом уезде, если это оказывается необходимым для открытия истины»), 333 «Сведущие люди, производя освидетельствование, не должны упускать из виду и таких признаков, на которые следователь не обратил внимание, но исследование коих может привести к открытию истины»), 406 («Если обвиняемый откажется отвечать на данные ему вопросы, то следователь, отметив о том в протоколе, изыскивает другие законные средства к открытию истины»), 613 («Направляя ход дела к тому порядку, который наиболее

---

[1] URL: http://www.sledcom.ru/discussions.
[2] URL: http://www.rg.ru.
[3] URL: http://www.sledcom.ru/discussions.

способствует раскрытию истины, председатель суда может распорядиться, чтобы…»), 1242 («Обыски, выемки или осмотры в местах, находящихся в исключительном ведении военного начальства, мировые судьи и судебные следователи производят с приглашением в то же время, для бытности при этом, ближайшее военное начальство, которое и способствует раскрытию истины всеми зависящими от него средствами»)).

УПК РСФСР 1922 г. использует понятие истина в ст.ст. 118 («…Следователь вправе отказать им в осуществлении означенных прав, если признает, что присутствие и участие их при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины…»), 150 («При разрешении вопроса о необходимости принять меру пресечения…, следователь принимает во внимание: важность преступления, приписываемого обвиняемому, тяжесть имеющихся против него улик; вероятность возможного, со стороны обвиняемого, уклонения от следствия и суда или препятствования раскрытию истины…»), 161, 162 (контекст аналогичен), 261 («Председательствующий в судебном заседании народный судья управляет ходом судебного заседания, устраняет из судебного следствия и прений сторон все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины»), 287 («Допрос подсудимого в отсутствие других подсудимых допускается только в исключительных случаях, если этого требуют интересы раскрытия истины»). При этом, термин «правда» используется лишь однажды (в ст. 167 («Перед допросом следователь удостоверяется в самоличности свидетеля; устанавливает его отношение к сторонам, предупреждает об обязанности показывать правду…»).

В УПК РСФСР 1960 г. термин «истина» также широко используется: в ст.ст. 89 («При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу… лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих мер пресечения:..»), 243 («Председательствующий руководит судебным заседанием, принимая все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины…»), 246 («Разбирательство дела в отсутствие подсудимого может быть допущено лишь в исключительных случаях, если это не препятствует установлению истины по делу:…»), 257 («…Если, однако, раздельное разбирательство затруднит установление истины, все производство по делу приостанавливается.»), 280 («Допрос подсудимого в отсутствие другого подсудимого допускается только по определению (постановлению) суда в исключительных случаях, когда этого требуют интересы установления истины.»), 285 («До-

прос несовершеннолетнего свидетеля, когда этого требуют интересы установления истины, может быть по определению (постановлению) суда проведен в отсутствие подсудимого.»). Термин «правда» также используется в данном законе несколько раз, применительно к необходимости участников процесса давать правдивые показания в ходе осуществления уголовного судопроизводства.

Таким образом, автор приходит к выводу, что термин «истина» традиционно для российского уголовного процесса последних трех с лишним столетий. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что действующий уже более десяти последних лет УПК РФ вообще не использует термин «истина». При этом слово «правда» все же продолжает использоваться законодателем применительно к необходимости участников процесса давать правдивые показания.

Законодатель, используя в ст. 73 УПК РФ при определении предмета доказывания по уголовному делу термин «обстоятельства», ничего не говорит о таком критерии указанных обстоятельств, как истинность, а, следовательно, об их достоверности. По мнению автора, законодателем подразумевается, что установленные обстоятельства должны быть истинны, однако отсутствие в формулировке такого традиционного для уголовного процесса России термина как «истина», является, по мнению автора, неоправданным.

Вместе с тем текст пояснительной записки к предложенному Следственным комитетом Российской Федерации к обсуждению проекта Федерального закона, справедливо, по мнению автора, содержит ссылку на то, что объективной истине может быть противопоставлена так называемая формально-юридическая истина[1]. При этом последняя, полностью соответствуя букве закона, не всегда будет идти в согласие с самим духом закона.

Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что автор, лично активно применяющий действующий УПК РФ, не может привести фактов каких-либо негативных последствий отсутствия использования законодателем термина «истина» или «объективная истина» в данном нормативно-правовом акте. Однако, с учетом исследованной в статье проблематики, автор считает возможным сделать вывод о том, что предложенное в упомянутом выше проекте Федерального закона понятие «объективная истина», соответствующее устоявшемуся в науке определению, органично дополнило бы действующий УПК РФ, сделав его более традиционным для всего российского уголовно-процессуального законодательства.

---

[1] URL: http://www.sledcom.ru/discussions.

Ю.М. Бойцов

Дифференцированный подход к регламентации установления истины в уголовном процессе в странах с континентальной и англосаксонской правовыми системами

Процесс совершенствования уголовного судопроизводства идёт непрерывно. В современном мире под активным влиянием межгосударственного сотрудничества наблюдается тенденция к сближению и гармонизации уголовного судопроизводства. В первую очередь это происходит под влиянием ООН, государств Европейского Союза, Африки, Латинской Америки, которые вырабатывают соответствующие соглашения, предусматривающие обязательства, в том числе и уголовно-процессуального характера. Кроме того, непрерывно идёт процесс обмена научной информацией по правовым вопросам, взаимного изучения правотворческого и правоприменительного опыта, его оценки и извлечения всего полезного, что могло бы способствовать совершенствованию национальных правовых институтов.

Однако в России правоведение придерживается «школы экзегезы», т.е. относится к судебной практике как к чему-то второстепенному, сводя смысл права к комментированию текстов законов и редакционному совершенствованию законодательства. Данная школа сложилась в XIX в. под влиянием идей Просвещения и в России жива до сих пор. Континентальное правоведение конца XIX в. – начала XX в. отказалось от идей «школы экзегезы» под влиянием теоретической революции выдающихся французских профессоров права: Ф. Жени, Р. Салей, А. Эсмен, М. Планиоль и многих других правоведов. В России об этом почти не было известно, т.к. исследований зарубежного законодательства проводилось мало, а исследований юридических доктрин не было вообще. Советскую науку эти проблемы вообще не интересовали.

В настоящее время доктринальные комментарии к судебным решениям являются атрибутом любого уважающего себя юридического журнала теоретической или практической направленности. Без полного обзора всех важнейших судебных решений не может обойтись французский учебник права. Признанные учёные отдельным изданием помещают отборку самых важных судебных решений «Grands arrest…», где «Основные судебные решения…» по гражданскому, уголовному, уголовно-процессуальному и другому праву излагаются не полностью, а в обобщённом виде. В отборке чётко указаны «фабула дела», «фактические обстоятельства», «правовая аргументация» – это и есть основной смысл техники комментирования судебного решения, которой после «интеллектуальной революции» Ф. Жени, Р. Салея во Франции обучаются студенты-юристы. Ф. Жени развил идею противопоставления формальных источников права, содержащих обязательные право-

вые нормы, и «авторитетных положений» (authorites), учитываемых в практике, но не имеющих строго нормативного значения. К формальным источникам права он относил закон и обычай. К авторитетным положениям – судебные решения и доктрину, поскольку в них норм как таковых нет, а есть лишь мнение в пользу того или иного юридического подхода. Сила подхода определяется только степенью его распространённости и внутренней логикой, пусть даже он высказывается отдельными лицами или профессиональным корпусом, наделённым в общественном мнении ореолом компетентности[1]. Таким образом, континентальные «судебные прецеденты» создаются не самими судьями, как в странах англосаксонской правовой системы, а университетской доктриной, т.е. здесь прецедент доктринален не только по сути, но и по форме. Чёткое разделение труда между профессорским и судейским корпусом Франции – это давняя традиция, в силу которой сами судьи не создают прецедент. Прецедент создают профессора права, которые обрабатывают принятые решения и составляют «примечание» (note) – авторский доктринальный текст, где в очень лаконичной и искусной форме обозначена правовая проблема и показано её решение судом. В сегодняшней Франции неоткомментированные решения не могут выйти за пределы конкретного дела и стать «путеводной звездой» последующей практики. Они не имеют на это ни малейшего шанса по сугубо техническим причинам, т.к. даже самая гениальная юридическая конструкция, скрытая в «недрах», остаётся чем-то вроде «неоткрытого месторождения»[2].

Следовательно, романо-германское право создавало юридическую науку не праздности ради, а исключительно из практических соображений.

В Англии ввиду отсутствия «юридической науки» всем этим пришлось заниматься самим судьям.

Одной из отличительных черт уголовно-процессуальных кодексов континентальной Европы является их стабильность. Во Франции первый УПК, утверждённый Наполеоном I в 1808 г., действовал более 150 лет, до 1959 г., когда был принят ныне действующий УПК. В Германии УПК действует с 1877 г. до наших дней.

По российским меркам такие сроки действия УПК составляют солидный возраст, поскольку в России Устав уголовного судопроизводства смог просуществовать около 54 лет (с 1864 г. по 1917 г.). УПК РСФСР соблюдался более 40 лет. С 18.12.2001 г. действует УПК РФ[3].

---

[1] Цит. по: Головко Л.В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестнике гражданского права МГУ. 2010. № 6.

[2] Rousseau D. Une decision non commentee existe-t-elle? Ou commenter est-ce delirer? // L ,architecture du droit. Melanges en I,honneur de Michel Troper.

[3] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных

Разумеется, стабильность уголовно-процессуального законодательства в странах с континентальной и англосаксонской правовыми системами не означает того, что за время своего существования они не претерпели никаких изменений.

Суть дифференцированного подхода к установлению истины в уголовном процессе в странах с континентальной и англосаксонской правовыми системами проявляется в том, что не все уголовно-процессуальные институты и далеко не во всех деталях должны регулироваться актами, обладающими силой законов[1].

Такая тенденция непривычна для российских юристов, воспитанных на догмах, в силу которых производство по уголовным делам должно регламентироваться УПК РФ и только им (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Свидетельством подобного рода служат теоретические исследования, учебники и учебные пособия, где насаждается мысль, что единственным источником уголовно-процессуального права является закон (УПК). Однако не нуждается в доказывании тот факт, что при производстве по уголовному делу необходимо применять положения, содержащиеся в Конституции РФ, законах о судоустройстве, органах прокуратуры, СК РФ, предварительного расследования, об учреждениях, предназначенных для содержания обвиняемых и подозреваемых в совершении преступлений, о связанных с производством по уголовным делам привилегиях некоторых категорий лиц, о порядке исполнения наказаний и других законах. Кроме того, уголовно-правовые предписания, обязательные к исполнению, содержатся в международных договорах РФ. Значительная часть российских юристов, преимущественно теоретиков уголовного судопроизводства, придерживается мнения, что среди источников уголовно-процессуального права ни в коем случае нельзя упоминать подзаконные акты органов исполнительной власти, а равно акты высших судебных инстанций, в том числе постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых даётся разъяснение законодательства[2]. Им возражает председатель Верховного Суда РФ Лебедев В.М. и директор Института государства и права РАН Топорнин Б.Н., который поставил вопрос так: «Главный вопрос – принципиальный вопрос – отходим ли мы от прежней практики и переходим ли мы на использование прецедентов в нашей судебной практике? Если эти решения – просто разъяснения, то это просто консультации, то это советы, но это не акты, не документы, на которые суд может сослаться в принятии следующего решения»[3].

государств. М., 2002. С. 9-10.

[1] Там же. С.16.

[2] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 17.

[3] Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. 29 апреля – 10 ноября 1993 г. Т. 13. М., 1995. С 110, 113.

В настоящее время в большинстве стран взят курс на то, что уголовно-процессуальные законы, включая кодексы, предназначались для регламентации основных прав граждан и некоторых узловых проблем уголовного судопроизводства. Регламентация же многих сугубо технико-процедурных вопросов: порядка производства процессуальных действий, документальное оформление их результатов, требования, предъявляемые к реквизитам процессуальных документов, последовательность выполнения действий, – передается на решение органов исполнительной власти, ответственных за выявление и раскрытие преступлений. В УПК раскрываются лишь вопросы самого общего и принципиального характера. Конкретика раскрывается судами или органами исполнительной власти. Преимущества такого подхода важны для установления истины, т.к. позволяют гибко и оперативно корректировать производство расследования и судебного разбирательства с учётом следственного и судебного опыта. Громоздкость и сложность законотворческой процедуры не позволяет решать своевременно проблемы, актуальные для органов, ведущих производство по уголовным делам, затрудняет поиск истины[1]. Поэтому и континентальные судебные прецеденты, и прецеденты стран англосаксонской правовой системы восполняют пробелы в регламентации уголовного судопроизводства, которые постоянно обнаруживаются в правоприменительной практике и истолковывают уже существующие нормы, которые нередко отличаются неконкретностью и существенной неопределённостью. По мере того как суды сталкиваются с новыми «случаями», им приходится приспосабливать существующие нормы к этим случаям. Другими словами можно говорить о постоянном совершенствовании неписаного права. Видимо, существующий в англосаксонской доктрине подход Дж. Френка, Г. Абрахэма, Э. Моргана о том, что суд не является активным искателем истины в отношении представленных доказательств, послужил основанием убеждённости некоторых учёных-процессуалистов России в несовместимости институтов состязательности и установления истины. Однако такой подход к решению одной из центральных проблем доказательственного права признаётся широко, но не всеми. Известные американские теоретики и практики Дж. Уигмор, А. Вандербильт, Д. Феллмэн, В. Стэнтом довольно определённо высказывались о том, что в суде должна устанавливаться истина. В изданных в последние десятилетия 20 в. американских законах довольно часто можно встретить предписание, исходящее из того, что по уголовным делам должна устанавливаться истина[2]. Судебный прецедент есть творческий поиск в чужом судебном решении своей правовой

---

[1] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Указ. соч. С. 16.

[2] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. Указ. соч. С. 209-213.

конструкции. Этим занимаются судьи или профессора права. Они не связаны предшествующими судебными решениями, свободны подбирать нужные прецеденты. При разных правовых подходах всё шире в мире вводятся в оборот медиационные процедуры, развивается институт, называемый «сделкой на случай признания обвиняемым своей вины». При этом обвиняемый получает существенное смягчение наказания, а государство освобождается от недешевого судебного разбирательства.

О.С. Бутенко

Значение института государственной защиты для установления истины по уголовному делу (международно-правовые аспекты)

Экспертами международного сообщества было признано, что угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, стали наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия[1].

Оставаясь в течение длительного времени среди стран-аутсайдеров в обеспечении безопасности граждан, участвующих в борьбе с преступностью, в XXI в. Россия приступила, наконец, к формированию необходимого законодательства. Первым шагом в этом стало принятие нового УПК РФ 2001 г., в котором законодатель предусмотрел такие меры безопасности, как прослушивание переговоров, опознание в условиях, безопасных для опознающего, использование в уголовном процессе псевдонимов и закрытое судебное разбирательство. В 2004 г. принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон «О государственной защите потерпевших...»), содержащий группу универсальных мер безопасности. В апреле 2006 г. Правительством РФ утверждена Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы» (далее – Программа «Обеспечение безопасности потерпевших... на 2006-2008 гг.»), а в октябре того же года, во исполнение указанной Программы – «Правила применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В МВД РФ и других структурах, на которые Законом «О государственной защите потерпевших...» возложена реализация универсальных мер безопасности,

[1] Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М.,2002.

постоянно идет процесс разработки необходимых для этого ведомственных нормативных правовых актов.

Что касается правоприменения, то российские правоохранительные органы и суды все чаще используют введенные в законодательство меры безопасности. Только в период 2006 г. – первой половины 2008 г. и только в 28 субъектах Российской Федерации в общей сложности эти меры использовались 7224 раза; в досудебных стадиях – 5504 и в ходе судебного производства – 1720 раз. Естественно, при их применении выявились проблемы, обусловленные не только недостатками законодательства, но и новизной для правоприменителей самого института обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию[1].

Международным сообществом разработаны документы, охватывающие ключевые вопросы уголовного правосудия и составившие свод его международных стандартов. В русле общего процесса правовой интеграции, участником которого являйся Россия, сближение с этими стандартами российского законодательства естественно и необходимо. Данные обстоятельства объясняют обращение автора к международно-правовым документам, во многом предопределяющим пути решения рассматриваемой проблемы на национальном уровне.

Обеспечению прав человека в сфере правосудия мировое сообщество уделяет внимание с начала 50-х гг. XX в. В настоящее время эта проблема исследуется Комиссией по предупреждению преступности и уголовному правосудию Экономического и Социального Совета ООН (до 1992 г. – Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней; до 1971 г. – Комитет экспертов по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями), Конгрессами ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Значительное внимание проблемам правосудия уделяется на сессиях Экономического и Социального Совета ООН и Генеральных Ассамблеях ООН, в деятельности региональных международных организаций, в том числе – Совета Европы, участником которого с 1996 г. является и Россия.

Наиболее концептуальным международным документом, отражающим вопросы защиты лиц, оказывающих содействие уголовному судопроизводству, является Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29.11.1985 с целью оказания помощи правительствам и международному сообществу в их усилиях, направленных на обеспечение справедливости и представления доступа к правосудию указанной категории лиц. Осно-

---

[1] Зуев С. В. Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями): монография. Челябинск, 2010.

вой Декларации стали базовые положения Закона Соединенных штатов Америки «О защите жертв и свидетелей преступлений» от 12.10.1982, а именно:

- справедливое обращение с жертвой преступления;
- обеспечение жертве преступления доступа к механизмам правовой и административной защиты;
- защита от запугивания и мести;
- обеспечение права на представление необходимой информации;
- использование неофициальных механизмов;
- обеспечение права на реституцию, компенсацию и социальную помощь[1].

Кроме ООН принципы и стандарты защиты участников уголовного судопроизводства вырабатываются и региональными международными организациями. Значительную деятельность в области правосудия осуществляет Совет Европы, в рамках которого принято более 160 конвенций, большинство из них были открыты для присоединения любых европейских государств.

Основополагающей конвенцией, в данном случае, является Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4.11.1950. Конвенция не только закрепляет субъективные права и свободы человека, но и обязывает государства защищать их. В частности, в п.1 ст.6 закреплено, что пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или часть его при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия. Европейская комиссия и Суд по правам человека пояснили, что в интересах правосудия признано допустимым закрытое судебное разбирательство в целях защиты свидетелей, испытывающих большой страх. В дальнейшем аналогичное положение было закреплено в проекте Декларации о праве на справедливое судебное разбирательство от 25.06.1993., где в целях справедливого правосудия, а также обеспечения безопасности участвующих в процессе лиц допускается проведение закрытого суда.

Совет Европы также разработал ряд основополагающих международных документов, непосредственно касающихся государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Так, 24.11.1983 была принята Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений, 28.06.1985 – Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса, а 17.09.1987 – Рекомендации об оказании помощи жертвам и предупреждении виктимизации.

---

[1] Международно-правовые основы и механизмы государственной защиты участников уголовного процесса. О.А. Зайцев // Сборник научных трудов (межвузовский). Т. IV. Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук / под ред. Г.К. Овчинникова. М., 2000.

В частности, Рекомендации относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса (Приняты Комитетом министров Совета Европы на 387-м заседании заместителей министров в 1985 г.) закрепляют 16 руководящих принципов, которые предложены правительствам государств для пересмотра национального законодательства и практики. Среди них:

- информирование полицией потерпевшего о возможностях получения содействия, практической и правовой помощи, компенсации со стороны правонарушителей и государства, а также о результатах полицейского расследования;
- освобождение правонарушителя от уголовной ответственности только после решения вопроса о компенсации потерпевшему;
- информирование судом потерпевшего о дате и месте проведения разбирательства, его возможностях получения возмещения и компенсации в ходе уголовного процесса, правовой помощи и способах, с помощью которых он может узнать об итогах рассмотрения дела;
- повышение уровня защиты потерпевшего от разглашения любых фактов, которые могут неоправданно затронуть частую жизнь или оскорбить достоинство потерпевшего (за счет закрытого судебного заседания, неразглашения личной информации и т.п.);
- обеспечение эффективной защитой потерпевшего и его семьи от запугиваний и возможной мести со стороны преступника (особенно по делам организованной преступности)[1].

Опыт зарубежных стран показывает, что помощь правоохранительным органам со стороны граждан активизируется при условии их защиты от посткриминального воздействия. Что же для этого предпринимают зарубежные страны? В США, например, насчитывается около 600 различных программ взаимодействия правоохранительных органов с населением. Лица, обладающие сведениями о преступлении, могут сообщить их в полицию анонимно по телефону. По присвоенному заявителю номеру выплачивается денежное вознаграждение, если сведения оказались полезными для расследования преступления. Впервые описанный механизм был применен в 1976 г. в г. Альбукерке (штат Нью-Мексико). В Вашингтоне благодаря такому сотрудничеству за достаточно короткий срок было раскрыто 537 преступлений, возвращено похищенное на сумму 2,8 млн долл., конфисковано наркотиков на 8,7 млн долларов. Аналогичные меры применяются в Канаде. В то же время в ходе реализации таких программ сотрудничества установлено, что значительная часть заявителей сообщает о преступлении не в целях получения вознаграждения, а для «очищения города от преступных элементов»; было опровергнуто мнение о выплате вознагражде-

---

[1] Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2003. С. 218

ния, как о единственной причине, побуждающей граждан оказывать помощь полиции[1].

Таким образом, многоплановая деятельность государственных органов по защите лиц, оказывающих содействие уголовному судопроизводству от посткриминального воздействия, является важным фактором, способствующим повышению эффективности борьбы с преступностью, изобличению и наказанию лиц, виновных в совершении преступлений.

Н.Б. Вахмянина

Объективность истины в уголовном судопроизводстве

Истина – это верное отражение объективной действительности в сознании человека, воспроизведение её такой, какой она существует сама по себе, вне и независимо от человека и его сознания[2].

Понимание истины как соответствия знания вещам восходит к мыслителям древности. Так, Аристотель писал: «...прав тот, кто считает разделенное (в действительности – ред.) – разделенным и соединенное – соединенным...». Эта традиция в понимании истины продолжена в философии нового времени (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах, М.В. Ломоносов, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Л. Фейербах и др.)[3].

Дискуссии о возможности познания объективной истины в уголовном судопроизводстве ведутся учеными уголовного процесса еще с конца XIX в. В полемику о возможности установления объективной истины в уголовном судопроизводстве включились и ученые деятели криминалистики[4].

В основном полемика ведется относительно возможности достижения объективной истины в ходе уголовного судопроизводства, т.к. воспринимает, воспроизводит информацию и дает оценку конкретным фактам человек.

По мнению Г.А. Печникова, «в наших понятиях и суждениях находит свое отражение объективная действительность, наше мышление может познать действительность»[5]. Однако с такой позицией сложно

---

[1] Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. М., 2010.

[2] Спиркин А.Г. Истина. URL: http://slovari.yandex.ru.

[3] Там же

[4] См. например: Белкин Р.С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966. С. 100, 101; Возгрин И.А. Курс криминалистики. СПб., 1998. С. 8.

[5] Печников Г.А. Некоторые философские аспекты истины в уголовном процессе. URL: http://www.k-press.ru.

согласиться, поскольку действительность – это объективная реальность как актуально наличное бытие, реализующее определенные исторические возможности; подлинное бытие, в отличие от видимости[1].

Следователь, сотрудники иных правоохранительных органов, а также судья только лишь моделируют ситуацию, в условиях которой произошло преступление. Основная проблема в познании объективной реальности в такой ситуации видится в том, что следователь, судья только лишь с помощью мышления пытаются познать действительность. При этом их знания ограничены информацией, полученной в ходе допроса участников уголовного судопроизводства, различных видов осмотра, заключением экспертиз.

В ситуациях допроса либо проведения иных следственных действий, в ходе которых потерпевший или иной участник уголовного процесса излагает события, наблюдаемые им во время совершения преступления, понятия и суждения следователя могут быть объективными только лишь в той части, в которой они достоверно восприняты, осознаны и воспроизведены допрашиваемым.

Основную роль в правильности указанного процесса играет восприятие, под которым в психологии понимается субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины «образ восприятия», «перцептивный образ»)[2]. Будучи необходимым этапом познания, оно всегда в большей или меньшей степени связано с мышлением, памятью, вниманием, направляется мотивацией и имеет определенную аффективно-эмоциональную окраску[3].

Одним из свойств восприятия является апперцепция (от лат. ad – к и perceptio – воспринимаю) – влияние на восприятие предметов окружающего мира предшествующего опыта и установок индивида.

Несмотря на относительную устойчивость воспринимаемых признаков предметов при изменении условий восприятие, многочисленные факторы могут влиять на эффекты константности восприятия[4].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что восприятие преступного события индивидуально для каждого человека и зависит от особенностей его личности, а также от объективных факторов, влияющих на процесс восприятия (погодные условия, время суток, направленность света и др.).

Искажение полученной информации может произойти также на этапе переработки внешней информации индивидом и её дальнейшего воспроизведения.

---

[1] Философский энциклопедический словарь. URL: http://dic.academic.ru.
[2] Большой психологический словарь URL: http://www.persev.ru.
[3] Там же.
[4] Психологический словарь. URL: http://psi.webzone.ru.

Кроме того, на процесс познания объективной истины об обстоятельствах преступного деяния влияют и особенности личности самого следователя и судьи, в том числе профессиональные навыки и знания, которыми он обладает.

Все вышеперечисленные особенности процесса познания и передачи информации свидетельствуют о наличии некоторой условности в возможности достижения объективной истины в ходе расследования уголовного дела.

Субъективные факторы, к сожалению, нередко препятствуют установлению истины по уголовному делу даже в профессиональной среде. «Оценивая условия, порождающие судебные ошибки и затрудняющие достижение истины по делу, прокуроры, адвокаты, судьи также видят главную проблему в личности правоприменителя: 60% опрошенных указали в этой связи на некачественную работу органов предварительного расследования, 56% – на недостаточную профессиональную квалификацию лица, осуществляющего доказывание по делу»[1]. Устранить данный фактор возможно только путем регулярного повышения квалификации всех участников уголовного судопроизводства.

Несмотря на субъективные факторы, препятствующие установлению объективной истины в уголовном судопроизводстве, необходимо согласиться с мнением А.И. Бастрыкина, который считает, что ориентированность процесса доказывания по уголовному делу на достижение объективной истины является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела и отправления справедливого правосудия[2].

Установить истину в уголовном процессе означает познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу в соответствии с тем, как они имели место в действительности[3]. Возврат понятия «объективная истина» позволит увеличить ответственность правоохранительных органов, осуществляющих сбор доказательств, и повысить требования к суду. «Установление объективной истины необходимо определить в качестве общеотраслевого принципа уголовного судопроизводства, реализуемого на всех стадиях производства по уголовному делу. В развитии этого принципа предусматривается обязанность публично-правовых субъектов доказывания

---

[1] Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе: автореф. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 10.

[2] Бастрыкин А.И. Проект ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://www.sledcom.ru.

[3] Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Н. Алексеева. URL: http://www.studylaw.narod.ru.

(суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя) в пределах своей компетенции принять все меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию»[1].

Вместе с тем следует отметить ряд проблем, которые предстоит разрешить в случае введения в УПК РФ понятия «объективная истина». В частности, не совсем понятен механизм достижения в судебном процессе объективной истины в случае применения особого порядка разбирательства, поскольку доказательства не исследуются судом, а лишь выносится решение.

Кроме того, рассмотрение уголовного дела судом присяжных также минимизирует возможность установления объективной истины в ходе судебного процесса, поскольку в присяжные подбираются люди, зачастую не имеющие даже минимальных юридических знаний. В связи с чем, их решение нередко основано на эмоциональной составляющей, которая может исключить не только объективность, но и поставить под сомнение установление самой истины.

В заключении хотелось бы отметить, что, безусловно, достижение объективной истины в ходе уголовного судопроизводства осложнено различными факторами, однако у его участников со стороны обвинения и суда должно быть стремление к её достижению.

Л.В. Виницкий
А.А. Маганкова

Сущность и содержание истины в современном уголовном судопроизводстве и проблемы справедливости приговора

Проблема необходимости установления истины по уголовным делам уходит своими корнями в истоки не только правовой, но и философской мысли[2]. Не теряет своей актуальности проблема истины по уголовному делу и в наши дни. Теория уголовного процесса, используя категорию истины[3], не отвечает на вопрос о том, должны ли выводы

---

[1] Бастрыкин А.И. Пояснительная записка к проекту ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://www.sledcom.ru.

[2] Духовской М.В. Русский уголовный процесс: издание для студентов. М., 1910; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. С. 65; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1968. Т. 2. С. 325.

[3] Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе

следователя и суда быть объективно истинными, каков характер истины, достигаемой в уголовном судопроизводстве. Не находит также единогласного решения и дилемма о том, что входит в содержание истины, познаваемой в ходе производства по уголовному делу.

Особое значение разрешение указанной коллизии приобретает при постановлении приговора, который, в силу ст. 291 УПК РФ, должен быть справедливым. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П предусматривает, что «судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия»[1].

Необходимость достижения объективной истины, включения в уголовно-процессуальный закон требования о всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств дела с 2001 г. неоднократно становились предметом дискуссий в специальной научной литературе[2]. Данную идею Следственный комитет РФ воплотил в 2012 г. в проекте закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», и обозначенная дискуссия приобрела новый виток[3].

Обоснованной следует признать точку зрения М.С. Строговича, который указывал на то, что «те обстоятельства, которые для дела имеют значение и от установления которых зависит решение вопроса о виновности и степени ответственности обвиняемого, должны быть уста-

---

России. М., 2008. С. 23.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 УПК РФ в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Российская газета. 2007. 02 июня.

[2] Ахмадуллин А.С. Всесторонность, полнота и объективность в досудебных стадиях российского уголовного процесса. М., 2006; Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования: автореф. дис. канд. юрид. наук. Омск, 2006; Коомбаев А.А. Реализация принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельства дела при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2010. № 16. С. 21-23; Козявин А.А., Цуканова Е.С. Всесторонность, полнота и объективность как системообразующий аксиологический принцип отправления правосудия и его место в уголовно-процессуальной форме // Российский следователь. 2011. № 8. С. 5-8; Корнакова С.В. О всесторонности, полноте и объективности установления и исследования обстоятельств уголовного дела // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. В 2 ч. Ч. I. Иркутск, 2011. С. 143-148.

[3] Законопроект «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://www.sledcom.ru.

новлены судом абсолютно верно»[1]. Нами при написании статьи проведено интервьюирование 173 респондентов, в том числе 50 судей, 63 следователей, 60 адвокатов г. Москвы, Смоленской, Брянской и Калининградской областей в период с 19.01 по 06.04.2013. 35,9% опрошенных нами судей, 41,2% адвокатов, 28,5% следователей определяют истину через достоверную доказанность обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Истина по уголовному делу «извлекается из фактов»[2], обнаружение которых влечет за собой их изучение путем построения следственных версий и проверки их достоверности. Средством же установления истины по делу являются доказательства. Собранные по делу доказательства можно назвать своеобразными ступенями на пути движения от вероятностного предположения (версии обвинения/защиты) к установлению истинного знания по уголовному делу (приговор суда). В этой связи следует отметить, что доказательство по делу – это не просто отображение информации о преступлении, это иная категория, которая включает в себя еще и формальную сторону. Сама по себе информация о преступлении, как писал И.М. Лузгин, не образует доказательства в уголовно-процессуальном смысле[3]. К примеру, невозможно признать имеющими доказательственное значение сведения, которые получены на сеансе у экстрасенса или гадалки, не могут служить доказательствами познания истины показания и заключения о чудесах, телепатии и иных сверхъестественных явлениях.

В процессе доказывания по уголовному делу достижение истины возможно в том объеме и теми способами, которые определены законом, а цель деятельности суда заключается в принятии обоснованного, законного и справедливого решения на основании представленных и полно, объективно и всесторонне исследованных в суде доказательств[4]. Как позитивный момент в связи с изложенным следует назвать формулировку ч. 1 ст. 16.1 законопроекта, так как она является первой законодательной инициативой новейшего времени в отношении установления необходимости всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности. Следует признать, что определяющая функция органов предварительного расследования, прокуратуры и суда не может исключать полноты, объективности и всесторонности исследования обстоятельств, подлежащих

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 317.

[2] Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе. Волгоград, 2010. С. 13.

[3] Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М., 1973. С. 73.

[4] Сиволова А.А. Достижение юридической истины как условие соответствия приговора суда требованию справедливости // Актуальные проблемы права: мат-лы Межд. заоч. науч. конф. (ноябрь 2011 г.). М., 2011. С. 15-17.

доказыванию по уголовному делу. Названное требование во многом служит способом обеспечения соответствия всей процессуальной деятельности критерию истинности, а приговоров – требованию справедливости.

Истина как условие справедливого приговора заключает в себе качественно отличное от следственной версии знание – это достоверное знание об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Выявление содеянного и его квалификация представляют собой познание действительности, которое не статично. Определению нормы права, подлежащей применению, предшествует установление некоторого количества признаков, образующих в своей совокупности состав преступления. При этом закономерным результатом обнаружения новых, влияющих на данную ранее правовую оценку содеянного обстоятельств будет являться изменение объема обвинения или квалификации действий обвиняемого. Таким образом, лишь в том случае, когда содеянному дана правильная с точки зрения УК РФ оценка, возможно говорить о том, что по делу установлена истина.

В правоприменительной практике ошибочная квалификация обуславливает несправедливость провозглашенного судом приговора. Так, по приговору Рославльского городского суда Смоленской области от 12.09.2008 К. признан виновным в совершении кражи имущества Б. из сарая и ее жилого дома, которым он не успел распорядиться и был застигнут на месте Б., однако от кражи не отказался, а с целью удержания похищенного пытался применить к Б. насилие, неопасное для ее жизни и здоровья, бросив в нее штакетину. Данные действия квалифицированы как два преступления – кража и грабеж. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ наказание было назначено путем частичного сложения в виде 4 лет 6 мес. лишения свободы. Постановлением Президиума Смоленского областного суда от 12.01.2011 действия К. были переквалифицированы с п. «в, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и п. «в, г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, осуждение же по п. «б, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ по краже из сарая Б. исключено, окончательное наказание назначено в виде 4 лет лишения свободы, поскольку все действия К. охватывались единым умыслом на совершение кражи, которая была начата как тайная, а затем переросла в открытое хищение, которое не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам[1].

Рассуждая о целесообразности включения в содержание истины наказания, следует согласиться с выводом о том, что решение о виде и

---

[1] Постановление Президиума Смоленского областного суда от 12.01.2011 № 44-У-5/2011 // Архив Смоленского областного суда. Справка Смоленского областного суда по результатам анализа характера и причин ошибок, повлекших отмену и изменение судебных постановлений по уголовным делам в порядке надзора за 2-е полуг. 2010 г. URL: http://oblsud.sml.sudrf.ru.

размере наказания лица, виновного в совершении преступления, лишено «познавательного элемента и представляет собой волеизъявление суда»[1]. Наказание, назначаемое судом, в любом случае должно быть справедливым и отвечать тяжести совершенного преступления и личности подсудимого (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ). Но его вид и размер не отнесен УПК РФ к предмету доказывания по уголовному делу. Назначению судом наказания всегда предшествует достоверное установление обстоятельств дела и квалификация содеянного по той или иной статье Особенной части УК РФ. Только достоверно доказанные факты о наличии преступления, виновности лица в его совершении, степени общественной опасности правонарушителя, обстоятельств, смягчающих либо отягчающих ответственность (т.е. истина), позволяют правильно определить конкретную меру ответственности. Следовательно, наказание не может быть включено в содержание истины.

В силу изложенного под установлением истины в уголовном деле целесообразно понимать выяснение всех фактически значимых для правильного разрешения дела по существу обстоятельств произошедшего, правильную квалификацию содеянного, а также установление действительной вины или невиновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств произошедшего, нашедших свое отражение в доказательствах по уголовному делу.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод о том, что истину как знание, полученное на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств произошедшего, следует рассматривать как основу справедливости уголовно-процессуальных отношений, находящей свое конкретное воплощение в итоговом решении по делу – приговоре. Развитие УПК РФ необходимо проводить по пути усиления слагаемых справедливости в части установления истины.

Л.М. Володина

Материальная (объективная) истина в уголовном процессе

Обращение к проблеме характера знания, получаемого в ходе производства по уголовному делу, в рамках данной статьи ограничено выбором отдельных направлений, по которым спор противоборствующих сторон проявляется особенно остро[2].

---

[1] Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 86.

[2] См. подробно о проблеме истины в уголовном процессе: Володина Л.М. Установление истины в уголовном процессе // Вопросы правоведения. 2013. № 3. С. 317-335.

Неприятие возможности установления объективной истины в уголовном процессе сопряжено, прежде всего, с противопоставлением природы научного познания и познания практического и отрицанием возможности достижения истины в рамках практического познания. Между тем классическое учение об уголовных доказательствах дает основание говорить о том, что практическая истина столь же реальна, как и истина научная, «различие же в их достоверности обусловлено различием самой их природы»[1]. Подтверждением значимости установления истины в уголовном процессе являются суждения В.К. Случевского[2], В.А. Рязановского[3], Л.Е. Владимирова[4].

Достоверность знания в диалектико-материалистической гносеологии – форма существования истины. Каковы же методологические позиции противников истины, критикующих сторонников диалектико-материалистического направления в науке? Парадокс ситуации заключается в том, что в высказываниях некоторых из них сквозит презрение к материалистической диалектике, а если быть точнее, смешение представления о диалектических методах исследования с марксистско-ленинской идеологией, но сквозь призму их «воззрений», к сожалению, не проглядывает сколько-нибудь четкая методологическая платформа. Кто они по своим мировоззренческим пристрастиям: приверженцы метафизики, агностицизма, конвенционализма или каких-либо неореформистских мировоззренческих взглядов? На чем покоится их отрицание возможности установления истины? Нередко это набор эклектических представлений, не вполне совместимых, а иногда явно противоречащих друг другу. Как с позиций диалектического материализма можно вообще ставить вопрос о том, объективна ли истина? Истина отражает реальную действительность, «состоящую не только из явлений, но и из сущностей», и признание этого положения отграничивает диалектико-материалистическое понимание истины от любых форм идеализма[5]. Что лежит в основе непризнания практики как критерия истины в уголовном процессе? Очевидно, что это могут быть метафизические представления о природе вещей: именно метафизики отрицают связь знания с практикой, с предметно-чувственной деятельностью человека. Но ведь иные суждения критиков истины как будто к метафизическим воззрениям никакого отношения не имеют.

---

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. Санкт-Петербург, 1996. С. 164-202.

[2] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2 / под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. С. 350.

[3] Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1924. С. 73. Перепечатано из «Трудов профессоров Иркутского университета». 1920. Вып. 1.

[4] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 37.

[5] Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991. С. 34.

Определяя истину как «противоположность лжи», В. Даль писал: «Слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правота»[1]. И это соотношение понятий, замеченное В. Далем, не надуманно, русский язык точно отражает смысловую нагрузку взаимопроникновения данных понятий. Подтверждением тому является и то, что первый правовой источник Древней Руси назывался Русской Правдой. Истоки наших представлений об истине как аналогу правды – мудрость предков.

В ряду высказываний противников установления истины существует суждение о том, что достоверность – «лишь представление об истине в нашем сознании…, и потому неправ М.С. Строгович, считавший, что «достоверность – это то же самое, что истинность». Суждение подкреплено примером: пересмотр уголовных дел по вновь открывшимся обстоятельствам означает, что «первоначальные выводы суда были достоверны, но не истинны»[2].

Однако, во-первых, следует различать выводы суда и знание, на котором строятся выводы. Выводам суда предшествует получение знания: это оно может быть либо достоверным (истинным), либо ложным (недостоверным). Во-вторых, суд, рассматривавший дело по существу, не зная о новых или вновь открывшихся обстоятельствах на момент постановления приговора, не достиг достоверного знания по уголовному делу и принял решение, не соответствующее действительно имевшим место обстоятельствам дела. Знание это нельзя назвать достоверным, действительное положение вещей в силу сложившихся обстоятельств судом не было установлено.

Еще один из аргументов сторонников отказа от установления объективной истины: знание, приобретаемое в процессе доказывания, являясь субъективным отражением объективно существующей реальности, не совпадает с действительностью. Но кто сказал, что достоверное знание, полно и точно отражающее реальные обстоятельства дела, должно совпадать с действительностью? Отраженное субъектом знание о ней может быть истинным (достоверным), ложным или ошибочным, но точной копией действительности быть не может. «Трудность отличения истины от заблуждения в каждый данный момент не означает, что истины нет или что не изменяется объем этой истины. Истина есть, но она находится в процессе формирования и роста. Находясь в составе достоверного (или вероятного) знания, элементы объективной истины определяют направление развития знания»[3]. И это диалектика.

---

[1] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т.2. М., 1994. С. 60.
[2] Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 91-92.
[3] Алексеев П.В., Панин А.В. Указ. соч. С.63.

Особенности познания в уголовном процессе связаны с регламентацией этого процесса нормами уголовно-процессуального закона. Но это познавательный процесс, и как любой иной вид познания (познавания, как говорят философы) реальной действительности, он подчинен закономерностям гносеологического характера. В основе уголовно-процессуального познания лежат общие закономерности отражения взаимодействующих явлений реального мира. С этих позиций совершенно бессмысленным является спор об относительном или абсолютном характере истины в уголовном процессе. Соотношение этих понятий четко определено в философии – диалектическое единство: истина всегда неполна в силу незавершенности познания, она одновременно и абсолютна и относительна.

Достоверность знания как результат доказывания – основа справедливого судебного решения. Как можно говорить о вине лица в совершении преступления на уровне вероятного знания? В этом случае действует непоколебимое правило – презумпция невиновности: stabit praesumptio pro veritate (презумпция принимается за истину). Вероятность как математическая категория сопряжена с понятием случайности. «Вероятность» и «достоверность» как парные философские категории в силу диалектической закономерности единства и борьбы противоположностей не могут быть взаимозаменяемыми. «Вероятный» в философском определении означает «в большей или меньшей степени претендующий на достоверность, не имея на то достаточных оснований»[1]. Разве вправе судья принимать решение о виновности лица, имея в основе решения знание, «в большей или меньшей степени претендующее на достоверность»? А как быть с понятием совести, заложенным в правила, определяющие итог правоприменительной деятельности суда?

Нужно ли было упоминание об истине во времена «царствования» в уголовно-процессуальной науке идей А.Я. Вышинского? Все было предельно просто. Отдел седьмой УПК РСФСР, утвержденного постановлением ВЦИК 15.02.1923[2] (в ред. от 10.12.1934[3] и от 2.02.1938),[4] содержал всего восемь статей. Процедура доказывания была предельно проста. В довершении этой, с позволения сказать, юридической процедуры ст. 470 УПК РСФСР устанавливала: «Приговор к высшей мере наказания приводится в исполнение немедленно по вынесении приговора»[5].

Как же можно говорить о том, что именно «чрезмерная любовь к объективной истине» (А.С. Александров) приводила к попранию прав

---

[1] Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 65.
[2] СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
[3] СУ РСФСР. 1934. № 2. Ст. 8.
[4] СУ РСФСР. 1934. № 3. Ст. 38.
[5] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. М., 1943.

человека? С какой же легкостью можно ныне критиковать позицию М.С. Строговича и других известных ученых, отстаивавших объективную истину в сфере уголовного судопроизводства в не самые легкие времена для развития уголовно-процессуальной науки.

Знание об обстоятельствах дела лежит в основе решения, принимаемого по делу через юридическую оценку этого знания. Вот здесь происходит еще одно смещение и смешение понятий.

Возможность достижения истины оспаривается нередко в силу представления о том, что «познающий субъект в уголовном процессе «сам отбирает то, что, по его субъективному мнению, имеет юридическое значение. Он сам выстраивает в своем сознании не только фактический, но и юридический образ совершенного преступления»[1]. Рассматриваемая позиция не нова. Еще в 70-х гг. XX в. авторы известного труда «Теория доказательств в советском уголовном процессе», анализируя этот вопрос, пришли к выводу о том, что объективная истина в свое содержание включает «достоверное познание фактов, их правильную квалификацию и правильное определение меры наказания». Вывод этот делался ввиду значимости квалификации и назначения наказания как элементов характеристики общественно-политического звучания[2].

Против включения в содержание истины общественно-политической и юридической оценки, в противовес рассмотренной позиции, выступали известнейшие ученые страны: М.А. Чельцов, М.С. Строгович, М.Л. Шифман, Н.С. Алексеев, В.З. Лукашевич, П.С. Элькинд. Они отстаивали иную точку зрения, согласно которой материальная истина «есть отражение в нашем сознании объективно, вне нас существующих фактов и обстоятельств», именно поэтому «нет оснований включать в понятие истины квалификацию преступления, ибо она не может трактоваться как нечто объективное, существующее вне нашего сознания и независимо от него»[3]. М.С. Строгович подчеркивал: вначале суд устанавливает факты, а затем применяет норму права[4]. И это вполне соответствует нашему представлению о процессе правоприменения, включающем несколько этапов, первым из которых является установление фактических обстоятельств дела.

---

[1] Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С.59-60.

[2] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 135.

[3] Шифман М.Л. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1962. С. 27.

[4] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 14.

«Принцип объективной истины, – утверждал член-корр. РАН С.С. Алексеев, – общий принцип юридического познания. Не только судебные органы по уголовным и гражданским делам, но и все органы, деятельность которых связана с применением права, должны руководствоваться принципом объективной истины в качестве ближайшей цели разрешения юридических дел». «Вместе с тем, – отмечает он, – в предмет объективной истины не входит волевая сторона правоприменительной деятельности. Государственно-волевое решение правоприменительного органа основывается на истинных суждениях о фактах объективной действительности, но само по себе выражает творчески-организующие (и, следовательно, субъективные) моменты». «Истина в юридическом деле должна быть полной, точной, действительной, т.е. объективной истиной в самом строгом, философском значении этого слова; знания правоприменительного органа об обстоятельствах дела должны полно и точно соответствовать реальным фактам объективной действительности в их правовом значении»[1].

А.Ф. Волынский

Истина и общественный прогресс – факторы, способствующие расследованию преступлений

Возникновение и развитие криминалистики как науки, призванной содействовать деятельности правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений, традиционно связывается с научно-техническим прогрессом (НТП), с достижениями, прежде всего, естественных и технических наук. На их основе, на рубеже X1X-XX вв. была открыта «криминалистическая тайна» дактилоскопии; создана приметоописательная система человека; сформулированы основы криминалистической идентификации; разработаны приемы опознавательной фотосъемки и фотосъемки места происшествия; создана научно-обоснованная методика исследования выцветших документов, позволившая «увидеть невидимое».

С этих научно-технических разработок и внедрения их результатов в следственную практику начиналась криминалистическая техника, которой, по меткому замечанию Р.С. Белкина, обязана своим рождением криминалистика. Впрочем, и дальнейшее развитие этой науки, в том числе, тактики, методики, в качестве ее самостоятельных разделов, во многом предопределялось достижениями в области криминалистической техники. Объяснение тому более, чем очевидное.

Все естественные и технические науки, достижения которых лежат в основе криминалистической техники, в отличие от гуманитарных

[1] Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 530.

наук, предопределяющих возможности развития криминалистической тактики и, соответственно, методики, развиваются более динамично и с закономерно проявляющимся ускорением. Их влияние на криминалистическую технику в ее поступательном развитии без труда можно проследить на протяжении одного поколения криминалистов.

Буквально революционные изменения криминалистической техники и ее возможностей происходят в последнее время, по мере освоения ею компьютерной техники и современных информационных технологий. Можно с уверенностью прогнозировать, что в недалеком будущем добрая половина преступлений будет раскрываться, образно говоря, нажатием кнопки. Однако возникают вопросы, а готово ли к этому наше общество, с учетом его правосознания, уровня его правовой культуры и степени криминализации, наконец, насколько им осознана необходимость использования современных достижений НТП для обеспечения своей безопасности от нарастающих угроз преступности.

Вместе с тем, такие гуманитарные отрасли научного знания, как философия, социология, логика, психология, педагогика и им подобные, достижения которых криминалистика использует в совершенствовании своих рекомендаций по тактике и методике раскрытия и расследования преступлений, объективно весьма консервативны в своем развитии, впрочем, как и человек, по своей природе, по психологии и логике восприятия окружающей среды, по мотивации своих действий. В этом отношении человек практически не изменяется во времени, изменяются лишь способы и средства его действий. Раньше он защищал себя и свое жилище или, наоборот, шел убивать и грабить соседа, держа в руках палку с камнем на ее конце, а сегодня использует для этого современное оружие, скоростные средства передвижения, мобильную связь и т.п.

Таким образом, достижения НТП несут обществу блага, а вместе с тем представляют реальную угрозу его безопасности и самому его существованию. В этом диалектически проявляющемся противостоянии добра и зла в развитии НТП и использовании его достижений обществом граница возможного и допустимого определяется с позиций и под влиянием общественного прогресса, причем, общество только по факту осознает реальную опасность преступности и очень медленно привыкает к мысли о необходимости использования в борьбе с ней современных достижений науки и техники. Образно говоря, действует по «методу пожарных».

Здесь уместно заметить, что в энциклопедии, в философской, социологической литературе, в соответствующих словарях и справочниках отсутствует определение общественного прогресса. Обычно под ним понимается система таких его составляющих, как идеология, политика, форма государственного правления, экономика, право, наука, литература, искусство, религия, обычаи, традиции и т.п. Все составля-

ющие общественный прогресс в своем развитии и во влиянии на происходящие в обществе процессы тесно взаимосвязаны. Политика – концентрированное выражение экономики; экономика – результат реализации возможностей НТП; НТП – процесс и результат развития науки и техники, освоения их достижений обществом; право – выраженная в законе политика и т.д. и т.п.

С позиции общественного прогресса объясняется тот факт, что общедоступные достижения НТП в одном и том же историческом промежутке времени с различным успехом используются в разных странах. Классическими в этом отношении стали примеры, когда по идеологическим соображениям в СССР критиковалась «лжегенетика», отвергалась «лжекибернетика» и другие отрасли научного знания. Разумеется, в 80-е гг. XX в. «лжекибернетику» в нашей стране уже никто не разоблачал, но уровень развития компьютерной техники оказался настолько низок, что пропагандистам господствовавшей в то время идеологии оставалось только одно – критиковать ее использование в борьбе с преступностью в капиталистических странах. Под огнем такой критики оказались, прежде всего, современные информационные технологии, применение которых в борьбе с преступностью характеризовалось не иначе как «электронная диктатура», «компьютерная слежка» и т.п.[1] Кто-то может сказать, что это уже прошлое и зачем об этом говорить. Верно, прошлое, но оно настолько основательно «засело» в нашем общественном сознании, что реально влияет на настоящее и во многом предопределяет будущее.

С позиции общественного прогресса проявляются важные для оценки современного состояния криминалистики и перспектив ее развития закономерности:

- чем ниже уровень социально-экономического развития общества, тем более оно криминализировано, тем в большей мере оно нуждается в использовании современных достижений науки и техники в борьбе с преступностью, однако тем меньше у него для этого возможностей;

- чем ниже уровень правовой культуры, правосознания и законопослушания граждан, тем более преступно общество, тем серьезнее, а в лице отдельных его членов воинственнее отрицается все новое и действенное в борьбе с преступностью, а особенно научно-технические методы и средства;

- чем более жестока тотальная диктаторская форма государственного правления, тем ниже уровень преступности (подавляемой грубой силой) и тем меньше уделяется внимания возможностям науки и техники в борьбе с ней.

---

[1] См., напр.: Батурин Ю.М. Право и политика в компьютерном круге. М., 1987. С. 71-85.

Очевидно, что в формирование обозначенной системы, в основе своей противоречивых факторов, характеризующих состояние и особенности отношений общества и государства, экономики и уголовно-правовой политики, преступности и правовой культуры граждан, в определенных пределах и формах вносят свою лепту все составляющие общественного прогресса, начиная от политики, идеологии и заканчивая обычаями и традициями.

Однако особое место в их системе занимают уголовно-правовая политика и право, наука и образование, коль скоро речь идет о таких остро проблемных отношениях, затрагивающих законные интересы и права всех граждан, общества и государства, которые возникают при совершении преступлений и их расследовании; об отношениях, в которых сложнейшим образом противоречиво переплелись и отразились в общественном сознании современные достижения НТП и деградированные представления о традиционных ценностях; воспоминания о трагическом прошлом нашей страны и ощущения возрастающей угрозы современной преступности; исторически сложившиеся обычаи, традиции и современные реалии жизни нашего общества.

Во многом этим можно объяснить сохраняющийся в нашей стране «либерализированный» советский УПК или статический учет преступлений по факту возбуждения уголовных дел, введенный Циркуляром Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского № 41/26 в 1937 г. Сегодня такая статистика представляет пример лукавства и показухи, к ней выражал недоверие Д.А. Медведев, еще будучи Президентом России. В самом деле, по статистике с 2009 г. по 2012 г. преступность снизилась более чем на 20%, а количество сообщений и заявлений о происшествиях увеличилось за это же время более чем на 10%. Между тем, давно известно, что неполные, неточные, ложные статистические данные приводят к недостоверным оценкам ситуации и ошибочным выводам, а как следствие, к неэффективным, к неадекватным, а порой и вредным, управленческим решениям. Зачем тратиться на какую-то технику, на освоение современных информационных технологий в борьбе с преступностью, если она и без того сокращается. Осталось только, как в былые времена, провозгласить курс на ее полное искоренение.

Только кричащие, буквально вопиющие факты проявления преступности или откровенные просчеты и упущения в борьбе с ней вынуждают противников внедрения современных достижений НТП в криминалистическую практику приглушить свои голоса, а законодателя в «пожарном порядке» реагировать на ситуацию.

Показательный в этом отношении пример связан с законодательным решением вопроса о дактилоскопической регистрации граждан в нашей стране. Эта проблема обсуждалась еще в советское время. Противники ее положительного решения связывали это с нарушением кон-

ституционных прав граждан, пугали возможными злоупотреблениями правоохранительных органов, заявляли, разумеется, без каких-либо расчетов, что создание и обеспечение функционирования такой системы экономически не оправдано. И только по существу массовые выступления граждан, в частности, матерей российских солдат, погибших в ходе боевых действий на Кавказе, трупы которых длительное время оставались не идентифицированными, заставили законодателя принять Федеральный закон от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации».

С тех пор прошло 15 лет, но в практике реализации этого закона не отмечено ни одного случая злоупотреблений, впрочем, как и за всю вековую историю использования дактилоскопии в борьбе с преступностью. В этой связи ясно только одно, что данный закон как следствие борьбы «за» и «против» оказался непоследовательным и противоречивым. Осуществлять добровольное дактилоскопирование всех граждан страны – это нарушение их конституционных прав, а такие права сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, оказывается, можно нарушать; с помощью дактилоскопической регистрации законно идентифицировать лиц, погибших в военных конфликтах и при охране общественного порядка, но невозможно, недопустимо решать ту же задачу в отношении на порядок большего количества без вести пропавших, в том числе в результате техногенных катастроф и аварий, в отношении трупов неизвестных граждан, число которых за последнее десятилетие приближается к сотне тысяч.

В решении таких проблем самым непосредственным образом сказывается влияние экономических и организационных факторов. После длительных дискуссий, начиная с 60-х гг. XX в., в УПК РСФСР, а теперь и России положительно решен вопрос о допустимости использования видеозаписей при производстве следственных действий, но организационно и материально применение соответствующих средств практически не обеспечено. Профессионально, да и физически с этой задачей, при современных формах организации их труда не в состоянии справиться ни следователи, ни работающие по их вызову специалисты – криминалисты. В результате видеозапись применяется в единичных случаях даже при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. И это в то время, когда высказываются намерения, по примеру западных стран, ввести в нашей стране электронное судопроизводство, а при производстве многих следственных действий вместо понятых использовать видеозапись. Но пока все это у нас не получается, и не получится, если для начала не будет должным образом организовано масштабное повсеместное использование при расследовании преступлений цифровой фото- видеотехники.

При решении таких проблем, связанных со значительными финансовыми расходами, дискуссии, как правило, ведутся в ключе: «есть

деньги – нет денег». Вместе с тем никто не утруждает себя расчетами реальных расходов, связанных с раскрытием и расследованием определенных видов преступлений, например, убийств, и не сопоставил их с расходами на конкретные, подчеркнем, прорывные научно-технические средства. Конкретные и показательные в этом отношении факты последних лет, которые широко обсуждались в прессе.

Террористический акт в ноябре 2009 г. в отношении скоростного пассажирского поезда «Москва – Санкт-Петербург». Над его раскрытием почти три месяца, отметил в своем интервью «Российской газете» (за 18 и 25.03.2010) Председатель СК России А.И. Бастрыкин, трудилось огромное множество сотрудников различных правоохранительных ведомств и служб. Но будь у нас, заметил он, более совершенные дактилоскопическая и геномная регистрации граждан, это преступление можно было бы раскрыть в течение нескольких дней.

Убийство с изнасилованием малолетней девочки в г. Красноярске в 2010 г. Почти год оперативные работники, следователи безуспешно трудились над раскрытием этого преступления, пока не стали проверять подозреваемых с помощью ДНК-анализа. Преступник был установлен в течение нескольких дней.

Возможно в этих случаях затраты на длительную и безуспешную работу нескольких сотен сотрудников правоохранительных органов и не сопоставимы со стоимостью соответствующих приборных комплексов и организационного обеспечения их функционирования, но если учесть, что в нашей стране ежегодно совершаются сотни тысяч преступлений, когда преступники оставляют на местах происшествий следы биологического происхождения, то расходы на соответствующую технику и расходы без нее окажутся не просто сопоставимы, а в разы различающимися в пользу «науки и техники».

Анализируя подобные факты и в целом тенденции научно-технического (или криминалистического) обеспечения раскрытия и расследования преступлений, естественно и неизбежно приходим к вопросу: «а что в таком случае может сделать криминалистика и представляющие ее ученые, впрочем, как и иных наук уголовно-правового цикла?».

При этом напрашивается один общий вывод – в условиях рыночных социально-экономических отношений, в условиях жесточайшей конкуренции не только в экономике, но и в общественных, правовых отношениях, в законотворческой деятельности, в условиях почти открытого противостояния законопослушного и преступного общества, нельзя таким антипатологическим наукам, как криминалистика, оставаться аполитичными, социально нейтральными (ведь политика – это жизнь, это выбор между гибельным и не популярным).

В этих условиях объективно актуализируются проблемы самосовершенствования и роста самосознания криминалистики. Естественно

возникают и требуют своего решения вопросы, касающиеся предмета, природы, системы, методов и методологии этой науки. Но основная социальная функция всех наук, криминалистика в этом отношении не исключение, служить обществу. Это значит, что ее задачей является не только разработка, создание необходимых для раскрытия и расследования преступлений, то есть для обеспечения его безопасности методов, средств, рекомендаций, но и активное содействие внедрению их в практику борьбы с преступностью, в общественно полезную деятельность.

В основе своей такое участие, по нашему мнению, должно осуществляться с ориентацией на инновационный подход к организации научных исследований, предполагающий реализацию познавательной, созидательной, образовательной и внедренческой служебных функций криминалистики. Инновация – по своей сути новшество, прошедшее путь от идеи до внедрения в практику. Инновационный подход может проявляться не только в технике и технологиях, но и в решении проблем организации, правового регулирования определенной деятельности, чем, как известно, характеризуется криминалистическое обеспечение расследования преступлений.

Однако возникает вопрос о способности и возможности каждого в отдельности взятого ученого оббивать пороги кабинетов и добиваться внедрения его разработок в практику. В общей массе они не обладают потенциалом «пробивания». Нередко им проще что-то обосновать, сконструировать, чем добиться признания. Выход напрашивается только один – искать и реализовывать профессионально-коллективные формы обсуждения, оценки и внедрения в практику предлагаемых новшеств. Эту задачу могла бы взять на себя такая уже существующая общественная организация, как «Союз криминалистов и судебных экспертов», однако о его деятельности в этом направлении ничего не известно. Не исключается возможность создания в этих целях постоянно действующей межведомственной комиссии правоохранительных министерств и ведомств.

В этой связи особое внимание следовало бы обратить на выходы во вне по результатам многочисленных научно-практических конференций и семинаров, в частности, проводимых в вузах правоохранительных министерств и ведомств, по проблемам криминалистики и смежных с ней отраслей науки. Но, ни для кого не секрет, что такие мероприятия и их результаты, как правило, остаются достоянием тех же «стен», где они проводились. Более серьезного внимания в аспекте их практической реализации заслуживают результаты соответствующих диссертационных исследований.

Свой более весомый вклад в разработку проблем криминалистики, в популяризацию ее современных возможностей, в формирование общественного сознания в части необходимости их внедрения в розыск-

ную и следственную практику могли бы внести и юридические вузы страны, особенно системы правоохранительных министерств и ведомств, в которых трудится абсолютное большинство ученых – криминалистов этой системы. Однако, не многие из них готовы совмещать педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, тем более при отсутствии реальных стимулов.

В этой связи следовало бы подумать о создании в таких вузах межкафедральных проблемных научно-исследовательских лабораторий, на которые следовало бы возложить задачи по разработке прорывных проблем, вытекающих из цели и процесса реформирования правоохранительных органов и всей системы судопроизводства. Такие НИЛ когда-то действовали при кафедрах уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности Высшей школы МВД СССР и зарекомендовали себя как весьма успешные. В современных условиях реформирования системы правоохранительных органов, с учетом состояния преступности в нашей стране и тенденций ее развития, наиболее сложные и вместе с тем злободневные проблемы проявляются, как правило, на стыке различных наук уголовно-правового цикла и, соответственно, их исследование должно быть комплексным, межнаучным.

В этой статье нами тезисно обозначен лишь сам факт непосредственного влияния общественного прогресса на развитие криминалистики и некоторые особенности его проявления в законотворческой деятельности и в практике борьбы с преступностью. Очевидно, что эта проблема сама по себе заслуживает более обстоятельного, разноаспектного изучения.

А.В. Гордин

Раскрытие преступлений как способ установления истины в уголовном судопроизводстве

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) в настоящее время является одним из наиболее эффективных средств борьбы с источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности РФ[1]. Имеющиеся в ее арсенале методы и средства, применение которых допустимо гласно и негласно, зачастую являются единственным законным способом получения доказательственной информации при раскрытии и расследовании преступных посягательств в целях установления объективной истины.

[1] Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

В настоящее время в теории и практике российского уголовного процесса преобладает точка зрения, в соответствии с которой под доказательствами понимаются любые полученные из установленных законом источников и в установленном законом порядке сведения, на основе которых орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК РФ). При этом процесс «установления обстоятельств», имеющих значение для уголовного дела по смыслу нормы допустимо рассматривать и как непосредственное расследование преступлений и как их раскрытие.

Анализируя ст. 74 УПК РФ, можно сформулировать, что расследование преступлений – это деятельность, осуществляемая гласно участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, уполномоченных на то УПК РФ, в пределах их полномочий посредством проведения следственных и иных действий в целях раскрытия и расследования преступлений.

Отметим, что в современной теории и практике борьбы с преступностью, все чаще звучит словосочетание «раскрытие и расследование преступлений». Возникает вопрос, как соотносить эти два понятия, если в УПК РФ такого понятия как раскрытие законодатель в принципе не применяет. И только с введением института досудебного соглашения[1] о сотрудничестве, в ч. 2 ст. 317 УПК РФ, законодатель определил, что подозреваемый или обвиняемый вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. В этом ходатайстве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. Вместе с тем словосочетание «раскрытие и расследование преступлений» употребляется и в отдельных положениях различных инструкций, учебно-методических наставлениях регламентирующих деятельность следственных органов[2].

Более того в ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Закон о

---

[1] Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в практику российского уголовного процесса введен институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

[2] Например, Следственный комитет Российской Федерации выпустил методическое пособие о раскрытии налоговых преступлений // Российский налоговый курьер. 2012. № 24.

СК России) законодатель определил, что «Следственный комитет при раскрытии и расследовании преступлений взаимодействует с правоохранительными органами, органами предварительного расследования и органами дознания». Таким образом, по смыслу толкования указанной нормы СК России в лице входящих в его структуру следственных органов непосредственно участвует не только в расследовании, но и в раскрытии преступлений. При этом имеющиеся на сегодня комментарии[1] Закона о СК России понятного толкования раскрытию преступлений не дают. Имеются только общие определения некоторых форм сотрудничества в рамках повышения эффективности борьбы с преступностью, своевременного выявления, раскрытия, пресечения и предупреждения преступлений.

Отметим, что раскрытие преступлений, по сложившемуся мнению многих специалистов осуществляется в рамках оперативно-розыскной деятельности, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. На это же указывают и задачи ОРД, одна из которых прямо определяет такую форму как «раскрытие преступлений».

Анализируя термин «раскрытие преступлений», следует обратить внимание на то, что ОРД, как деятельность, осуществляемая гласно и негласно оперативными подразделениями непосредственно уполномочена раскрывать преступления в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также общества и государства от преступных посягательств. Полномочиями по раскрытию преступлений наделены органы, осуществляющие ОРД, перечень которых определен в ст. 13 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Однако, в указанном перечне СК России, как известно, не указан. Возникает коллизия, законодательных формулировок определяющих правомочия органов расследования. С одной стороны органы расследования СК России участвуют в раскрытии преступлений и об этом есть упоминания в вышеприведенных законодательных актах, с другой, – законодатель не определил каким образом и в каких формах это раскрытие проводится.

Отметим, что деятельность по раскрытию и расследованию преступлений неразрывно связана с информацией и по сути своей носит ярко выраженный информационный характер. Ключевыми моментами при рассмотрении деятельности по раскрытию и расследованию преступлений являются как само понятие информации, так и объективно существующие закономерности ее возникновения, выявления, исполь-

---

[1] Егоров Ю.В., Соколов Д.В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Валиева Р.Ш. // СПС «ГАРАНТ».

зования. Таким образом, следователь как основной получатель информации, в том числе и оперативно-розыскной, все же является участником оперативно-розыскной деятельности, хотя бы как лицо, которое законом уполномочено оценивать предоставляемую ему оперативно-розыскную информацию – как имеющую доказательственное значение.

Кроме того, анализируя ст. 317.1 УПК РФ, регламентирующую не так давно принятый институт досудебного соглашения о сотрудничестве, следует отметить, что законодатель все же допускает осуществление ОРД, так, как мы уже отмечали, раскрытие преступлений осуществимо только посредством сочетания гласных и негласных методов и средств. В этой связи к гласным методам и средствам можно отнести взаимодействие следователя с оперативно-розыскным подразделением, например о возможности рассмотрения результатов ОРД как повода и основания для возбуждения уголовного дела.

Вместе с тем, на практике, взаимодействие следователей СК России с правоохранительными органами, осуществляющими раскрытие преступлений, посредством ОРД оставляет желать лучшего, результатом чего становятся многочисленные следственные ошибки. Так как показали результаты обобщения следственной практики, наибольшее число ошибок допускается следователями на стадии проверки сообщений о преступлениях при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Основными причинами таких ошибок, как отмечает А.М. Багмет, являются неполнота проверки, недостаточность данных для убедительного вывода об отсутствии оснований к возбуждению уголовного дела, неполная правовая оценка обстоятельств, а равно неверная их оценка как не образующих состава преступлений[1]. На наш взгляд, их существование обусловлено отсутствием взаимодействия на стадии раскрытия преступлений и непонимание следователями сущности и методов раскрытия преступлений. При этом одной из форм раскрытия преступлений, является как раз таки осуществление ОРД, результаты которой как следует из закона могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела (ст. 10 Закона об ОРД). О низком качестве взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, свидетельствуют и ряд «разваливающихся» резонансных уголовных дел[2].

В этой связи следует отметить, что следственные действия, в отличие от оперативно-розыскных мероприятий, по общему правилу имеют

---

[1] См. подробно: Следственные ошибки: бюллетень следственной практики. Вып. 1. Уголовно-процессуальные ошибки. М., 2013. С. 6-7.

[2] Дело «Оборонсервиса» разваливается прямо на глазах» (Наблюдатели полагают, что дело «Оборонсервиса» повторит судьбу «игорного дела»: много шума в начале и никаких обвинительных приговоров в итоге). URL: http://www.mk.ru.

безотлагательный характер, особенно на стадии проверки сообщений о преступлениях и первоначальном этапе расследования. Их экстраординарный характер в ряде случаев делает невозможным соблюдение всех правовых гарантий, установленных законом (недопустимость совершения следственных действий в ночное время, производство части из них на основании судебного решения и т.д.). И, как отмечает И.Ф. Демидов: «в силу такой специфики уголовное преследование не терпит состязательности противостоящих сторон, тем более что следователь обладает дискреционными полномочиями и именно он принимает необходимые, по его мнению, решения по уголовному делу»[1].

Как нам видится, основными причинами указанных обстоятельств, стали несовершенство уголовно-процессуального законодательства, а также ставшее уже «хроническим», предвзятое отношение к оперативно-розыскной деятельности и ее результатам как на стадии проверки сообщений о преступлениях, так и в ходе расследования уголовных дел.

В заключении отметим, что в ходе продолжающегося реформирования уголовно-процессуального законодательства, должна быть определена вполне достижимая в перспективе цель – создание существенно иной, цивилизованной модели уголовного судопроизводства, в рамках которой ОРД найдет свое достойное место и будет признанной формой раскрытия и расследования преступлений.

Для этого предлагается рассмотреть вопрос о включении в УПК РФ, таких понятий как «раскрытие преступлений» и «расследование преступлений», а также законодательного определения роли оперативно-розыскной деятельности как формы раскрытия преступлений, осуществляемой оперативными подразделениями в соответствии с федеральным законодательством об оперативно-розыскной деятельности.

А.Б. Гранкина

Риски и неопределенность в установлении истины по уголовному делу (проектно-управленческие аспекты)

Проблема истины постоянно находится в центре внимания теоретиков и практиков уголовного судопроизводства.

Представляется, что истина как доминанта в теории познания является целью и результатом доказывания по уголовным делам, тем самым позволяя восстановить картину произошедшего и удостоверить нас в том, что событие преступления познаваемо.

---

[1] Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. 2009. № 6.

Установление истины по уголовному делу заключается в доказывании не будущего события, а события прошлого, то есть совершенного преступления, с учетом оценки вероятности реализации доказанного события в будущем.

Однако процесс реализации доказанного события в будущем и вынесение справедливого решения судом значительно осложняется существованием категории неопределённости при наличии рисков принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений.

В данной статье нами будут исследованы вопросы влияния неопределённости на процесс принятия процессуальных решений с учетом использования проектного инструментария прогнозирования и оценки рисков.

Если рассматривать расследование преступлений через призму проектного управления, то конечным информационным продуктом на стадии предварительного следствия будет выступать качественно расследованное уголовное дело, результатом рассмотрения которого на судебной стадии является справедливый приговор, основанный на законе.

Процессы принятия решений в управлении проектами происходят, как правило, в условиях наличия той или иной меры неопределенности, определяемой неполным знанием всех параметров, обстоятельств, ситуации для выбора оптимального решения, а также невозможностью адекватного и точного учета всей даже доступной информации.

Под неопределенностью понимается неполнота или неточность информации о предпосылках, условиях или последствиях реализации проекта[1]. Неопределенность в ходе расследования уголовного дела предполагает наличие ряда неизвестных факторов, предопределяющих многовариантность исходов.

Причинами неопределенности могут выступать три группы факторов: незнание, случайность и противодействие[2].

Незнание обусловлено неполнотой и недостаточностью информации, находящейся в распоряжении следователя.

Случайность определяется тем, что будущие события очень сложно предвидеть, так как даже в сходных условиях они происходят неодинаково и потому её нельзя спрогнозировать.

Противодействие проявляется в ситуациях, когда те или иные события затрудняют выполнение следователем своих профессиональных функций, например, вследствие искусно преподносимой преступниками дезинформации.

---

[1] Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Каркавин М.В. Управление проектами: учеб. пособие. Ростов-на Дону, 2009. С. 249.

[2] Ивасенко А.Г. Инвестиции: источники и методы финансирования: учеб. пособие. М., 2006. С. 53.

В современной теории проектного управления неопределённость выступает в качестве «индикатора» или «двойника» категории риска.

Риск – это событие или группа родственных случайных событий, наносящих ущерб объекту, обладающему данным риском[1].

Риск также можно определить как обобщенную субъективную характеристику ситуации принятия решения в условиях неопределенности, отражающую возможность и значимость для субъекта ущерба в результате последствий принятия того или иного решения[2].

В теории управления исторически сформировалось две точки зрения на соотношение категории риска и неопределенности.

Представители неокейнсианской традиции интерпретируют риск как категорию, характерную для систем управления с массовыми событиями, в то время как неопределенность существует, как правило, в тех случаях, когда вероятность последствий приходится определять субъективно из-за отсутствия статистических данных за предшествующие периоды. В свою очередь, представители неоклассической школы считают эти понятия тождественными[3].

Ряд авторов считает, что неопределенность условий реализации проекта не является заданной. По мере осуществления проекта участникам поступает дополнительная информация об условиях реализации и ранее существующая неопределённость снижается[4].

С данной точкой зрения можно согласиться, учитывая, что уголовное дело – объект динамический.

Вместе с тем, именно неопределенность является объективной причиной возникновения риска. Однако существует и субъективная причина, которая заключается в том, что многие следователи просто не обладают достаточной компетенцией, субъективными представлениями о риске и знаниями о степени допустимости риска в уголовном процессе.

Не стоит забывать, что в отличие от неопределённости, риск является измеримой величиной, количественной мерой которой выступает вероятность неблагоприятного исхода. Таким образом, чем больше следователь способен прогнозировать и рисковать, тем вероятнее, что последствия не будут разрушительны.

Учитывая, что риск – категория прогностическая, для определения его величины необходимо учитывать последствия принимаемых решений.

---

[1] Хохлов Н.В. Управление риском: учебное пособие для вузов. М., 1999. С. 11.

[2] Кузьмин В., Губенко А. Новое дело – повышенный риск // РИСК. 2000. № 3-4. С. 14.

[3] Елохин А. Анализ и управление риском: теория и практика. М., 2000.

[4] Ивасенко А.Г., Никонова Я.И., Каркавин М.В. Управление проектами: учеб. пособие. Ростов-на Дону. 2009. С. 250.

Однако необходимо учесть, что «последствия определенного решения можно предвидеть не с полной определенностью, а лишь с большей или меньшей вероятностью»[1].

При этом результат прогнозирования риска остается вероятным даже в случае использования достоверной и достаточной по объему информации. В данном случае нужно учитывать, что событие, оцененное как маловероятное на момент принятия решения, оценивается с противоположным значением вероятности в случае его наступления. Иными словами, решение оценивается на основе различной по объему и качеству достоверной информации.

Психологи называют данное явление эффектом обратного мышления, значимость которого ведет к неправильной оценке многих решений, принятых в прошлом[2]. При обратном мышлении решение оценивается не с позиции информации, имеющейся на момент его принятия решения, а с позиции результата, наступившего в связи и после принятия решения. Наглядно продемонстрировать «эффект обратного мышления» возможно на следующих примерах:

Калужским районным судом Калужской области 25.01.2013 возвращено прокурору уголовное дело по обвинению З. и К. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 127, п. «б» ч. 3 ст. 163, п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ, в связи с неявкой в судебное заседание потерпевших по делу, с формулировкой «неустановление в ходе предварительного следствия места жительства или местонахождения потерпевших».

Шадринским районным судом Курганской области 27.02.2012 возвращено прокурору уголовное дело по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291 УК РФ, в связи с уклонением от явки подсудимого, гражданина иностранного государства, в отношении которого ранее была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Данные примеры свидетельствуют о том, что в случае наступления неблагоприятных последствий решение, обусловившее их, оценивается как незаконное и необоснованное, несмотря на то, что на момент принятия указанного решения не было оснований считать его таковым: в первом случае место жительства было установлено следователем в ходе допроса потерпевших, а во втором избранной следователем меры пресечения было достаточно для окончания и направления уголовного дела в суд.

Вопросам изучения и прогнозирования тактических рисков посвящен ряд работ известного ученого криминалиста Р.С. Белкина, который под тактическим риском понимает возможность возникновения

---

[1] Козельский Ю. Психологическая теория решений. М., 1979. С. 73.
[2] Психологическая теория решений. М., 1979. С. 195.

отрицательных последствий при реализации тактического решения[1]. По мнению Р.С. Белкина, «оценить степень тактического риска сравнительно не сложно при оценке последствий отдельного следственного действия»[2].

Однако риск органически присущ не только тактическим, но и многим процессуальным решениям, принимаемым следователем на разных стадиях предварительного расследования. Не существует решений без риска их не принять или принять ошибочные.

Отметим, что сущность риска заключается в возможности выбора альтернативного результата деятельности. Особенностью выбора возможного процессуального решения, принимаемого следователем, является ограниченное требованиями уголовно-процессуального законодательства количество альтернатив. При этом проблема оценки риска существенно актуализируется с учетом сопряженности каждой альтернативы с риском различной степени. Уголовно-процессуальная необходимость делает подчас невозможным отказ от принятия решения, сопряженного с высокой степенью риска.

В действительности в процессе расследования следователь выбирает один из вариантов решения, с учетом возможности наличия альтернатив с большей или меньшей субъективной вероятностью наступления неблагоприятных последствий.

Вместе с тем, только достоверность и объем используемых сведений оказывают решающее влияние на степень точности прогноза и оценки вероятности наступления последствий.

При этом можно сделать вывод о том, что при отсутствии достаточных достоверных данных, указывающих на степень вероятности будущих событий, отсутствуют и достаточные основания для принятия законного и обоснованного решения.

Таким образом, любое процессуальное решение должно приниматься с учетом риска и неопределенности. Главные приоритеты руководителя следственного органа в этой области общеизвестны: обнаружить область повышенного риска, оценить его степень, разработать и принять заблаговременные меры. Основная цель следователя по принятию конкретного процессуального решения – обеспечить соблюдение законности с учетом неопределенности и возможных рисков.

---

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики: Т. 3. М., 1997. С. 191.
[2] Там же. С. 193.

С.И. Данилова

Доказывание причин и условий, способствовавших совершению преступления, как важная составляющая установления истины по уголовному делу

В настоящее время следует констатировать, что гипердинамичность законотворческих процессов не самым лучшим образом отражается на правоприменительной деятельности как органов предварительного расследования, так и суда. В ряде случаев правоприменитель просто не успевает отслеживать все те законодательные нововведения, которые то и дело появляются в уголовно-процессуальном законодательстве. Более того, эти дополнения и изменения не всегда безупречны с точки зрения юридической техники и нередко порождают правовые коллизии. В этих условиях вполне очевидно и закономерно возрастание интереса к тому положительному опыту, который был накоплен отечественным законодательством за предыдущие годы и так резко был отметен при разработке проекта УПК РФ.

В результате смены политико-правового режима в стране было пересмотрено отечественное законодательство. Становление нового государства – России настоятельно требовало принятия новых законодательных актов, в том числе уголовно-процессуального характера. В результате этой работы многие правовые положения, которые были отражены в УПК РСФСР, были объявлены либо пережитком марксистско-ленинской идеологии, либо носящими сугубо декларативный характер, а потому ненужными.

В первую очередь это коснулось объективной истины, которая долгое время провозглашалась в качестве цели уголовно-процессуального доказывания. Упоминание о необходимости установления по делу объективной истины содержалось еще в ст. 613 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., а также в ст. 257 УПК РСФСР 1922 г. Эта идея была последовательно отражена в системе принципов уголовного процесса, в том числе в принципе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, который позднее был закреплен в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.

Однако при разработке УПК РФ возобладала позиция, согласно которой в уголовном судопроизводстве (в отличие от научного познания) объективная истина является недостижимой. Немалую роль в становлении и укреплении этой научной доктрины сыграли интеграционные процессы, в результате которых отечественное уголовно-процессуальное законодательство восприняло многие правовые положения, в том числе и из англо-саксонской правовой системы. В скором времени заимствованные идеи были внедрены в российскую действительность без учета особенной нашей правовой культуры.

Все это привело к дальнейшему интенсивному развитию состязательного начала в отечественном уголовном судопроизводстве, которое, по справедливому замечанию А.Р. Белкина «к сожалению, … идет по пути ущемления и умаления роли объективной истины и пренебрежения необходимостью ее достижения»[1]. В результате из уголовно-процессуального закона исчезло такое понятие как объективная истина, поскольку в условиях сугубо состязательной модели уголовного процесса, суду отводится лишь роль пассивного наблюдателя, который не должен проявлять какую-либо активность в собирании доказательств, а лишь способствовать сторонам защиты и обвинения в реализации их прав и законных интересов. Роль суда в ходе судебного производства по большей части сводится к оценке позиций противоборствующих сторон и выбору из них наиболее аргументированной, на основе которой и выносится итоговое решение по делу. Очевидно, что в таком процессе необходимость в объективной истине отпадает, так как преобладающей в нем становится так называемая юридическая (или как ее еще называют – процессуальная, формальная) истина.

На наш взгляд, создавшееся положение таит в себе опасность утраты уголовно-процессуальным законом нравственных начал, его духовной составляющей. Признание объективной истины как одной из основополагающих правовых категорий всегда являлось характерной особенностью российской правовой культуры, а ее установление по делу традиционно признавалось отечественным уголовным судопроизводством в качестве его нравственной цели[2].

Однако проблема истины – не единственная в российском уголовном судопроизводстве. Не менее важной, на наш взгляд, в настоящее время является также проблема законодательной регламентации института уголовно-процессуальной профилактики, включающего в себя деятельность по выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Последние в свою очередь, а точнее, их доказывание является важной составляющей установления истины по уголовному делу, поскольку лишь в этом случае можно говорить об объективности и всесторонности расследования, а также о справедливости выносимого по итогам рассмотрения дела в суде приговора.

Именно эти обстоятельства нередко играют ключевую роль при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и о применении принудительных мер медицинского характера, а в ряде случаев при квалификации содеянного и назначении наказания.

Вместе с тем следует отметить, что подобно исключению из отечественного уголовно-процессуального законодательства понятия объек-

---

[1] Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. М., 2013. С. 24.
[2] Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Т. 4. М., 1967. С. 56.

тивной истины, впоследствии (в 80-е гг.) подверглась демонтажу и система профилактики. Именно в этот период было провозглашено, что предупреждение и искоренение преступности – это утопия[1], а на смену этим понятиям пришли такие формулировки, как «стабилизация преступности», «уменьшение темпов роста числа преступлений» и т.п.

В дальнейшем распад существовавшей ранее государственной системы социального контроля и правового воспитания населения; ослабление профилактического потенциала государства, в результате которого органы внутренних дел фактически оказались единственной организацией, осуществляющей профилактическую деятельность, еще более усугубили создавшееся положение. Все это привело к тому, что при разработке проекта УПК РФ была предпринята попытка исключения из него норм профилактического характера и лишь благодаря бурной реакции ученых, практиков и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ этого не произошло.

Вместе с тем, принятие и вступление в силу УПК РФ, а также внесение в него последующих изменений и дополнений, не привели к серьезному улучшению ситуации, связанной с правовой регламентацией профилактики преступлений. Следует констатировать, что в настоящее время в УПК РФ содержится всего несколько норм, напрямую регламентирующих уголовно-процессуальную профилактику, а именно ч. 2 ст. 73 УПК РФ («Обстоятельства, подлежащие доказыванию»), ч. 4 ст. 29 УПК РФ («Полномочия суда») и ч. 2 ст. 158 УПК РФ («Окончание предварительного расследования»). Однако из названий и содержания этих статей видно, что ни одна из них в полной мере не носит превентивного характера.

Более того, ряд вопросов профилактического характера, волновавших ученых и практиков еще в период действия УПК РСФСР, так и остался неразрешенным. В частности, анализ ч. 2 ст. 73 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что ее редакция практически не претерпела никаких изменений и мало чем отличается от ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР. Единственное отличие связано с тем, что в ст. 68 УПК РСФСР употребляется термин «причины и условия», а в ст. 73 УПК РФ речь идет об «обстоятельствах, способствовавших совершению преступления».

В свое время факт процессуального закрепления положения о выявлении причин и условий, способствовавших совершению преступления, в отдельной части ст. 68 УПК РСФСР, а не в качестве одного из пунктов части первой указанной статьи, привел к неоднозначному толкованию воли законодателя. В результате в теории и практике уголов-

---

[1] В ряде государств, в том числе Японии, которая и по сей день продолжает оставаться страной с самым низким уровнем общеуголовной преступности, эта позиция признана несостоятельной.

ного процесса возникло несколько точек зрения относительно того, входят ли указанные обстоятельства в предмет доказывания или нет.

Так, одни авторы полагали, что их не следует включать в предмет доказывания[1]. Другие считали, что такая законодательная конструкция ст. 68 УПК РСФСР позволяет сделать вывод о необходимости доказывания этих обстоятельств лишь после того, как по делу будут доказаны обстоятельства, перечисленные в части первой указанной статьи, т.е. фактически отводили причинам и условиям, способствовавшим совершению преступления, второстепенную роль[2]. Однако впоследствии большинство ученых пришло к выводу о том, что причины и условия, способствовавшие совершению преступления, являются неотъемлемым элементом предмета доказывания, подлежащим обязательному установлению по делу наравне и одновременно с иными обстоятельствами[3].

Полагаем, что эта точка зрения вполне обоснована, поскольку неразрывная связь вышеуказанных обстоятельств с элементами состава преступления свидетельствует о необходимости их одновременного *доказывания* (курсив мой – С.Д.)[4] с иными обстоятельствами, перечисленными в ст. 73 УПК РФ. В противном случае исследование существенных обстоятельств дела будет односторонним и неполным, что, в свою очередь, может воспрепятствовать установлению истины по делу.

Наряду с этим следует также отметить, что закрепленный в ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР термин «причины и условия», способствовавшие совершению преступления» является, на наш взгляд, более удачным. Это объясняется тем, что относительно определения термина «обстоятельства, способствовавшие совершению преступления», в науке уголовного процесса нет единого мнения. Так, одни авторы полагают, что его следует трактовать в широком смысле, а именно, как совокупность причин и условий, способствовавших совершению преступления[5]. Другие, напротив, вкладывают в понятие «обстоятельства, способство-

---

[1] Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962. С. 175; Шаламов М.П. Теория улик. М., 1960. С. 182.

[2] Миньковский Г.М., Танасевич В.Г., Эйсман А.А. Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М., 1973. С. 156.

[3] Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: Фондовая лекция. М., 1997. С. 12; Селиверстов В.И., Власова Н.А. Уголовный процесс: Вопросы и ответы / под ред. Р.А. Журавлева. М., 2000. С. 50 и др.

[4] В этом случае, на наш взгляд, уместнее употребление слова «доказывание», поскольку причины и условия, способствовавшие совершению преступления, подобно иным обстоятельствам, составляющим предмет доказывания, подлежат именно доказыванию, включающему в себя собирание, проверку и оценку собранных по делу доказательств.

[5] Шляпочников А.С. О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступления // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 96-99.

вавшие совершению преступления», узкий смысл, считая, однако, при этом, что хотя в ч. 2 ст. 73 УПК РФ говорится об установлении только условий, доказыванию должны подлежать и причины преступления[1].

Полагаем, что все эти вопросы были бы сняты путем включения причин и условий, способствовавших совершению преступления, в отдельный пункт ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Это позволило бы внести ясность относительно того, входят ли указанные обстоятельства в предмет доказывания; четко определиться, какие именно обстоятельства подлежат доказыванию (в данном случае мы определились, что это должны быть как причины, так и условия, способствовавшие совершению преступления); решить проблему, связанную с отсутствием единого понятийного аппарата, используемого в законодательных актах, регламентирующих профилактическую деятельность в рамках производств по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях[2].

Л.А. Дмитриева

Когнитивные стили как фактор установления истины по уголовному делу

В структуре интеллекта различают врожденные способности и приобретенные в ходе социализации знания и умственные навыки. Врожденные способности сводятся к психофизиологическим свойствам центральной нервной системы. Приобретенные знания и умственные навыки являются мерой овладения культурой этого общества, к которому принадлежит индивид[3].

Выделяют четыре основных аспекта функционирования интеллекта, характеризующих четыре типа интеллектуальных способностей: конвергентные способности (правильность и скорость нахождения ответа), дивергентные способности (или креативность), обучаемость (способность к усвоению новых знаний и опыта), познавательные стили (процессуальная характеристика интеллектуальной деятельности)[4].

Стиль – устойчивая характеристика человека, стабильно присущая ему на разных этапах онтогенеза, в различных условиях социализации и в различных видах деятельности. Познавательные стили, ставшие в последние десятилетия объектом пристального внимания специалистов

---

[1] Кузнецов Н.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под ред. В.В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. М., 2003. С. 307.

[2] В статьях 26.1 и 29.13 КоАП РФ, регламентирующих профилактику административных правонарушений, используется термин «причины и условия».

[3] Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб., 1999.

[4] Холодная М.А. Психология интеллекта. СПб., 2002. С. 138-139.

в области когнитивной психологии, относят к стилевым свойствам интеллекта. Среди таковых свойств фундаментальное значение имеют стили кодирования информации и когнитивные стили.

Стили кодирования информации – это индивидуально-своеобразные способы представления информации в зависимости от доминирования определенной модальности опыта: в виде знаков *(словесно-речевой способ),* виде зрительных образов *(визуальный способ),* в виде предметных действий *(предметно-практический способ),* в виде сенсорно-эмоциональных впечатлений *(сенсорно-эмоциональный способ)*[1].

По результатам экспресс-исследования, проведенного на выборке слушателей Академии Следственного комитета Российской Федерации, выявлена выраженность стилей кодирования информации у руководителей следственных отделов (n=50) (см. табл. 1).

Табл. 1. Выраженность стилей кодирования информации у руководителей следственных отделов СК России (в порядке убывания значений)

Стиль кодирования информации	Выраженность стиля (процент от численности обследованных)
Сенсорно-эмоциональный - с доминированием слухового компонента - с доминированием эмоционального компонента	 26 % 24 %
Визуальный	32 %
Предметно-практический	26 %
Словесно-речевой	6 %

Результаты показали, что половине (50 %) обследованным свойственен сенсорно-эмоциональный стиль. Словесно-речевой стиль выражен в самой малой представленности (6 % обследованных).

Когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации об актуальной ситуации (способы ее восприятия, анализа, категоризации, оценивания и т.д.). Иными словами, выбор человеком конкретного средства кодирования информации обусловливает предпочтение определенных способов ее обработки.

Научно выявлены конкретные связи способов кодирования информации с когнитивными стилями (см. табл. 2).

[1] Холодная М.А. Указ. соч.

Табл. 2. Связь способов кодирования информации с когнитивными стилями

Способы кодирования информации (1 уровень)	Когнитивные стили (2 уровень)
Словесно-речевой	Узкий / широкий диапазон эквивалентности Узкая / широкая категоризация Когнитивная простота / сложность Конкретная / абстрактная концептуализация
Визуальный	Полезависимость / поленезависимость Импульсивность / рефлективность Фокусирующий / сканирующий контроль Толерантность к нереалистическому опыту
Сенсорно-эмоциональный	Ригидный / гибкий познавательный контроль Медленное / быстрое течение психического времени
Предметно-практический	Не выявлены, исследуются

В зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание от 15 до 20 различных когнитивных стилей. Обозначим наиболее известные[1].

Представители полезависимого стиля больше доверяют наглядным зрительным впечатлениям при оценке происходящего и с трудом преодолевают видимое поле при необходимости детализации и структурирования ситуации. «Поленезависимые», напротив, полагаются на внутренний опыт и легко отстраиваются от влияния поля, быстро и точно выделяя деталь из целостной пространственной ситуации.

Люди с импульсивным стилем быстро выдвигают гипотезы в ситуации альтернативного выбора, при этом допуская много ошибочных решений в идентификации воспринимаемых объектов. У людей с рефлексивным стилем, напротив, темп принятия решения в подобной ситуации более замедлен. Соответственно они допускают мало ошибок при идентификации воспринимаемых объектов в силу их тщательного предварительного анализа.

Представители полюса узкого диапазона эквивалентности (аналитического стиля) склонны ориентироваться на различия объектов, обращая основное внимание на их детали и отличительные признаки. Представители полюса широкого диапазона эквивалентности (синтетического стиля), напротив, склонны ориентироваться на сходство

[1] Солсо Р. Когнитивная психология. СПб., 2006.

объектов, классифицируя их с учетом некоторых обобщенных категориальных оснований.

Нетолерантность / толерантность к нереалистическому опыту – способность воспринимать внешнее воздействие таким, каким оно является на самом деле. Этот стиль обнаруживает себя в неопределенных ситуациях и характеризует меру принятия впечатлений, не соответствующих или даже противоречащих имеющимся у человека представлениям, которые он расценивает как правильные и очевидные. Толерантные субъекты оценивают опыт по их фактическим характеристикам, тогда как нетолерантные субъекты сопротивляются познавательному опыту, в котором исходные данные противоречат их наличным знаниям.

Широта категории подразумевает количество категорий, к которым относятся воспринимаемые объекты.

Фокусирующий / сканирующий контроль – особенности концентрации и распределения внимания при восприятии: фокусирующий контроль – концентрация на «выпуклых» объектах; сканирующий контроль – сосредоточение на значимых элементах.

Конкретная / абстрактная концептуализация – способность переступать пределы непосредственного и переходить в область отдаленных временных, пространственных и семантических контекстов.

Одни люди интерпретируют происходящее в упрощенной форме на основе фиксации ограниченного набора сведений (полюс когнитивной простоты). Другие, напротив, склонны создавать многомерную модель реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон (полюс когнитивной сложности).

Принято считать, что к стилевым феноменам не применимы оценочные суждения, поскольку любой полюс того или другого стиля равноценен для успешной интеллектуальной адаптации и может обеспечить одинаково высокую успешность решения определенной задачи[1]. Однако есть все основания предположить, что сложная когнитивная специфика следственной деятельности требует от ее субъектов реализации словесно-речевого и визуального стилей. В этой связи когнитивные стили приобретают особую инструментальную значимость и их развитие следует рассматривать как одну из наиболее актуальных задач профессионального обучения и развития следователей и руководителей следственных отделов.

---

[1] Холодная М.А. Указ. соч.

В.О. Захарова

Оправдательный приговор как результат установления истины

Каждому человеку свойственно ошибаться. К сожалению, не застрахованы от ошибок в ходе расследования уголовных дел и следователи[1]. Кроме того, практика знает ряд примеров, когда и прокурор (умышленно или неумышленно) ошибается в своих решениях: необоснованно частично или полностью отказываясь от поддержания государственного обвинения, либо заключает сомнительные «сделки» со стороной защиты[2].

Есть ошибки, которые влекут определенные юридические последствия либо существенно влияют на них, а есть не влекущие, но и те и другие однозначно негативно влияют на установление истины по уголовному делу.

Согласно требованиям уголовно-процессуального закона, судом постановляется оправдательный приговор в случаях, если:

- не установлено событие преступления;
- подсудимый не причастен к совершению преступления;
- в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;
- в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт.

Основными причинами, повлекшими вынесение судами оправдательных приговоров за неустановлением в ходе предварительного следствия объективных данных, свидетельствующих о причастности обвиняемых к совершению преступления, либо о наличии в их деянии составов инкриминируемых преступлений, или события преступления, являются:

---

[1] И если совершение ошибок, связанных с нарушением норм правовых актов, наиболее характерно для следователей со стажем работы до двух лет, то от технических ошибок при составлении процессуальных документов не застрахован ни один следователь – это последствие невнимательности, рассеянности, а, зачастую, и усталости следователя. См. об этом: Багмет А.М. Минимизация последствий ошибок, свойственных молодым следователям // Предварительное следствие. 2009. Вып. 3(5). С. 19-28; Назаров А.Д. Феномен ошибки в уголовном судопроизводстве и ее причины. М., 2014; Победкин А.В., Бурцев С.Н. Нарушения уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения. М., 2010; Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия / под ред. А.Б. Соловьева. М., 1990.

[2] См. подробно: Буглаева Е.А., Винницкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия. М., 2013; Сазин Д.С. Ошибки государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве. М., 2014.

- нарушения норм УПК РФ при производстве следственных действий;

- низкое качество предварительного следствия;

- неправильная оценка собранных доказательств;

- неверная квалификация действий обвиняемых, завышение объема обвинения;

- неполное расследование всех обстоятельств дела, ненадлежащая проверка версий и доводов обвиняемых на стадии предварительного следствия.

Допущенные в ходе следствия нарушения, в большинстве своем, влекут обоснованное вынесение судом оправдательного приговора.

Начиная с середины XX в.[1] и до настоящего времени идет процесс неуклонного снижения числа оправдательных приговор. Судьи боятся выносить оправдательные приговоры, поскольку каждое такое решение рассматривается как чрезвычайное происшествие. Особенно это касается судей, которых еще не назначили «пожизненно».

Противоположная ситуация сложилась при рассмотрении уголовных дел коллегией присяжных заседателей. Ими, наоборот, оправдательные вердикты выносятся часто и не всегда обоснованно.

Во многих развитых демократических странах (например, в Англии, США, Франции), оправдательный приговор не может быть обжалован, т.к. действует принцип благоприятствования защите, не позволяющий отменять оправдательные приговоры.

В России ситуация иная: по делам, рассмотренных судом присяжных, отменяются до 15% оправдательных приговоров; по остальным делам – до 23%[2].

И если по небольшой части уголовных дел вынесенные судьями оправдательные приговоры вызывают недоумение, то, в целом, такие решения легко объясняются наличием так называемых следственных ошибок (различных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, неполноты расследования и недоказанности вины подсудимого и т.д.).

В связи с многочисленными недостатками, допускаемыми в ходе расследования уголовных дел, а также в целях минимизации количества оправдательных приговоров и совершенных следственных ошибок, судьям, присяжным заседателям, прокурорам, следователям и дознавателям необходимо постоянно помнить о требованиях ст. 17 УПК РФ, т.е. о том, что доказательства надо оценивать по своему внутрен-

---

[1] Наступившая после смерти И.В. Сталина «хрущевская оттепель» связана с резким изменением начал уголовной политики в сторону ее гуманизации (данная политика продолжается и сегодня).

[2] См. подробно: Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009.

нему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью[1].

А.Л. Иванов
Д.Н. Кожухарик

Справедливость как первичный принцип объективной истины

Учитель сельской школы, присвоивший несколько десятков тысяч рублей бюджетных средств на ремонт школы, приговорен к 5 годам лишения свободы. Чиновник высокого ранга, похитивший государственное имущество на десятки миллионов долларов, получил уголовное наказание, не связанное с лишением свободы благодаря правильно выстроенной линии защиты известным адвокатом, «наголову разгромившим» доводы стороны обвинения. Подобные истории, вне зависимости от их правдоподобности, получили чрезвычайно широкое распространение среди населения Российской Федерации в ее современный период развития и активно влияют на эмоциональную составляющую общественного мнения, активно формируя и утверждая среди значительной части россиян субъективистскую общественную парадигму – «нет в жизни справедливости, нет в жизни правды».

Общественное мнение граждан Российской Федерации формируется во многом и под негативным воздействием правовых теорий, основанных на утверждении того, что цель судопроизводства не в том, чтобы добиться справедливости в отношении преступника и жертвы и даже не в том, чтобы найти правду. В умы наших сограждан активно внедряется мысль о том, что цель правосудия заключается лишь в установлении факта доказанности предъявленного обвинения в ходе состязательного процесса.

В связи с этим показательно высказывание известного американского адвоката Алана Дершовица, заявившего: «Если вам нужна справедливость, обратитесь к философам. Если вам нужна справедливость, не прибегайте к системе уголовного правосудия. Она этим не занимается. … Ее задача не в том, чтобы достигнуть справедливого результата»[2].

---

[1] См. подробно: Артамонова Е.А. Основы теории доказательств в современном уголовном судопроизводстве. М., 2010; Зубарев А.А. Институт признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе и правовые последствия его применения. М., 2012; Семенцов В.А., Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу. М., 2012.

[2] Стенограмма телепередачи CNN 5.07.2011. Пирс Морган. Сегодня вечером.

Вопросы соотношения важнейших понятий в жизни человеческого общества – справедливости, правды, истины стоят перед человеком, как принято говорить, с незапамятных, библейских времен.

В Ветхом Завете повествуется, говоря о заповеданном Господом Законе: «Ты утвердил справедливость, суд и правду Ты совершил в Иакове» (Пс. 98,4). Как мы видим из древнего Библейского текста, справедливость в глазах народа отождествляется с правосудием и истиной, как синонимом правды.

Представляется неоспоримым, что справедливость, как одно из важнейших явлений общественной жизни, наряду с нравственной составляющей, является, прежде всего, философской категорией. В современной философской литературе справедливость рассматривается, как правило, в виде критерия для соотношения, соизмерения явлений, происходящих в обществе[1].

Научные дискуссии о соотношении справедливости и истины в уголовном судопроизводстве имеют перманентный характер ввиду исторической изменчивости исследуемых понятий, которые каждый раз в новых условиях приобретают новые признаки, изменяются их содержание, оценка населением.

В.И. Даль, осознавая масштабность содержания понятия справедливости и неоднозначность его толкования в зависимости от различных общественных факторов, не взял на себя смелость определить ее значимые признаки и рассматривал справедливость в соотношении с другими смежными категориями: «правда – истина на деле… истина во благо, правосудие, справедливость; право – уверение в истине чего-либо …»[2].

Пункт 5 итогового Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ справедливость характеризуется как гарантированность законом прав и свобод человека, равную и эффективную защиту каждого со стороны закона.[3]

В современной правовой литературе справедливость чаще всего рассматривается как требование о законности и обоснованности принятого судебными и иными правоохранительными органами процессуального решения в пределах их полномочий.

---

[1] Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. Т. 1-5. М., 1960-70; Новая философская энциклопедия: В 4-х т. М., 2000; Краткий словарь по философии / под ред. И.В. Блауберга. М., 1970; Философский словарь. М., 1963; Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

[2] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990.

[3] Международные акты о правах человека. М., 1998. С. 653.

« … без истины нет правосудия, истина есть единственно незыблемая основа правосудия»[1], – утверждает Г.В. Софронов вполне созвучно приведенному выше Библейскому тексту.

Указанная позиция нашла отражение с ст. 297 УПК РФ, согласно которой судебный приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым в соответствии с требованиями уголовно-процессуального и уголовного закона.

Важнейшим вкладом законодателя в развитие позитивных тенденций развития теории и практики права стало установление в Общей части УК РФ принципов уголовного законодательства Российской Федерации, важнейшим из которых является принцип справедливости, заключающийся в применении к совершившим преступление лицам справедливого наказания (ст. 6 УК РФ).

Вместе с тем в последние годы получили значительное распространение взгляды и теории, согласно которым краеугольным камнем уголовного судопроизводства в Российской Федерации является реализация принципа состязательности в уголовном процессе, который отождествляется носителями таких взглядов как единственный способ достижения истины по делу.

Некоторые же ученые заявляют о невозможности, да и ненужности достижения объективной истины в ходе уголовного судопроизводства, учитывая несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в том числе связанное с невозможностью обеспечения равенства прав сторон в ходе судебного рассмотрения. Что же касается юридической, оценки преступления, то она, по их мнению, всецело зависит от действующего на момент вынесения приговора закона, от внутреннего отношения судей к противозаконному деянию, иных обстоятельств и, таким образом, выносится за рамки справедливости, устанавливаемой в ходе расследования уголовного дела.

Таким образом, делается попытка развести по разным уровням юридическое понятие справедливости и ее нравственную основу. То есть, отдельно взятый приговор может быть справедливым с точки зрения права, но не являться таковым по морально-нравственным критериям.

Если согласиться с подобной точкой зрения, то следует смириться с неизбежным правоприменительным выводом – установление объективной истины по делу, если иметь в виду данные, необходимые для назначения справедливого наказания, не является необходимым условием правильного применения уголовного закона ввиду имеющейся вероятности следственных и судебных ошибок.

---

[1] Софронов Г.В. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве. Екатеринбург, 1998.

Следуя изложенной позиции, в ходе состязательного уголовного процесса важнейшим является исключение возможности судебных ошибок, а установление объективной истины по делу и, соответственно вынесение справедливого судебного приговора, отходит на второй план.

Таким образом, значение понятия объективной истины и справедливости, как одноуровневых понятий в уголовном судопроизводстве необоснованно принижается, во «главу угла» ставятся такие ценности, как права человека, честь и достоинство личности, а в некоторых случаях и целесообразность, избирательность применения конкретного уголовного закона и т.д., которые признаются приоритетными по отношению к установлению истины по уголовному делу. В такой схеме не находится места не только объективной истине, но и справедливости, как обязательному принципу уголовного законодательства РФ.

С приведенной правовой позицией трудно согласиться, поскольку она не просто формирует теоретическую основу для попыток негативной коррекции судебной практики, но и извращает сущность уголовно-правовой политики государства, направленной на охрану уголовно-правовыми средствами гражданских свобод человека и гражданина.

Например, следователь, обнаружив преступление – убийство, а также установив фактические данные, свидетельствующие о наличии в нем квалифицирующих признаков, в силу каких-либо причин (например, опасение рассмотрения дела в суде второй инстанции) не дает квалифицирующим признакам соответствующей юридической оценки, и по окончании расследования направляет дело с обвинительным заключением по ч. 1 ст. 105 УК РФ прокурору для последующего рассмотрения в суде первой инстанции. Суд первой инстанции в ходе судебного разбирательства, будучи в соответствии со ст. 252 УПК РФ ограничен в принятии решения предъявленным подсудимому обвинением, сознательно оставляя последнего в подозрении в совершении более тяжкого преступления, чем указано в обвинительном заключении, выносит мягкий приговор, который в установленные законом сроки вступает в законную силу.

Следуя критикуемой точки зрения, суд, согласившись с неправильной квалификацией преступления органом следствия, выносит приговор, ставя спорные юридические правила, а в ряде случаев и иные субъективные доводы выше необходимости установления объективной истины по уголовному делу.

Очевидно, что такой мягкий приговор не справедлив, так как не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Подобный подход абсолютно недопустим, так как основан на признании неких «высших ценностей» – гражданских прав индивидуума, права на оставление преступника в подозрении при недостатке доказа-

тельств его вины и т.д., приоритетными по отношению к установлению истины по делу.

Суд, будучи лишен возможности возвратить дело прокурору или органу следствия для дополнительного расследования в связи, например, с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое либо неполноты доказательств, которые послужили основанием для неправильной квалификации содеянного, при таких условиях судопроизводства теряет статус стороны, стремящейся к установлению объективной истины и вынесению справедливого приговора, становясь неким независимым от всего, в том числе и от истины, арбитром.

На данное обстоятельство, противодействующее реализации принципа справедливости в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, обратил внимание Конституционный Суд РФ, признав положение ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующим Конституции РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П).

Учитывая сложившийся в Российской Федерации правовой механизм реализации обязательных для исполнения судебных постановлений Конституционного Суда, в соответствии с которым акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу и не подлежат применению, следует ожидать существенных изменений уголовно-процессуального законодательства РФ. Такие изменения предоставят суду возможность изменения обвинения подсудимого в сторону, ухудшающую его положение, что позволит исключить вынесение несправедливого приговора и соответственно, установить объективную истину по делу.

Основой для правильного понимания истины является практика, как соотношение совокупности опытных исследований и общепринятого стандартного значения в конкретной области человеческих знаний. Таким стандартом в уголовном праве является справедливость как одноуровневое с истиной в процессуальном смысле понятие, выступающее в качестве важнейшей правовой категории, имеющее основополагающее значение и предопределяющее пути совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Надлежащая и всесторонняя оценка указанной категории в правотворчестве и правоприменении, а также правовом воспитании будет способствовать формированию высокой правовой культуры, наиболее полной реализации правовых предписаний, укреплению режима законности.

А.А. Ильюхов

Доказывание, как средство достижения истины по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей

Что такое истина?
Соответствие наших суждений и явлений.
Д. Дидро

Установление объективной истины по уголовному делу оставалась и продолжает оставаться актуальной проблемой в теории и практике уголовного процесса, о чем непосредственно отмечает и Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, предлагающий, ввести в УПК РФ институт установления объективной истины по уголовному делу, что, по его мнению, позволит обеспечить гарантии конституционного права граждан к правосудию[1]. Способы достижения объективной истины различны, в том числе, и по делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей, где из-за особого состава суда следует применять специальные механизмы осуществления процесса доказывания и установления истины, на всех стадиях процесса.

В российской юридической литературе традиционно выделяются материальная и формальная истина. Материальная истина предусматривает установление объективной действительности, реальности, имевшей место в прошлом[2]. Формальная истина стремиться к отысканию истины юридической, той, которая, с высокой степенью вероятности устанавливает факты, имевшие место быть в объективной действительности.

Из-за различных трактовок понимания истины в уголовном процессе, между учеными-процессуалистами продолжают расставляться приоритеты между формальной и материальной истиной. Так, по мнению ученого М.С. Строговича суду следует стремиться к достижению установления объективной истины, которую он определял как полное и

---

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См., напр.: Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2004; Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 29; Головко Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. 1999. N 3. С. 61-68; Куцева Э.Ф. Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие. М., 1999. С. 118.

точное соответствие действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц[1]. В.А. Случевский утверждает, что в уголовном процессе по причине несовершенства средств человеческого правосудия, судья удовлетворяется достижением именно формальной истиной, где имеет место более или менее высокая степень ее вероятности[2]. Ю.П. Боруленков также полагает, что в юридической практике истина устанавливается посредством накопления доказательств, подтверждающих какую-то одну версию, постепенного превращения ее из вероятной в практически достоверную[3].

Применительно к деятельности суда присяжных заседателей, понятие истины также остается дискуссионным. Так, А.А. Акимчев определяет ее как «полное и точное соответствие объективной действительности выводов, содержащихся в вердикте коллегии присяжных заседателей об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по делу, и зафиксированных в судебном приговоре»[4].

Исходя из данного определения, следует, что истина обусловлена выводами, полученными посредством представления сторонами процесса доказательств, входящих в предмет доказывания суда присяжных заседателей и в свою очередь формируется посредством разрешения поставленных перед присяжными трех основных вопросов: доказано ли, что деяние имело место; доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Законодательная постановка вопросов, по справедливому замечанию Н.П. Кириллова, свидетельствует о прямом требовании закона установить в ходе судебного разбирательства юридическую (формальную, процессуальную) истину[5]. Таким образом, уголовное судопроизводство с участием присяжных заседателей, является такой формой отправления правосудия, где применимо утверждение о достижении формальной истины посредством применения особых методов доказывания в ходе производства по уголовному делу, а значит указывает на наличие своих особенностей предварительного следствия по указанной категории уголовных дел.

---

[1] Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 14.

[2] Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1892. С. 397.

[3] Боруленков Ю.П. К вопросу о необходимости разработки современной концепции истины в юридическом познании // Уголовное судопроизводство. 2012. № 3; СПС «Консультант плюс».

[4] Акимчев А.А. Проблема истина в суде присяжных в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 7.

[5] Кириллова Н.П. Состязательность судебного разбирательства и установление истины по делу // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 1.

Таким образом, установление юридической истины в суде присяжных вызвано объективными факторами, которые обусловили возникновение своей специфики уголовного судопроизводства по указанной категории уголовных дел. Как было сказано чуть выше, на досудебной стадии эти особенности предварительного следствия заключаются в особых средствах, применяемых при осуществлении процесса доказывания. Раскрывая их, следует отметить, что в России ежегодно данным составом суда рассматривается около 700 уголовных дел или 0,6% от общего числа уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции. Из указанного количества уголовных дел до 25% из них выносятся оправдательные вердикты.

Мотивация присяжных заседателей при вынесении оправдательного вердикта, обусловлена, неполнотой, односторонностью предварительного следствия, не соблюдением норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, допущением тактических и стратегических ошибок, что оказывает влияние на качество поддержания государственного обвинения в суде присяжных и в конечном итоге влияет на эффективность отправления правосудия.

В этой связи по указанной категории дел, предварительное следствие, следует оптимизировать, выработав его характерные процессуальные особенности, минимизировав тем самым как объективные, так и субъективные причины низкого его качества, что в итоге позволит достичь истины по делу. К таковым особенностям следует отнести применение особых методов осуществления процесса доказывания, заключающиеся в следующем:

Во-первых, материалы обвинительного заключения целесообразнее группировать «блоками», распределяя их таким образом, чтобы на первое место выступали место, время, способ, средства, орудия, обстановка совершения преступления, виновность лица в его совершении. И соответственно, обстоятельства, не исследуемые судом присяжных заседателей (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, данные о его судимостях, обстоятельства смягчающие или отягчающие уголовную ответственность и наказание и т.д.), должны выноситься на второй план.

Вместе с тем, следует учитывать, что принятие присяжными заседателями справедливого и обоснованного решения невозможно без исследования доказательственных фактов, к которым относятся такие обстоятельства, как характер отношений обвиняемого (подсудимого) с потерпевшим, возможность нахождения лица в определенный момент в определенном месте и в определенное время и др.

Во-вторых, процесс доказывания сопровождается применением технических средств фиксации доказательств, создающих в суде необходимые условия для лучшего восприятия всех обстоятельств исследуемого события, а также поможет восстановить в памяти свидетелей,

потерпевших, в какой обстановке, при каких обстоятельствах, как именно и в какое время происходили те или иные исследуемые события.

Имеют место быть случаи производства осмотров мест происшествия и других следственных и процессуальных действий по упрощенной схеме – с отсутствием применением технических средств или их результатов. Так, органами предварительного расследования в ходе проведения проверочной закупки не были использованы такие технические средства фиксации доказательств, как видеосъемка. Аудиозапись разговоров осуществлялась некачественными техническими средствами, не позволяющими четко разобрать диалог между подозреваемыми и оперативными сотрудниками. В последующем, данный факт явился основанием для выдвижения версии стороной защиты о провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов[1].

Пассивно осуществляется поиск материальных следов преступления – 40%, до 20% объектов, изъятых с мест происшествий, не подвергаются экспертным исследованиям. Не во всех случаях при осмотре мест происшествий изымаются запаховые и биологические следы, микрообъекты, следы рук, орудий взлома, обуви и транспортных средств. В целом криминалистическое обеспечение осмотров мест преступлений, в настоящий момент, указывает на низкую результативность поступления материалов для экспертного исследования, что в свою очередь отражается на качестве проводимых экспертиз.

Проинтервьюированные судьи Тверского областного суда А.А. Андреев, Владимирского областного суда Е.М. Батанова и другие, отметили, что наиболее просты для понимания присяжными заседателями те доказательства, которые получены именно с применением технических средств их фиксации. Чем активней они применяются в суде, тем эффективней присяжные исследуют доказательства в суде. И наоборот, отказ от их применения в ходе уголовного судопроизводства, предоставление доказательств, не отвечающих требованиям полноты, объективности и всесторонности, а также отступление от принципа устности судебного разбирательства (нередко приходится зачитывать протоколы следственных действий), приводит к непониманию со стороны коллегии присяжных заседателей представленных им для исследования доказательств, в результате чего создается угроза вынесения неправосудного решения.

Особая специфика восприятия присяжными заседателями обстоятельств исследуемого события, обусловлена использованием визуального ряда и наглядностью представленных доказательств. Присяжные охотнее поверят словам подсудимого о непричастности к преступлению, чем протоколам его показаний в ходе предварительного след-

[1] Уголовное дело № 2-11/2009 // Архив Тверского областного суда.

ствия, где вина признавалась и признательные показания не только давались, но и соответствовали иным имеющимся доказательствам по делу.

Поэтому все важные, по мнению следователя, следственные действия необходимо фиксировать на видео-носителях – так нагляднее. Не только показания подозреваемых и обвиняемых, но и свидетелей и потерпевших, которые способны в последующем отказаться в суде от данных показаний, изменить их, либо вообще не явится в суд.

Наглядность подразумевает возможность получения информации с помощью разных органов чувств, как с помощью слуха, так и зрения и осязания. Исходя из этого, желательно совместно со следователем-криминалистом подготовить «презентации» в виде схем, раскрывающих способ действия преступников, слайдов – дублирующих фото таблицы.

Таким образом, исходя из особенностей состава суда, полученные доказательства целесообразней сопровождать визуальным рядом, либо звуковым сопровождением, что не только благоприятно повлияет на процесс исследования присяжными доказательств, но и проявит интерес к происходящему в суде. Это также позволит исключить возможность выдвижения стороной защиты версий о применении недозволенных методах ведения следствия.

В-третьих, процесс доказывания осуществляется в соответствии с принципами всесторонности, полноты и объективности предварительного следствия, т.е. стороной обвинения в равной степени оцениваются по степени значимости как уличающие, так и оправдывающие вину доказательства, которые также в обвинительном заключении выносятся на первый план.

Интервьюирование судей показало, в случае, если в ходе судебного следствия устанавливался факт игнорирования органами предварительного следствия требований стороны защиты о проведении следственных и процессуальных действий, позволяющих подтвердить невиновность подзащитного, то ими, как правило, постановляются оправдательные приговоры с формулировкой, не доказана виновность подсудимого (в 70% случаев).

К сожалению, в настоящий момент, обвинительный уклон в деятельности следователя сохраняется. Нередко, следователи применяют стандартную формулировку, для отказа стороне защиты в удовлетворении заявленного ходатайства: «У следствия имеются достаточные данные, указывающие на виновность лица в совершении преступления. В связи, с чем отказать в заявленном ходатайстве стороной защиты». Встречаются случаи совершенно абсурдных формулировок отказов следователей, вот одни из таких примеров.

На этапе ознакомления с материалами уголовного дела сторона защиты заявила ходатайство об ознакомлении с вещественными доказа-

тельствами, полученными в ходе производства по уголовному делу. Следователь отказал в заявленном ходатайстве, аргументируя свой довод тем, что вещественные доказательства находятся в комнате вещественных доказательств, в здании УМВД по Тверской области. Как он пояснил обвиняемым и их адвокатам, в настоящий момент представить их не представляется возможным. Это обстоятельство явилось основанием для возвращения материалов уголовного дела прокурором следователю на основании п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ[1].

В-четвертых, достаточность собранного объема следственных и процессуальных действий следует определять не количественным показателем, а качественной составляющей. При этом достаточность доказательств должна определяться исходя из особенностей предмета доказывания по указанной категории уголовных дел.

Учитывая особый состав суда, следует отметить, что чем меньшем объеме предоставляются присяжным доказательства в суде, тем эффективней идет судебное разбирательство, чем их больше, дольше по времени и сложнее процесс установления истины в судебном разбирательстве. Присяжные устают от длительного судебного разбирательства, теряя к нему всякий интерес, если видят, что оно по времени продолжительно, а объем поступающий к ним информации чрезмерно велик и сложен для их понимания. В тоже время минимальный объем собранных по уголовному делу доказательств должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к доказательствам (относимость, допустимость и достаточность). При этом критерий достаточности должен стоять на первом месте, а содержание в них сведений, полученных от того, либо иного источника должно быть максимально понятно для судей факта.

В-пятых, сроки предварительного следствия, по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей. При осуществлении процесса доказывания следует установить необходимо достаточный минимум обстоятельств совершенного преступления для предъявления обвинения и направления материалов уголовного дела в суд, что позволит сократить сроки предварительного следствия. Таким образом, чем короче сроки предварительного следствия, тем успешнее достигаются цели уголовного судопроизводства. И, наоборот, чем более отдалено по времени судебное разбирательство, тем менее оно эффективно. В противном случае выяснение всех нюансов совершения преступления способно привести к обратному – будет упущена возможность установления необходимого и достаточного минимума доказательств для установления в суде присяжных заседателей истины по делу. Таким образом, необходимо стремиться к тому, чтобы следствие по уголовному делу было окончено в срок, не превышающий два меся-

[1] Уголовное дело № 2-49 / 2009 // Архив Тверского областного суда.

ца со дня его возбуждения. Однако нередко следователи ошибочно полагают, что это минимальный срок расследования, отчего с легкостью используют свое право на продление сроков следствия. Следует подчеркнуть, что указанный срок в два месяца – это максимальный срок предварительного следствия. Поэтому, если это возможно, следователь должен стремиться к окончанию следствия, не ожидая истечения указанного срока.

Отсюда следует, что быстрота уголовного судопроизводства в целом и предварительного расследования, в частности, необходима для более эффективного отправления правосудия, а значит достижения целей уголовного судопроизводства, в первую очередь истины. Всего этого возможно достичь посредством применением особых методов производства предварительного следствия.

А.А. Казаков

Институт возвращения уголовного дела прокурору и объективная истина

Современная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о сущности, основаниях и пределах применения института возвращения уголовного дела прокурору судом не может не вызывать широкое обсуждение среди представителей юридической науки и практикующих юристов[1].

Формировалась такая позиция в течение значительного периода времени. Так, в Постановлении от 20.04.1999 № 7-П[2], анализируя нормы утратившего на сегодняшний день силу законодательства, Конституционный Суд РФ, признал положения п. п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невосполнимой в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержа-

---

[1] Хитрова О.В. Особый порядок движения уголовного дела или возвращение уголовного дела для производства предварительного расследования? // Российский следователь. 2013. № 21. С. 14.

[2] По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

щегося в обвинительном заключении, не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Постановлением от 04.03.2003 № 2-П[1] орган конституционного надзора посчитал не противоречащим Конституции РФ содержание п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР в части, допускающей возвращение уголовного дела прокурору для устранения существенных нарушений уголовно-процессуального закона, если это не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. В описательной части данного документа подчеркнуто, что такие процессуальные нарушения не касаются ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнение ранее предъявленного обвинения. Однако предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ являлось полномочие суда по возвращению уголовного дела по собственной инициативе.

В Постановлении от 08.12.2003 № 18-П[2] орган конституционного надзора признал не противоречащей Конституции РФ ч. 1 ст. 237 УПК РФ, поскольку содержащиеся в ней положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Как видно, Конституционный Суд РФ негативным образом оценил предусматриваемую в свое время законом возможность суда возвращать уголовное дело по собственной инициативе ввиду необходимости переквалификации вменяемого лицу преступления на другое, более тяжкое или существенно отличающиеся по фактическим обстоятельствам общественно опасное деяние. Вместе с тем такая переквалификация не признавалась однозначно недопустимой в случаях, когда возвращение уголовного дела состоялось по инициативе сторон либо по иным, не связанным с изменением обвинения, обстоятельствам, при

---

[1] По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».

[2] По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // СПС «КонсультантПлюс».

условии что предъявление обвинения не сопровождалось восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Наконец, в Постановлении от 02.07.2013 № 16-П[1] Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 данного Кодекса, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Нельзя не согласиться, что такая позиция противоречит выводам, сформулированным в Постановлении от 20.04.1999 № 7-П[2], и, как следствие, может именоваться «новой»[3].

Вместе с тем представляется, что она в достаточной степени соотносится с предложением Председателя СК России ввести в российское уголовное судопроизводство институт установления объективной истины[4], в развитие которого возглавляемым им государственным органом был предложен проект изменений и дополнений в УПК РФ, в частности предусматривающих возможность возвращения уголовного дела судом прокурору, правда, с учетом прежней позиции Конституционного Суда РФ только по ходатайству сторон, также при наличии «оснований для предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятель-

---

[1] По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 24.

[3] Тришева А.А., Решетова Н.Ю. Возвращение судом уголовного дела прокурору: практика и новая позиция КС РФ // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 12.

[4] Бастрыкин А.И. О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практич. трудов. Вып. 1. М., 2013. С. 3-9.

ствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте»[1].

В настоящий момент в Государственную Думу РФ внесен законопроект[2], согласно которому ч. 1 ст. 237 УПК РФ предполагается дополнить п. 6 следующего содержания: «6) фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния».

Авторы законопроекта предложили включить в текст уголовно-процессуального закона исключительно и почти дословно те формулировки, которые были изложены в Постановлении от 02.07.2013 № 16-П. Тем самым остались неразрешенными многие вопросы, которые могли бы быть урегулированы при более системном взгляде на реформируемый институт, в том числе с учетом необходимости введения принципа установления объективной истины по уголовному делу.

Так, до сих пор у правоприменителей могут возникнуть сомнения, возможно ли ухудшение положения обвиняемого после возвращения уголовного дела прокурору, но не в связи с обстоятельствами, указанными в рассматриваемом решении органа конституционного надзора, а по иным основаниям. Известны прецеденты, когда даже после провозглашения Конституционным Судом РФ своей новой позиции суды, рассматривая жалобы заинтересованных субъектов в порядке ст. 125 УПК РФ, признавали в соответствующих ситуациях незаконными постановления о возбуждении уголовного дела и привлечении в качестве обвиняемого, поскольку, по их мнению, после возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом орган предварительного расследования не вправе изменять предъяв-

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект федерального закона. URL: http://www.sledcom.ru.

[2] О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федерального закона. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.

ленное обвинение в сторону его увеличения и ухудшения положения обвиняемого[1].

Такое мнение судов представляется ошибочным. Как отмечалось, в рамках актуальной правовой позиции органа конституционного надзора допустимой является переквалификация действий лица судом или органами предварительного расследования по инициативе суда на более тяжкое преступление по сравнению с тем, которое вменялось в обвинительном заключении, содержащимся в уголовном деле, направленном ранее для рассмотрения по существу. Тем более такая переквалификация возможна по инициативе органов предварительного расследования, которые в ходе устранения препятствий рассмотрения дела судом, оценивая установленные фактические обстоятельства, приходят к выводу о наличии в действиях обвиняемого более тяжкого преступления. В противном случае им бы пришлось в силу формальных причин заведомо ошибочно квалифицировать деяние, что не отвечает принципу справедливости и назначению уголовного судопроизводства, и принимать решение вопреки установленным обстоятельствам, т.е. игнорируя как раз цель установления объективной истины по уголовному делу.

Однозначное допущение подобной возможности в тексте уголовно-процессуального закона способствовало бы предупреждению разногласий в правоприменительной практике.

В Постановлении от 02.07.2013 № 16-П Конституционный Суд выделил две группы оснований, при наличии которых возможно ухудшение положение обвиняемого. Их объединение в законопроекте в рамках одного пункта части первой статьи 237 УПК РФ видится не совсем удачным. При этом суд, возвращая уголовное дело, руководствуясь любыми из этих оснований, не вправе указывать статью Особенной части УК РФ, по которой деяние подлежит новой квалификации[2].

Пожалуй, в тех случаях, когда в судебном заседании установлены новые фактические обстоятельства, свидетельствующие о возможности ухудшения положения подсудимого (например, совершение преступления в соучастии, наличие угрозы убийством и т.д.), суду достаточно будет в постановлении о возращении уголовного дела указать на необходимость исследования этих обстоятельств органами уголовного преследования, не предрешая их выводы о последующей квалификации

---

[1] Постановление Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 02.09.2013 // Архив СУ СК России по Свердловской области.

[2] Согласно рассматриваемому проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» статья 237 УПК РФ должна быть дополнена частью первой, в которой, в частности, будет сформулировано данное положение.

общественного опасного деяния. В связи с этим логично и применение положений ст. 237 УПК РФ.

В то же время если суд всего лишь приходит к выводу о том, что квалификация действий обвиняемого, данная в обвинительном заключении, не соответствует фактическим обстоятельствам в нем же изложенным, то трудно предположить, как ему это можно разумно аргументировать в процессуальном решении, не указав конкретной нормы уголовного закона. Не совсем ясно, каким образом в такой ситуации можно утверждать, что новая правовая оценка общественно опасного деяния подсудимого предполагает ухудшение его положения.

Видимо, суду в такой ситуации остается завуалированно изложить основания принятия решения в порядке ст. 237 УПК РФ, хотя все участники процесса будут прекрасно понимать, какая квалификация отныне предполагается. Смысл такого положения вещей, видимо, состоит в соблюдении политкорректности по отношению к принципу состязательности сторон. Неслучайно многие авторы полагают, что в рассматриваемых случаях суд обязан или вынужден, мотивируя выявленное нарушение, указать пункт, часть, статью УК РФ[1].

Единственно возможный способ избежать подобного развития событий – предоставить суду, не прибегая к возвращению уголовного дела прокурору, полномочие констатировать факт совершения подсудимым более тяжкого преступления по сравнению с указанным в обвинительном заключении. Тем более с учетом широкого введения в российское уголовное судопроизводство института апелляции такая переквалификация даже при оглашении приговора может быть признана не нарушающей требований, выработанных Европейским Судом по правам человека применительно к справедливому судебному разбирательству[2]. Правда, сама процедура нуждается в детальной и тщательной разработке.

Поэтому необходимыми видятся изменения не только ст. 237, но и 252 российского уголовно-процессуального закона. При их разработке представляется разумным отталкиваться от принципа установления объективной истины в уголовном судопроизводстве, пускай и легально не закрепленного в настоящий момент.

Очевидно, законодатель пока намерен идти по более консервативному пути, однако нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что после принятия Постановления от 02.07.2013 № 16-П ему

---

[1] Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения. URL: http://www.iuaj.net/node; Ковтун Н.Н. Суды fema // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 24.

[2] Никонов М.А. Переквалификация in devaforem // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 45-46.

предоставлены широкие возможности для улучшения действующего правового регулирования в сфере уголовного судопроизводства[1].

О.В. Качалова

Справедливость, состязательность, истина: ненужное вычеркнуть?

Проблема истины является одной из ключевых проблем уголовно-процессуального права, поскольку именно она определяет сущность процесса и его тип. Трудно представить себе другой такой же вопрос, вызывающий столько полемики, вопрос, ответ на который складывается из самых разнообразных идей и суждений, зачастую диаметрально противоположных, вопрос, ответ на который так до сих пор и не найден.[2]

Проблема истины, так и не обозначенная в современном УПК РФ, а читаемая между строк, давно перешла из разряда научных теоретических проблем в практическую плоскость, поскольку именно в решении этой задачи кроется ответ на вопрос: кто, что, в каком порядке, на каких условиях и с какой целью выясняет в ходе уголовного судопроизводства. По сути это тот основной вопрос, который в принципе определяет суть и лицо уголовного процесса, а также определяет взаимодействие участников уголовного судопроизводства, их функции и процессуальные роли.

Определяя назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), законодатель подразумевал, что решение вышеуказанных задач осуществляется всей системой уголовного судопроизводства.

Возникает вопрос: когда и при каких условиях можно считать, что в каждом конкретном уголовном деле в полной мере реализованы задачи защиты интересов личности, вовлеченной в уголовно-процессуальную деятельность? В данном случае можно говорить о множестве факторов,

---

[1] Муравьев К.В. Суд как орган, исправляющий ошибки в применении уголовного закона // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 51-52.

[2] См. подробно: Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.; Качалов В.И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития// Российское правосудие. 2011. № 8. С. 55-59; Азаренок Н.В. Уголовное преследование в системе современного досудебного производства // Российский юридический журнал. 2011. № 6; Балугина Т.С., Белохортов И.И., Воробьев П.Г. Об «исчезновении» истины в российском правосудии // Российская юстиция. 2009. № 11.

определяющих достижение задач уголовного судопроизводства, однако ключевыми, по нашему мнению, являются следующие:

- соблюдение процедуры уголовного судопроизводства;
- справедливость решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства;
- эффективность решений, принимаемых в ходе производства по уголовному делу и обеспечивающих восстановление в правах.

И если соблюдение процедуры уголовного судопроизводства не требует от нас решения вопроса об истине в уголовном судопроизводстве, то вопросы справедливости и эффективности уголовно-процессуальной деятельности не могут обойти стороной данную проблему.

Толковый словарь Н. Ожегова определяет термин «справедливый» как действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляемый на законных и честных основаниях.[1]

Справедливость при разрешении уголовных дел традиционно складывается из справедливости в процессуальном понимании (справедливости процессуальных действий и промежуточных решений), а также справедливости приговора и иных итоговых решений. Процессуальные аспекты справедливости (в том числе в понимании Европейского Суда по правам человека) включают в себя право на доступ к суду; право на юридическую определенность и эффективность судебных решений; установленный законом независимый и беспристрастный суд; состязательность процесса; равноправие сторон; участие обвиняемого; публичность процесса; презумпцию невиновности; право на защиту; право на доступ к информации; мотивированность судебного решения; право обжаловать приговор; разумный срок рассмотрения дела; право на допрос свидетелей; право на вызов свидетелей защиты; безвозмездную помощь переводчика и др.[2]

Напрямую вышеуказанные стандарты справедливости не затрагивают проблему истины в уголовном судопроизводстве. Однако главный вид уголовно-процессуальной деятельности – доказывание (в части предмета, пределов, цели, правил и субъектов доказывания) в основе своей зиждется как раз на истине.

Наибольшее значение имеет вопрос об истине при обеспечении справедливости принимаемых в ходе уголовного судопроизводства решений.

В данном случае справедливость определяется как соответствие между содеянным, личностью виновного и наказанием.

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 757.

[2] Стандарты справедливого правосудия / под ред. Т.Г. Морщаковой. М., 2012. С. 211-527.

Трудно согласиться с законодателем, определяющим в ч. 2 ст. 297 УПК РФ, что приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

На наш взгляд, приговор, а также другие итоговые решения по уголовному делу, не всегда могут быть справедливыми при соблюдении процедуры уголовного судопроизводства и правильном применении уголовного закона. Соблюдение требований УПК РФ при отсутствии в нем требований о всесторонности, объективности и полноте исследования обстоятельств дела не гарантирует того, что все обстоятельства будут выявлены в соответствии с тем, как они имели место в действительности.

Подобный изъян, допускающий формирование искаженного представления об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, создает предпосылки для неправильного применения уголовного закона, вынесения несправедливого приговора. Традиционно наибольшее количество приговоров отменяется и изменяется именно ввиду неправильного применения уголовного закона.

Справедливость в уголовном процессе объединяет такие важнейшие понятия как беспристрастность, соответствие истине, осуществление уголовно-процессуальной деятельности на законных и честных основаниях[1].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что справедливость уголовного процесса становится невозможной без истины.

Однако вопрос о соотношении объективной истины и состязательности (которая «красной нитью» проходит через весь УПК РФ и определяет основные его процедуры) является весьма непростым.

Еще в 1914 г. Н.Н. Розин писал о том, что «состязательному процессу не может быть свойственно неограниченное стремление к объективной истине».[2] Камнем преткновения в дискуссиях современных процессуалистов стал вопрос о том, необходимо ли любой ценой выяснять истину либо ограничиться разрешением спора сторон обвинения и защиты при производстве по уголовному делу.

Некоторые исследователи предлагали не закреплять в законодательном порядке принцип объективной истины, поскольку это не соответствует конституционному положению о плюральности идеологий, мнений, истин и приведет к провозглашению инквизиционности как официальной идеологии[3]. Однако опираясь на «здравый смысл» и ра-

---

[1] К вопросу о справедливости в уголовно-процессуальном праве // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального законодательства в современных условиях. М., 2006. С. 45.

[2] Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб. 1914. С. 303.

[3] Александров А. О значении концепции объективной истины // Российская

туя за «режим плюральности истин» как основу состязательности нельзя забывать о том, что истина по сути – адекватное отображение в сознании объективной реальности. Понятие плюральности истин применительно к одним и тем же событиям, подлежащим установлению по уголовному делу, противоречит здравому смыслу.

Все чаще раздаются предложения во избежание искажений роли сторон и суда в судебном разбирательстве истину не выяснять (аналогично тому, как это предусмотрено в отношении суда присяжных). Такой подход, по нашему мнению, чреват заменой объективного отражения действительности субъективным восприятием и не может быть положен в основу деятельности органов уголовной юстиции как лишенный объективности[1].

Конечно, достижение истины не должно возводиться в ранг целей уголовного судопроизводства, становиться его основополагающим принципом, однако задачей должностных лиц, ведущих производство по делу, должно стать максимальное использование возможных средств и способов выяснения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

В разное время предлагалось указать в УПК РФ на то, что дознаватель, следователь, прокурор и суд должны стремиться к установлению истины[2], максимально использовать все возможности для выяснения подлинной картины преступления[3] и др.

Наиболее взвешенной представляется точка зрения, в соответствии с которой истина должна найти свое отражение в УПК РФ в виде общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства[4].

Только возвращение в выхолощенную по сути систему уголовного судопроизводства истины способно возвратить в процесс здравый смысл и логику, обеспечить достижение задач уголовного судопроизводства и обеспечить его справедливость.

юстиция. 1999. № 1. С. 24.

[1] Печников Г. Система здравого юридического смысла в уголовном процессе.// Российская юстиция. 1998. № 3. С. 11.

[2] Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М., 1981. С. 64.

[3] Кореневский Ю. Нужна ли суду истина? // Российская юстиция. 1994. № 5. С. 22.

[4] Качалов В.И. Общие условия предварительного расследования: проблемы и перспективы их развития // Российское правосудие. 2011. № 8. С. 55-59.

Т.Т. Козловски

Проблема истины в уголовном процессе и современной философии и теории права

1. Истина и право – это одна из главных тем с зарождения культуры, которая интересно сосредоточивается в концепциях уголовного процесса. В Польше сейчас идёт широкая дискуссия в связи с реформой этого процесса, вполне осуществляющей принцип состязательности. И снова противники и сторонники реформы, включая руководство Министерства юстиции, используют истину как свой аргумент[1]. В России очередной этап уголовно-процессуального диалога возродился в Следственном комитете Российской Федерации (далее – СК России), где подготовлен законопроект о возрождении принципа установления объективной истины по уголовному делу. Ответ появился уже 25.04.2012[2], когда Научно-консультативный совет Федеральной палаты адвокатов подвергнул критике проект СК России с позиций признания объективной истины как пережитка советского прошлого и отхода от принципа состязательности.

2. Богатый русский язык великолепно выражает сложность, разнообразие проблемы, о которой идёт речь – именно в нём два слова: и «истина», и «правда». Никак нельзя сказать: «правдивый» учёный, но можно: истинный учёный. Итак, благодаря русскому языку, надо во-первых, спросить: истина или правда в уголовном процессе? Если принять[3], что истина ближе действительности, реальности и есть даже выражение: «истинная правда», то можно сказать (в рамках настоящей статьи), что правда более соединена с человеческими взглядами (субъективность, относительность), а в уголовном процессе принято рассматривать истину как объективность, отражающуюся вполне в человеческом сознании[4].

---

[1] Кроликовски М. (Заместитель Министра юстиций Польской Республики) о реформе уголовного процесса в Польше и комментарии // Лексус – журнал Юридического Факультета Варшавского Университета. 2013-2014. № 22. С. 9-15.

[2] Ввв.закон.ру. 22.05.2012.

[3] Гессен Д., Стыпула Р. Большой Русско-Польский Словарь. Москва-Варшава 1980.

[4] Античная формула, уточнял которою ещё Фома Аквинский: адекватио рей ет интелектус – принята тоже в Польше, например: П. Крушынски, Б. Биенковска и др. Уголовный процесс. Бялысток 2012: «Истина это соответственность человеческих мнений с объективной действительностью». Польский Кодекс Уголовного Процесса с 06.06.1997 Арт. 2§2 «Основанием всех решений нужны быть истинные фактические определения» // Дз. У. 1997 № 89, позиция 555 с позднейшими изменами.

3. Однако современная философия ставит под сомнение понятие истины, что можно использовать как очень удобный, важный и даже преимущественный практический аргумент. Поэтому вполне синтетический обзор проблемы истины с особым учётом философских новшеств является автору необходимым шагом по дальнейшему юридическому пути уголовного процесса. Это тем более нужно делать, что пришлось нам жить в переломных временах глобальной культурной и цивилизационной революции, но что конечно не означает так сказать автоматически юридической революции именно в плане процессуальных принципов и задач.

4. Автор предлагает, *во-первых,* новую философско-юридическую оборону классического понятия истины, а *во – вторых,* в нескольких словах высказывается о возможности приобретения некоторых современных концепций правды для уголовного процесса.

5. Истина. Принятый автором метод инспирирован методом Л.И. Петражицкого[1]. Как он включает социологию и психологию в правоведение на практическо-синтетическом уровне, так и автор включает философию. Оборону классического понятия истины надо начать с её отрицания. Многие сейчас тезисы о смерти философии, о конце великих философских систем в праве связаны с постмодернизмом, который отрицает рациональность рассуждения истины[2]. То, что надо заметить а даже подчеркнуть как позитивное достижение новой философии это понимание истины, а затем и правды не только на стороне фактов, но и на стороне источников человеческих решении, историческим примером чего есть теория психоанализа З. Фрейда и современная теория деконструкции Ж. Дерриды. Но проблема в том, что шаг за шагом это мышление отошло очень далеко от истины, покинуло истину. В постмодернистской перспективе в практическом виде право ни в коем случае не связано с рациональным анализом истины и определяется только как игра своеобразных интересов часто изменчивых людей. Это конечно касается гражданского процесса, но может тоже касаться – с нарастающей силой – уголовного процесса: например, сложная проблема так называемого эко-терроризма с одной стороны или отношения между супругами, зависимые от данной культуры, с другой сторо-

---

[1] Большинство представляемых автором тезисов находится в приготовлении к печати под заглавием: Право конституированное – введение в неогоббсовскую философию права. Некоторые из этих тезисов были изданы, например, Козловски Т. Лигальнесс – фильософикаль труф зс з концзпт оф льов. (в) ред. Пеховяк М. Норм знд труф. (книга итальянских и польских правоведцев) Познань 2008. С. 141-149.

[2] Моравски Л. Теория праводавцы рациональнэго а постмодэрнизм // Панство и право. 2000. № 11. С. 30-46.

ны. В конце концов новая так называемая нейрофилософия отрицает не только классически понятую истину, но и отрицает право[1].

6. Юристы – особенно в уголовном процессе – просто не могут отрицать истины и не могут отрицать философии как фундамента мышления. По мнению автора, среди многих причин такого состояний, нужно приглядеться к одной как самой главной. Она начинается с самого начала философии как разоблачение не только религиозной и мифической правды, но и разоблачения правды большинства людей, правды силы или правды случайных героев (так частых в XXI веке). Философы постепенно ищут рациональности и истины. И именно так и должен быть построен хороший уголовный процесс: до сих пор.

7. Для Петражицкого основной ошибкой, с которой он боролся всю научную жизнь, являлось принятие текста положительного права как исключительно возможного воззрения юриспруденции. По мнению автора, найденная Петражицким ошибка, прежде всего, обусловлена другой, предварительной ошибкой. Она заключается в интерпретации работ Т. Гоббса, прежде всего, как философий политики, где государство является источником права. В таком случае право и истина – это две отдельные категории. Автор утверждает, что существо Гоббса как больше всего философа права находится в противоположном порядке. Источником права есть человек, который благодаря своей рациональности и свободной воле может понять истину самого себя и из фактов войны перейти в нормы мира. Мир начинает быть основой права, а классическая философская концепция истины корнем права, вырастающего благодаря процессуальным нормам, среди которых без уголовного процесса (борьба с войной) ничего бы не получилось. А самый уголовный процесс – это, конечно, необходимость существования сильного, эффективного государства, мирного для всех, независимо от религиозных взглядов или фактической силы. Перспектива Гоббса даёт следующий образец. История философии – это одновременно история развития, укрепления юридического мышления, вроде постепенной социализации Петражицкого. Модернизм частично пробует того, что развил уже Гоббс. Сегодняшний час – это не постмодернизм и даже не конец модернизма, а его начало: крайне долгое и крайне трудное но только начало. Поэтому и отрицание истины сделано слишком рано. Современники Гоббса превратили в пепел его книги, а мы только в начале рациональности истины. Если теперь Гоббс вернулся бы к живим, то бы не удивился: войны идут, как шли и те международные и те

---

[1] В Польше сейчас идёт огромная дискуссия о возможности лишения свободы без участия уголовного процесса – только в виде психиатрических решении – дело М. Трынкевича, Р. Кайн, Фри Виль. Оксфорд, 2002. Габермас И. Пшышлость натуры людцкей. Варшава, 2003. Тадеушевич Р. Нейроцыбзрнзтика тэорэтычна. Варшава, 2009.

совсем маленькие и поэтому уголовному процессу по-прежнему нужна истина.

8. Правда. Нужно тоже добавить, что важная часть современной философии может быть очень полезна в современных вопросах уголовного процесса. Автор имеет в виду неогоббсовскую интерпретационную линию: Кант, Хайдеггер, Гадамер, Хабермас, Перельман, Сартр, где человек обречён на создание самого себя, создание своей правды, в том числе и создание права. Но это не только создание субъективное, но, прежде всего, как у К. Айдукевича, интерсубъективное, герменевтично-коммуникационное. По мнению автора, такое мышление надо принять не только в перспективе консенсуальных методов уголовного процесса, которые в Польше уже перевешивают 50% всех уголовных дел, но и в общем в отношении к пониманию так называемого состязательного процесса – а может лучше: коммуникационного либо интерсубъективного процесса. Состязательность связана с англо-американской юридической культурой, прецедентами, особенным пониманием конституции, аналитической индуктивной философией. Следственность имела плохие дни, и просто инквизиционные, и советские, но и всегда и везде появляется попытка инструментализации процесса. Но если следственность соединить с неогоббсовской обороной истины, а состязательность с неогоббсовской интерпретацией правды, то можно получить интересные результаты.

9. Истинная философия и истина в философской правде – это конституция мудрости нашей культуры и надо возлагать надежду, что в уголовном процессе она найдёт свою гоббсовскою мирную пристань.

С.В. Корнакова

Поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат

Проблема истины является наиболее обсуждаемой в уголовно-процессуальной науке. Некоторые авторы, ссылаясь на то, что УПК РФ не упоминает об истине как цели доказывания, делают вывод, что «в уголовно-процессуальном доказывании не проводится различие между достоверностью и вероятностью. Соответственно, предел познания обстоятельств дела может быть только вероятностным»[1].

Представляется, что такой вывод не может быть признан правильным, поскольку, согласно ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, в процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена достоверность каждого доказательства и их

[1] Пискун О.А. Истина в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 149.

совокупности, лишь при таком условии собранные доказательства могут стать основанием законного и справедливого приговора.

На наш взгляд, исключение понятия «истина» из УПК РФ как цели уголовного судопроизводства в целом вполне логично и объяснимо. Достижение истины не может быть целью всех участников уголовного судопроизводства, поскольку очевидно, что стороны защиты и обвинения по определению не могут иметь единой процессуальной цели. Тем не менее, это не влечет за собой вывода о том, что в достижении соответствующего действительности знания о событии преступления и о лице его совершившем нет необходимости, поскольку законодателем четко определены требования, предъявляемые к оценке доказательств, одним из которых является их достоверность.

«Достоверность – это то же самое, что истинность»[1], – писал М.С. Строгович. Достоверность – это форма существования истины, обоснованной каким-либо способом. При этом, как отмечет А. Р. Ратинов, не всякое истинное положение достоверно, истина приобретает характер достоверности только в том случае, если она удостоверена определенным образом, если истинное утверждение аргументировано, обосновано так, что в его истинности могут убедиться все[2]. Значит, достоверное знание, в отличие от истинного, предполагает наличие обоснования своей истинности, причем в судопроизводстве особенно важно, чтобы эти основания были доступны для проверки другими лицами.

Поскольку содержанием уголовно-процессуальных доказательств являются сведения, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, обязанностью субъектов доказывания является проверка достоверности этих сведений. Такой позиции придерживается и Пленум Верховного суда РФ, который в своем постановлении № 5 от 10.10.2003 прямо указывает, что устанавливаемые обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т.е. подтверждаться достоверными сведениями[3].

Термин «достоверность» употреблен в уголовно-процессуальном законе 12 раз, и в каждом случае речь, безусловно, идет о соответствии содержания доказательств действительности. Причем законодатель, в частности в ч. 5 п. 2 ст. 226.7 УПК РФ, прямо указывает на то, что со-

---

[1] Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. Л., 1947. С. 93.

[2] Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107.

[3] Постановление Пленума ВС РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 12. С. 3-8.

мнение в достоверности доказательств может повлиять на законность итогового судебного решения по уголовному делу. Именно поэтому наличие в УПК РФ требования установления достоверности каждого доказательства противоречит встречающимся в литературе суждениям о том, что уголовно-процессуальный закон не нацеливает субъектов доказывания на достижение истины по каждому уголовному делу.

В науке уже достаточно традиционно достоверность рассматривается как обоснованное знание, соответствие которого действительности не вызывает сомнений, поэтому вызывает возражение мнение некоторых авторов, предлагающих провести ревизию понятия «достоверность». В частности, И.В. Овсянников, утверждая, что «распространенное в теории понимание достоверности доказательств как истинности этих доказательств весьма опасно, ибо на практике оно может приводить к судебным ошибкам», предлагает понимать под достоверностью доказательств «неопровергнутость доказательства другими доказательствами в процессе доказывания». «При этом, – считает автор, – понятие «достоверное доказательство» охватывает и то доказательство, содержание которого представляется субъекту оценки знанием не достоверным, а вероятным, а также то доказательство, содержание которого представляется вероятным не только следователю, прокурору или суду как субъекту оценки доказательства, но и лицу, являющемуся источником этого доказательства»[1]. По мнению автора, «если два доказательства противоречат друг другу, логически несовместимы, но суд, прокурор, следователь или дознаватель не пришли к убеждению, что одно из них несомненно, то оба эти доказательства могут признаны достоверными».

Каким правилам подчиняется такое рассуждение? Если следовать правилам логики, то несовместимые доказательства, ни одно из которых не было подтверждено в процессе доказывания, должны быть признаны одинаково недостоверными, а лишь вероятными.

Далее, И.В. Овсянников рекомендует признавать доказательство недостоверным «только в том случае, когда его содержание опровергнуто в процессе доказывания (с несомненностью доказано обратное)»[2].

Представляется, что такой подход к пониманию достоверности доказательств противоречит не только ч. 4 ст. 302 УПК РФ, согласно которой «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях», но и презумпции невиновности. Обвиняемый не обязан ничего опровергать. Виновность обвиняемого должна быть доказана с несомненностью, подтверждена достаточной совокупностью достоверных доказательств.

---

[1] Овсянников И. В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7. С. 37, 39.
[2] Там же. С. 40.

Как справедливо отмечает А.В. Аверин, «если учеными применяется слово русского языка, то, видимо, нецелесообразно отходить от общепринятого значения данного слова или искажать его смысловое содержание»[1]. Поэтому следует признать правильным традиционный взгляд на достоверность доказательств, под которой понимается соответствие полученных путем собирания, проверки и оценки сведений обстоятельствам совершенного преступления и иным обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу.

Л.Б. Алексеева в этой связи справедливо отмечает, что в вопросе о цели доказывания (истинность или достоверность) не усматривается никакой проблемы и темы для дискуссии, поскольку, если бы факты, имеющие уголовно-правовое значение, не нужно было доказывать, то не было бы ни теории доказательств, ни раздела УПК, посвященного доказательствам и доказыванию, равно как и не было бы требования, согласно которому обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана[2]. Результатом уголовно-процессуального доказывания должно быть доказанное (значит, достоверное) знание, полученное в результате собирания, проверки и оценки доказательств в точном соответствии с установленными законом правилами и не вызывающее сомнения в своей обоснованности. В конечном счете, верно считает А. Пиюк, неважно, как будет называться результат уголовно-процессуального доказывания: «истина» либо «доказанная достоверность»[3], но, тем не менее, для уголовного процесса основным понятием является не «истинность», а «достоверность», поскольку, как отмечалось, достоверное знание всегда истинно, но истинное знание не всегда достоверно.

Из смысла ст. 88 УПК РФ, требующей оценивать доказательства не только с точки зрения их относимости и допустимости, но и достоверности, на мой взгляд, вытекает обязанность следователя, дознавателя, прокурора, суда полно, объективно и тщательно исследовать все обстоятельства, подтверждающие обвинение, и значимые для разрешения конкретного дела, поскольку только в этом случае возможно оценить доказательства на предмет наличия или отсутствия у них такого свойства, как достоверность. Именно с достоверностью доказательств сопряжен поиск, установление истины. При этом представляется, что законодатель предъявляет требование достоверного установления

---

[1] Аверин А.В. Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир, 2004. С. 73.

[2] Алексеева Л. Действительные или мнимые противоречия // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 23.

[3] Пиюк А. «Истина» или «доказанная достоверность»? // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 43.

лишь к обвинительным доказательствам, без которых не может быть опровергнута презумпция невиновности обвиняемого. Суд может вынести обвинительный приговор лишь тогда, когда исследуемые по делу факты установлены с достоверностью. Поэтому является обоснованным утверждение С.А. Пашина, что «поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат»[1], поскольку лишь при достоверном установлении стороной обвинения обстоятельств преступления и виновности лица (лиц) в совершении преступления возможно опровержение доводов, приводимых в защиту обвиняемого, правильная квалификация деяния и, как следствие, справедливое разрешение дела.

Изложенное подтверждается тем, что упоминание законодателем в ряде статей требований обеспечения полноты, объективности (ч. 4 ст. 152 УПК РФ) и всесторонности (ч. 2 ст. 154 УПК РФ), касается исключительно действий и решений субъектов доказывания со стороны обвинения на стадии досудебного производства. Соблюдение этих требований должно обеспечить справедливое судебное решение.

Таким образом, обвинительный приговор должен быть обоснован бесспорно доказанной совокупностью собранных, проверенных и оцененных доказательств. В процессе доказывания по уголовному делу должна быть установлена истина, понимаемая как объективная, достоверная доказанность обстоятельств совершения преступления, а так же их юридическая оценка с точки зрения норм уголовного закона. Приговор суда должен отражать те юридически значимые обстоятельства, которые были с достоверностью установлены при производстве по уголовному делу, и на основании которых суд, в соответствии с его внутренним убеждением, пришел к единственно правильному выводу, позволяющему принять законное, обоснованное и справедливое решение.

Л.В. Косарева
И.В. Макогон

К вопросу о методологии познании истины в уголовном процессе

Методология – ключ к решению многих исследовательских задач, она же задает пределы видения и уровень осмысления той или иной научной проблемы. В настоящее время заметно активизировался поиск нестандартных подходов к познанию истины и объяснению социальных явлений[2]. Методологические проблемы определения сущности

---

[1] Цит.: Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного процесса. М., 2006. С. 26.
[2] Природа конфликта: социально-политические, философские и правовые аспекты. Волгоград, 2004. С. 125-131; Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.П. Основы философии науки. Ростов-на-Дону, 2005. С. 307-360.

познания в процессе раскрытия и расследования преступлений всегда составляли основу исследований доказательственной деятельности и установлении истины в уголовном процессе[1].

Обращение к методологии при исследовании проблем уголовного процесса создает предпосылки наиболее полного, всестороннего и объективного анализа их, отысканию объективной истины, отношение к которой на сегодняшний день не однозначно и противоречиво.[2]

Думаем, что каждый вид познавательной деятельности, в том числе и процессуально-следственный[3], иметь общие диалектические критерии истины и средства ее познания.

Проблема истины, то есть проблема достоверного, правильного, адекватного знания, была сформулирована и осознана еще в Древней Греции. Познать истину, значить установить соответствие между знаниями и объективными явлениями[4].

Аристотель писал: «истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное – связанным, а ложное – тот, кто думает обратное тому, как дело обстоит с вещами».[5]

Для того чтобы быть уверенными, что знания адекватно отражают действительность и применимы к ней, то есть на их основе можно ориентироваться в этой действительности, действовать и приспособиться к ней, преобразовывать ее в соответствии с нашими целями, мы должны быть уверены, что существует надежный способ проверки знаний установления их соответствия с действительностью, выявления меры этого соответствия и способа улучшения и совершенствования знаний. Для этого и существует понятие истина и ее критерии[6].

Современная теория познания рассматривает вопрос об истинном знании и его критериях как чрезвычайно сложную и не имеющую однозначного решения проблему. Прежде всего, она выделяет такое по-

---

[1] Астафьев В.Ю. Особенности познавательной деятельности в раскрытии преступлений // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С. 364-376.

[2] Подольный Н.А. Методологические и идеологические значения проблемы истины в уголовном процессе // Российский судья. 2012. № 8. С. 22-26; Баев О.Я. Под флером объективной истины (о законопроекте об объективной истине в уголовном судопроизводстве) // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2012. № 2. С. 394-410; Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2007. С. 113-115.

[3] О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.; Интервью председателя СК России А.И. Бастрыкина «Российской газете» о законопроекте по обеспечению объективной истины // Российская газета. 2012. № 58.

[4] Философия. Основные идеи и принципы. М., 1999. С. 275.

[5] Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 250.

[6] Белов М.В. К вопросу о критериях истины в уголовном процессе // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). 2008. № 2. С. 298-306.

нятие как объективная истина, которое породила множество толкований[1].

Диалектический характер объективной истины выражается не только в том, что в ней сочетаются объективное и субъективное, но и также в том, что истина – это единство абсолютного и относительного. Всякая материальная истина по своему содержанию объективна, что она в этом смысле не зависит от познающего субъекта.

Такой категорией является, по словам К. Маркса «предметная истина». Критерием предметной (материальной) истины он считал социальную и индивидуальную практику человека. Всякая предметная истина по своему содержанию объективна[2]. Объективная истина, писал В.И. Ленин, это такое содержание человеческих знаний, которое не зависит от сознания и воли людей и соответствует отражаемым предметам[3]. Однако при познании всякая объективная истина существует только в голове человека и поэтому неразрывно связана с познающим субъектом. Поэтому истина носит, на наш взгляд, объективно-субъективный характер.

Объективно-субъективный характер истины постоянно меняется, развивается и не является застывшим явлением. Она выступает, как правило, в двух формах: относительной и абсолютной. В большей степени объективная истина выступает в относительной форме, но постоянно стремится к абсолютной.

Абсолютная истина – это такая объективная истина, которая содержит в себе полное и всестороннее знание о сущности предметов и явлений материального мира, в силу чего она никогда не может быть достигнута, а тем более опровергнута.

Относительная истина – это такая объективная истина, которая в основном, правильно отражает явления реальной действительности, но в процессе ее доказывания на практики постоянно уточняется, конкретизируется, дополняется и возвышается в сторону абсолютной истины.

Абсолютная истина должна рассматриваться только как некий эталон или предел, к которому постоянно стремится наше знание. На пути к этому пределу мы получаем новые относительные истины, то есть все глубже познаем отдельные связи, отношения и свойства объектов, синтезируем их и в этом смысле постоянно приближаемся к объективной истине при расследовании преступлений и судебном разбирательстве.

Поэтому первичные истины дают знание предположительные, отражающие отдельные свойства, связи, отношения и обстоятельства

---

[1] Туленков Д.П. Проблемы достижения объективной истины в уголовном процессе // Российский судья. 2013. № 4. С. 33-35.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 264.
[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 198.

существования события преступления. По мере накопления знаний одни истины заменяются другими, более глубокими, более полными и более достоверными. Аналогией, в этом плане, может быть процесс выдвижения и проверки версий при расследовании преступлений.

Надо помнить, что диалектика относительной и абсолютной истины заключается в том, что наше познание, стремясь к точному, объективному, достоверному и всестороннему охвату исследования совершенного преступления, но двигаясь при этом не на ощупь, а по определенной методике, постоянно разрешает возникающие на своем пути противоречия, все полнее и глубже отражает расследуемое событие, тем самым достигаем и познаем объективную истину в уголовном процессе при расследовании преступлений и судебном разбирательстве.

«Если наши предпосылки верны, – пишет Ф. Энгельс, – и если мы правильного применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»[1]. Любое явление внешнего мира (а совершенное преступление является таковым), взятое в определенных, конкретно-исторических условиях, в данный промежуток времени, может быть относительно верно отражено сознанием человека.[2]

Единственным критерием проверки истины считают практику. Однако, хорошая теория (методика расследования преступлений) не должна сбрасываться со счетов. Ибо правильная теория, ведет к быстрому установлению истины по уголовному делу.

Практика как критерий истины состоит в том, что она дает последнюю, окончательную проверку истинности любой теории, что за этой проверкой никакой иной проверки нет и не требуется (хотя в нашем случае, есть надзорные инстанции), так что объективность истины (а тем самым ее абсолютность) доказывается, в конечном счете, ее безусловной достоверностью[3].

Другая взаимообусловленная проблема в уголовном процессе связана с доказательством истины (ст.ст. 85-90 УПК РФ). В диалектике и в уголовном процессе проблема доказательства и проблема критерия истины есть одна и та же. Диалектическое понимание доказательства не может оставлять содержательный критерий истины – практику – вне процесса доказательства[4].

Проблема доказательства истины для логиков и процессуалистов, есть, прежде всего, проблема об общих правилах, критериях, основаниях и принципах, которым должен удовлетворять познавательный

---

[1] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1951. С. 317.

[2] Руткевич М.Н. Практика – основа познания и критерий истины. М., 1952. С. 178.

[3] Руткевич М.Н. Указ. соч. С. 187.

[4] Диалектика – теория познания. Проблемы научного метода. М., 1964. С. 132.

процесс, что бы его результат мог считаться объективно истинным и достоверным.

Важно то, что история развития доказательств начинается там, тогда и поскольку, где, когда и поскольку в исследовании применяются диалектические и логические методы. Прежде всего, дедукция и индукция, анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному. Иное токование методов доказательства, в конце концов, приводить к тому, что основание доказательства усматривается в доводах интуиции субъекта доказывания. Это значить, что здесь превалирует субъективное доказательство, что в настоящее время практикуется в уголовном процессе. Современный уголовный процесс России – это не процесс поиска, выяснения, достижения объективной истины, а правовой спор двух сторон, отстаивающих перед судом свою точку зрения, свой процессуальный интерес[1].

Диалектическое доказательство, которое включает в себя разрешение существующих противоречий, рационально и логически правильно осуществляет процесс получения новых знаний в ходе восхождение от абстрактного к конкретному, от общего к частному т.д.[2]

Диалектика познания выдвигает требование постоянно учитывать в процессе доказательства, наряду с наиболее общими логическими правилами и принципами, и факты, отражающие специфику исследуемого объекта[3] (в нашем случаи криминалистическую характеристику преступлений).

В.И. Ленин считал, что «для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих, а самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания». На вопрос: «Когда факты имеют безусловную доказательственную силу?» Ленин отвечал, что факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и, безусловно, доказательственная вещь»[4]. Весь смысл этого принципа как раз и заключается в том, что необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к расследуемому преступлению, без всякого исключения. В.Л. Будников, такую совокупность называл «конвергентностью однородных доказательств»[5]. Недооценка или отрицание в уголовно-процессуальной теории таких доказательств, может привести, и как правило, приводит к осознанной или неосознанной фальсификации

---

[1] Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2007. С. 113-115.
[2] Диалектика – теория познания. Проблемы научного метода. С. 124.
[3] Там же. С.140.
[4] Ленин В.И. Соч. Т. 23. С. 266.
[5] Будников В.Л., Зверев И.В. Субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве. Волгоград, 2006. С. 25-30.

доказательств при расследовании преступлений. Следственная практика имеет достаточно таких примеров, когда вышестоящие инстанции исправляют допущенные ошибки[1].

Под объективной истиной в уголовном процессе надо понимать такое достижение знания дознавателем, следователем, прокурором, судьей об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, которое соответствует тому, что имело место в действительности и не зависит от индивидуальных особенностей познающих субъектов.

Цели доказывания определены в УПК РФ как установление обстоятельств, которые являются предметом доказывания по уголовному делу (ст. 73, 74). В то же время сама система уголовного судопроизводства, основанная на принципе состязательности, заинтересована в установлении объективной истины по делу, однако идея заключается не в том, чтобы установить абсолютную истину о событии, а в том, чтобы выяснить, какое объяснение данного события отражает наиболее правдоподобное его восприятие, наиболее объективно отражает существующую реальность.

Объективная истина должна определяться не как императив (принцип), а как идеальная модель результата, к достижению которой должны стремиться субъекты доказывания. В случае же невозможности ее достижения, итоговые решения по делу принимается на основе презумпции невиновности, в соответствии с которой неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого.

Следовательно, установление объективной истины в уголовном процессе отождествляется с процессами познания факта преступления и связанных с ним обстоятельств. Понимание объективной истины не только в качестве цели, но и как средства доказывания по делу, способствует разрешению существенных противоречий между сторонами уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи познание объективной истины выступает как необходимое условие достижения общей цели уголовного судопроизводства, средством чего являются доказательства, позволяющие суду в конечном итоге вынести законный, объективный и справедливый приговор.

---

[1] Корякин Е.А. Проблема устранения судебных ошибок в свете учения об объективной истине в уголовном судопроизводстве // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 162-165.

Л.Н. Костина

Использование специальных психологических знаний в установлении истины по уголовным делам о групповых преступлениях несовершеннолетних

Производство дел о групповых преступлениях несовершеннолетних базируется на учете группового характера преступной деятельности, а также возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних лиц[1]. Своеобразие расследования дел о групповых преступлениях несовершеннолетних обусловлено: а) специфическими социально-психологическими закономерностями и механизмами формирования и сплочения преступных групп несовершеннолетних; б) психологией преступной группы несовершеннолетних (ценностями, нормами, традициями), статусом каждого участника и его ролью в совершенном преступлении, целями и мотивами преступления, взаимоотношениями в группе; в) особенностями возрастной и индивидуальной психологии несовершеннолетних участников этих групп.

В соответствии со ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются: 1) возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; 2) условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; 3) влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Применение специальных знаний составляет неотъемлемую и очень важную часть практической деятельности следователя по собиранию, проверке и оценке доказательств. В первую очередь речь идет о следователе, который должен обладать совокупностью профессионально-психологических знаний, навыков и умений, которые способствуют расширению практических возможностей полного, объективного и всестороннего установления всех обстоятельств расследуемого дела о групповом преступлении несовершеннолетних, повышают эффективность следственных действий, делают их более целенаправленными, а также улучшают качество полученных фактических данных. Но своеобразие расследования дел о групповых преступлениях несовершеннолетних обязывает следователя обращаться к специальным психологическим знаниям. Так, ст. 425 УПК РФ предусмотрено обязательное

---

[1] Гуковская Н.И., Долгова А.И., Миньковский Г.М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1974. С. 6; Лавров В.П., Валеев М.Х., Рахматуллин Р.Р. Криминалистика: Конспект лекций. Уфа, 2004. С. 112.

участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии. Участие педагога предусмотрено и при допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя при допросе потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет (ч. 1. ст. 191 УПК РФ). Кроме того, следователь может воспользоваться участием специалиста-психолога в другом следственном действии, а также длительным участием психолога в расследовании наиболее сложных уголовных дел[1].

Необходимость использования специальных знаний психологов при расследовании групповых преступлений несовершеннолетних очевидна в связи с групповым характером совершаемых преступлений, а также несовершеннолетием участников преступной группы. Речь идет о проведении психологических и экспертных психологических исследований: а) групповой динамики (степени влияния преступной группы на отдельного ее участника; механизмов и форм психологического влияния членов группы на несовершеннолетних при совершении преступления и в процессе расследования; характера взаимоотношений между членами группы; социально-психологических и индивидуальных особенностей личности наиболее активных членов группы, лидера; психологических причин изменения показаний и пр.[2]; б) личности участника преступной группы (мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими).

Исследование показывает, что наиболее сложными для следователей, специализирующихся по делам несовершеннолетних, оказались: а) формулировка вопросов-задач перед специалистом-психологом; б) организация взаимодействия с сотрудниками органов дознания, конкретизация и доведение до них поручений, касающихся сбора психологической информации о преступной группе и несовершеннолетних участниках; в) наблюдение с целью изучения личностных особенностей несовершеннолетних подозреваемых и психологических характеристик преступных групп; г) преодоление стереотипов в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых); д) выделение ве-

---

[1] В юридической литературе неоднократно указывалось, что участие психолога не менее важно и в других следственных и даже процессуальных действиях // Власенко Н.В., Степанов В.В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004. С. 38; Кортоков А.П., Тимофеев А.В. Прокурорско-следственная практика применения УПК РФ: Комментарий. М., 2005. С. 484.

[2] Кудрявцев И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство). М., 1999. С. 279.

дущих особенностей преступной группы и ее несовершеннолетних участников.

Для преодоления указанных сложностей, нами было подготовлено пособие, в котором содержатся описание психологических рекомендаций[1]. Речь идет и рекомендациях, которые ориентированы на повышение эффективности взаимодействия следователей с сотрудниками органов дознания и психолога по изучению условий жизни и воспитания, близкого и референтного круга общения несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), сбору информации об индивидуально-психологических особенностях личности несовершеннолетнего подозреваемого; психологии преступной группы несовершеннолетних и личности каждого ее представителя. Для этого были разработаны две структуры (таблицы). Первая – для изучения личности представителя преступной группы, вторая – для изучения преступной группы.

Так, для конкретизации поручений сотрудникам органов дознания рекомендуется соответствующий перечень значимой информации. Для получения информации о психологии преступной группы следователю рекомендуется приложить к поручению, адресованному оперуполномоченному уголовного розыска, участковому уполномоченному, таблицу (или отдельные ее пункты, значимые для расследования дела).

Составляющими таблицы являются раскрытые в пособии основные характеристики преступных групп несовершеннолетних: 1) состав группы; 2) причины возникновения и продолжительность знакомства ее представителей; 3) групповые цели, мотивы и ценности; 4) имеющиеся в группе нормы, традиции, правила поведения; 5) наличие преступного и группового преступного опыта у членов группы, особенности и характер взаимодействия при совершении групповых преступлений; 6) система и характер сложившихся межличностных отношений в группе; 7) психологическая структура группы; 8) функциональная структура группы; 9) уровень группового развития и сплоченности группы. Кроме того, следователю рекомендуется разъяснять в ходе личной встречи сотрудникам, чтобы при составлении справок излагаемые ими мнения и оценки подтверждались обоснованными фактами и примерами; подчеркивать значимость и важность предоставляемой ими информации для расследования уголовного дела.

Рекомендации для установления психологического контакта с разными категориями несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) и рекомендации для преодоления противодействия расследованию со стороны несовершеннолетнего подозреваемого или преступной группы несовершеннолетних основаны на психологических закономерностях

---

[1] Костина Л.Н. Психологические технологии и техники, применяемые в расследовании уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних: учебное пособие. Орёл, 2012.

общения, возрастной и индивидуальной психологии несовершеннолетних, результатах исследования несовершеннолетних подозреваемых и осужденных, а также психолого-криминалистической закономерности о том, что успешность доказывания зависит от эффективности установления следователем психологического контакта, необходимого для получения от несовершеннолетнего подозреваемого правдивых показаний.

В целях повышения эффективности решения организационных задач представлены рекомендации для совместной деятельности следователя с психологом. Они содержат описание следующих апробированных материалов: 1) правила совместной работы специалиста-психолога со следователем, 2) рекомендации для использования знаний специалиста-психолога и рекомендации для привлечения психолога как консультанта; 3) задачи, которые могут быть поставлены эксперту-психологу.

Подводя итоги, отметим, что специфическая деятельность расследования преступлений несовершеннолетних требует от следователя интереса, способностей к деятельности и профессионального мастерства. В этом связи остаются актуальными и востребованными практикой вопросы специализации следователей. На этом настаивал профессор А.Р. Ратинов, отмечая, что специализация должна быть «основана на учете способностей и направленности интересов следователя»[1]. К сказанному добавим, что специализацию следователя по делам несовершеннолетних следует рассматривать в качестве одного из факторов повышения результатов предварительного следствия. Наличие у такого следователя высокого уровня профессионально-психологической подготовленности определяет возможность успешно преодолевать психологические трудности, возникающие в процессе расследования преступлений несовершеннолетних. Указанный вид подготовленности должен проявляться у следователя и в грамотной организации взаимодействия с психологом и сотрудниками органов дознания с целью полного и объективного сбора, проверки и оценки доказательств по уголовному делу.

---

[1] Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей: учебное пособие. М., 1967. С. 72-73.

С.В. Крашенинников

К вопросу о необходимости закрепления дефиниции «истины» в УПК РФ

С момента принятия УПК РФ ведутся научные дискуссии о необходимости законодательного закрепления дефиниции «истины».

Следственным комитетом Российской Федерации подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»[1], необходимость которого была обоснована тем, что это позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие и повысить степень доверия граждан к нему.

Признание или непризнание истины в качестве цели доказывания по уголовным делам выступает системообразующим началом для определения назначения (направленности) судопроизводства, построения системы принципов, правового положения его участников, обстоятельств, подлежащих доказыванию, средств доказывания, системы уголовно-процессуальных гарантий, всей сложной ткани уголовно-процессуальной формы[2].

Исторически установление истины в уголовном судопроизводстве было предусмотрено УПК РСФСР, в соответствии со ст. 243 которого, председательствующий в судебном заседании обязан был принимать меры к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела и установлению истины[3]. Кроме этого ст. 20 этого же закона указывала на необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

М.С. Строгович по этому поводу указывал, что целью уголовного процесса является, прежде всего, установление фактических обстоятельств дела в полном и точном соответствии с действительностью, т.е. установление по делу истины[4].

Указанный закон был не первым нормативным актом, закреплявшим в качестве цели уголовного судопроизводства истину, так еще в

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (подготовлен СК России) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Доля Е.А. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5.

[3] Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» (вместе с Кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

[4] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 40.

Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. целью являлось обнаружение истины.

Однако норма об установлении истины в процессе расследования уголовных дел в УПК РФ не получила своего закрепления. Вместе с тем отношение к истине сказывается на содержании уголовно-процессуального законодательства, обеспечении надлежащей защиты интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, эффективности прокурорского надзора за законностью и обоснованностью деятельности органов расследования[1].

Многие ученые полагают, что для состязательного процесса характерно стремление к доказанности, а не к истине[2], в связи с чем в соответствии с действующим уголовно-процессуальным доказательством возможно вынесение решения без установления истины по делу.

Действительно, в некоторых случаях УПК РФ предусматривает возможность принятия решения без установления истины по уголовному делу. Это, например, постановление приговора без оценки и исследования всех доказательств, собранных по делу (гл. 32.1. «Дознание в сокращенной форме», гл. 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением», гл. 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»).

Подобные положения содержатся и в ст. 25 УПК РФ, которая предусматривает возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. При этом, исходя из анализа данной нормы, следует, что устанавливать обстоятельства произошедшего события не обязательно.

В связи с этим многие полагают, что если приоритет отдается установлению истины, т.е. подлинных обстоятельств расследуемого дела, то такие элементы процессуальной формы, как правила об исключении доказательств, запрет поворота к худшему, а также все проявления диспозитивного начала, выступают своего рода препятствием к достижению основной цели доказывания[3].

Вместе с тем УПК РФ имеются и нормы направленные на установление истины по уголовному делу. Так, несмотря на то, что следователь, дознаватель в соответствии с гл. 6 УПК РФ относятся к стороне

---

[1].Доля Е.А. Содержание истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве // Законность. 2013. № 11. С. 5.

[2] Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 45.

[3] Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 19.

обвинения, они в соответствии со ст. 73 УПК РФ обязаны устанавливать следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Выявлению также подлежат обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Представляется, что данные положения направлены на всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, то есть на установление материальной истины.

Необходимость установления материальной истины, подтверждает и Конституционный Суд РФ, в частности в своем постановлении он указывает, что в соответствии с установленным в Российской Федерации порядком уголовного судопроизводства предшествующее рассмотрению дела в суде досудебное производство призвано служить целям полного и объективного судебного разбирательства по делу. А в качестве гарантии процессуальных прав участников уголовного судопроизводства суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу. При этом определяя возможности суда по обеспечению интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, указывает, что они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, тем более что во многих случаях от решения по этим вопросам зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда[1].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов

Поэтому следует согласиться с мнением о том, что материальная истина может быть установлена только при последовательном производстве двух следствий: предварительного и судебного. Если первое осуществляется в форме розыска, то второе – с соблюдением состязательных процедур. Отсюда следует, что обязательным условием установления материальной истины в суде является розыскное предварительное расследование. В связи с этим состязательными в российском уголовном процессе могут быть только судебные стадии[1].

Очевидно, что на судебных стадиях инициатива по установлению объективной истины должна принадлежать сторонам, участвующим в процессе. Данное мнение согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации[2] относительно того, что возвращение судом уголовного дела для дополнительного расследования возможно только по ходатайству стороны, но не по собственной инициативе суда. Возвращение дела при отсутствии соответствующих ходатайств сторон, т.е. если ни обвинение, ни защита не настаивают на этом, может отражать только интересы обвинения. В том случае, если с точки зрения интересов защиты, возвращение дела для производства дополнительного расследования не является необходимым такая позиция защиты является допустимой формой отстаивания интересов подсудимого. Связано это с тем, что при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения, защита вправе рассчитывать на вынесение судом оправдательного приговора либо, соответственно, на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования., ибо суд при этих обстоятельствах обязан следовать принципу презумпции невиновности, закрепленному в ст. 49 Конституции РФ.

Необходимость установления материальной истины по уголовному делу подтверждается также требованиями ст. 302 УПК РФ в части того, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказа-

---

общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

[1] Азаренок Н.В. Обусловленность состязательности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 146.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 4.

тельствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены[1].

Исходя из вышеизложенного, следует сказать, что современное уголовно-процессуальное законодательство следует относить к смешанному типу, который сочетает в себе состязательные и розыскные начала и наличие необходимости установления истины при расследовании уголовного дела не противоречит целям судопроизводства.

В.Ф. Крючкова

Проблемы установления объективной истины при применении мер процессуального принуждения в уголовном процессе

К одной из наиболее сложных проблем уголовного судопроизводства, на наш взгляд, относится проблема восстановления общественных отношений, нарушенных в результате совершения преступлений.

Председатель СК России А.И. Бастрыкин, анализируя уголовное законодательство в сфере возмещения вреда потерпевшему, говорит о явной его недостаточности, либо о наличии пробелов. И далее делает вывод: причину пробелов следует искать в неурегулированности статуса потерпевшего[2].

В российском уголовном судопроизводстве правовосстановительный механизм начинает свое действие с обращения потерпевших в правоохранительные органы с просьбой о возмещении вреда, причиненного преступлением, а в предусмотренных законодательством случаях, государственные органы (дознания, следствия, прокуратуры, суд) обязаны инициировать данный процесс и по своей инициативе. Завершаться действие данного механизма должно практическим исполнением следственным или судебным органом полного возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда.

Необходимо отметить, что независимо от того, установлен ли размер ущерба, заявлен ли гражданский иск потерпевшим либо прокурором, правовосстановительный механизм не будет в полной мере функционировать, пока не наложен арест на имущество, так как эффективность, полнота восстановленных отношений (имущественного или неимущественного характера) зависят в первую очередь от своевременности принятия управомоченными должностными лицами обеспечительных мер.

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 (ред. от 16.04.2013) «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7.

[2] Российская газета. 2010. 9 апреля.

В соответствии с п. 4 ст. 73 УПК РФ, на лиц, ведущих уголовное судопроизводство, возложена обязанность во всех случаях, доказывать характер и размер вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением, является одной из приоритетных задач предварительного расследования.

Однако, как показывает статистика, деятельность правоохранительных органов по возмещению причиняемого преступлениями, по-прежнему остается крайне низкой. Право большинства потерпевших на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в современных условиях зачастую не реализуется.

Так, приговором суда от 14.08.2008 № 1-75/08 суд признал ген. директора ЗАО «Транс Аммиак», ООО «УкрАгрХим Пром Холдинг» Б. и зам ген. директора «Транс Аммиак» М. виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. В рамках уголовного дела было установлено, что Б. совместно М. совершили хищение денежных средств в размере 2.777.220.000 руб., что является особо крупным размером. В ходе предварительного расследования наложен арест на денежные средства в сумме 1.230.000 дол. США, обнаруженные и изъятые в ходе обыска в жилище Б., на имущество М., а именно автомобили. Таким образом, ущерб был восстановлен далеко не в полном объеме, в силу недоказанности, что иное имущество добыто преступным путем[1].

Наложение ареста на имущество является мерой процессуального принуждения, суть которой состоит в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться или пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Применение данной меры процессуального принуждения не лишает лицо его конституционного права, предусмотренного ст. 35 Конституции РФ, права на частную собственность, а только значительно его ограничивает. Подобное ограничение прав нередко оспаривается. Однако, как показывает судебная практика, зачастую суд, отказывая в удовлетворении подобных судебных жалоб по существу, придерживается следующей позиции: «ограничения права собственности, равно как и свободы предпринимательской и иной экономической деятельности могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты других конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не

[1] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16.02.2009 № 09 АП/2008.

имеют обратной силы и не затрагивают само существо данных конституционных прав»[1].

Неотложность наложения ареста на имущество является одним из важнейших условий достижения положительного результата данного процессуального действия. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о возбуждении уголовного дела должен решаться, гораздо оперативнее при наличии признаков преступления в неотложной ситуации: при угрозе уничтожения следов, сокрытия подлежащего аресту имущества.

Принцип неотложности должен быть соблюден непосредственно при производстве процессуальных действий. Чем скорее следователь произведет осмотр место происшествия, осуществит иные следственные и процессуальные мероприятия, промедление с которыми может привезти к утрате доказательств, тем эффективнее будет предварительное расследование. Практика свидетельствует, что наибольший эффект может быть достигнут при его наложении сразу после возбуждения уголовного дела или в первые дни после этого: «...специфика уголовного процесса состоит в том, что в неотложных ситуациях (при непосредственной угрозе утраты следов преступления, сокрытия виновных или утраты возможности возмещения ущерба) принуждение должно применяться немедленно»[2].

Часть 5 ст. 165 УПК РФ определяет: «В исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, не терпит отлагательства, указанные следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения». В этом случае следователь в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о производстве следственного действия. К уведомлению прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства, проверяет

---

[1] Постановление Конституционного Суда российской Федерации от 31.01.2011 №1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 УПК РФ и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами ЗАО «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью» Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 74.

законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности.

Таким образом, наложение ареста на имущество, наряду с обыском, выемкой, следует проводить в числе неотложных следственных действий, как можно раньше, непосредственно после возбуждения уголовного дела.

Наряду с неотложностью и своевременностью, есть еще несколько существенных обстоятельств, которые могут повлиять на эффективность наложения ареста на имущество:

- нельзя допускать случаев незаконного и необоснованного направления ходатайств о наложении ареста на имущество в суд. В ст. 446 ГПК РФ закреплено «Имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам»;

- по всем уголовным делам, по которым преступлениями причинен материальный, моральный и физический вред потерпевшему, проводить соответствующую работу с подозреваемыми и обвиняемыми, разъясняя им, что добровольное возмещение ущерба является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

- по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, необходимо устанавливать дееспособность обвиняемых лиц, выяснять, имеется ли у них самостоятельный доход, имущество, на которое может быть наложен арест;

- своевременно устанавливать наличие имущества, ценностей у их законных представителей, на которое может быть наложен арест.

При применении института наложения ареста на имущество, основой которого являются нормы ст. 115, 116 УПК РФ, составляется протокол. От того, насколько полно и грамотно составлен протокол, зависит возможность его использования в процессе доказывания, при решении спорных вопросов гражданско-правового и уголовно-процессуального характера[1].

Одним из средств эффективного применения института наложения ареста на имущество – является привлечение обязательных и в необходимых случаях факультативных участников. Например, использование помощи специалистов для правильной оценки стоимости имущества, подлежащего аресту. Так, при получении данных, а также непосредственно при наложении ареста на земельный участок необходимо участие специалиста (объектом профессиональной деятельности данных специалистов являются земельные ресурсы, используемые в различных отраслях и сферах хозяйства, их распределение по категориям земель, землевладениям и землепользованиям), который

[1] Гришин С.П. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования. Н. Новгород, 1991. С. 39.

по представленным данным о земельном участке сможет определить его границы.

Эффективность мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, зависит от тесного взаимодействия следственного аппарата с оперативными и экспертно-криминалистическими службами.

Анализируя в контексте рассматриваемой проблемы российское процессуальное законодательство, мы приходим к выводу, что на сегодняшний день недостаточно внимания уделено проблеме материального обеспечения прав потерпевшего, в том числе его права получить необходимую денежную компенсацию из финансовых средств государства, оказавшегося неспособным защитить своего гражданина за причиненный преступлением вред.

Однако российским законодателем все же делаются определенные шаги в этом направлении в результате изменений в УК РФ, который был дополнен главой 15.1 «Конфискация имущества» (введена Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ) в статье 104.3 говорится, что при решении вопроса о конфискации имущества в соответствии со статьями 104.1 и 104.2 настоящего Кодекса в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу.

А.А. Кулаков

Проблема установления объективной истины по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

Уголовный процесс советского периода развития России строился на основе принципа объективной (материальной) истины, обязывая органы предварительного расследования, прокурора и суд осуществлять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Его нормативное закрепление, с одной стороны, отражало когнитивную сущность процессуальной деятельности, с другой стороны, препятствовало появлению в советском уголовном судопроизводстве различного рода упрощенных производств, исключающих судебное исследование собранных по делу доказательств. В действующем УПК РФ законоположения о принципе объективной истины отсутствуют, что сделало возможным рассмотрение и разрешение уголовных дел в особом порядке, в том числе, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Досудебное соглашение о сотрудничестве – институт новый для отечественного правосудия, заимствованный российским законодате-

лем из стран англосаксонской правовой системы и представляющий собой разновидность так называемых «сделок о признании вины» (plea bargaining). Соглашение о сотрудничестве применяется, прежде всего, по делам о преступлениях, совершенных в составе организованной группы или преступного сообщества. По его условиям обвиняемый (подозреваемый) обязуется признать вину в совершении инкриминируемого ему деяния и оказать содействие органам следствия в расследовании в обмен на смягчение наказания. Следствием соглашения о сотрудничестве является рассмотрение уголовного дела судом в особом порядке, без проведения полноценного судебного следствия и исследования доказательств.

Следует отметить, что советские авторы, анализировавшие американское законодательство, считали неприемлемым само существование подобных правовых институтов в уголовной юстиции, обосновывая свою точку зрения несоответствием назначения соглашения о сотрудничестве основной цели уголовного судопроизводства – достижению истины. Так, М.С. Строгович, характеризуя в целом практику заключения сделок о признании вины в США, указывал, что «такие порядки совершенно несовместимы с задачей установления истины по уголовным делам»[1]. На утверждение зарубежных коллег о соответствии сложившейся практики принципу формальной истины М.С. Строгович замечал, что «формальная истина – вовсе не является истиной», так как предполагает «соответствие выводов суда об обстоятельствах дела определенным, заранее установленным формальным условиям, независимо от того, правилен ли этот вывод по существу, соответствует ли он тому, что произошло в действительности»[2]. В.А. Ковалев также считал, что «разрешение уголовных дел вне процесса доказывания при помощи сделок о признании исключает законность как фактор установления объективной истины, определения правильной квалификации деяния, вынесения справедливого приговора»[3]. Указанные авторы аргументировали сделанные ими выводы тем, что в основе вынесенного на базе такой сделки обвинительного приговора лежит одно единственное доказательство – признание вины, а сами условия соглашения нередко искажают либо подменяют фактические обстоятельства совершения общественно опасного деяния.

Оценивая способность российского института досудебного соглашения искажать фактические обстоятельства, следует сказать, что данный вопрос в современной науке не получил однозначного разреше-

---

[1] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 34-35.
[2] Там же. С. 37.
[3] Ковалев В.А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-полицейская реальность. М., 1986. С. 173.

ния. По мнению Г. Смирнова, недопустимость создания условий для отхода от объективной истины принималась во внимание разработчиками отечественного аналога американской сделки с правосудием. Поэтому предметом досудебного соглашения о сотрудничестве «может быть только обязательство активно способствовать раскрытию и расследованию преступления посредством дачи правдивых показаний»[1]. Н.А. Колоколов, напротив, исходит из конвенционального понимания правовой природы досудебного соглашения: установленные в нем сторонами обстоятельства и будут считаться истиной по уголовному делу[2]. В.Г. Беспалько отмечает, что особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный гл. 40.1 УПК РФ, является формой рассмотрения уголовных дел, которая на установление истины вообще не ориентирована[3].

На наш взгляд, последняя точка зрения в большей мере соответствует реальному положению дел. Сложно согласиться с мнением, что законодатель не погрешил против объективной истины при внедрении института досудебного соглашения о сотрудничестве, учитывая положения ч. 1 ст. 317.7 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ о том, что в особом порядке суд не проводит исследование и оценку доказательств за исключением обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, а также смягчающих или отягчающих наказание. При этом на практике имеется возможность искажения фактов при описании события преступления и некоторых других обстоятельств, подлежащих доказыванию, отражаемых в тексте досудебного соглашения, поскольку следствием неполноценности судебного разбирательства является отсутствие надлежащего контроля за деятельностью органов предварительного следствия и прокуратуры.

Еще одно положение, свидетельствующее об отступлении законодателя от принципа истины при закреплении института досудебного соглашения о сотрудничестве, касается пределов его обжалования. Статья 389.27 УПК РФ устанавливает невозможность апелляционного обжалования приговора, вынесенного в порядке гл. 40.1 УПК РФ, в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела. Таким образом, даже если в основу обвинительного приговора легло досудебное соглашение, содержащее не соответству-

---

[1] Смирнов Г. «Импортная» состязательность не приживается в российском судопроизводстве. URL: http://blog.pravo.ru.

[2] Колоколов Н.А. Истина и справедливость как базовые ценности уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2012. № 8; СПС «КонсультантПлюс».

[3] Беспалько В.Г. Ветхозаветная концепция истины как гарантии объективного расследования преступлений и современная уголовная политика // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (14.11.2013). В 3-х ч. Ч. 1 (теоретические предпосылки). М., 2013. С. 46.

ющие действительности сведения о фактических обстоятельствах совершения преступления, но подписанное осужденным, принятое решение не может быть отменено вышестоящей инстанцией.

В одном из своих решений Верховный Суд РФ объяснил сложившуюся ситуацию тем, что в данном случае приговор выносится «в связи с согласием осужденного с предъявленным обвинением», и особенности рассмотрения дела с досудебным соглашением о сотрудничестве «не предусматривают ... возможность ставить под сомнение ... фактические обстоятельства обвинения, с которыми осужденный был согласен и выразил свое согласие в ... установленной законом процессуальной форме»[1]. По нашему мнению, позиция высшей судебной инстанции находится в системном противоречии с положениями ч. 2 ст. 77 УПК РФ, определяющей, что признание вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Кроме того, сказанное нивелирует необходимость соблюдения судьями требований о проверке обвинения, с которым согласился обвиняемый, на предмет обоснованности и соответствия собранным по уголовному делу доказательствам (ч. 7 ст. 316 УПК РФ), ведь приговор в этом случае все равно не может быть отменен.

Разработанный Следственным комитетом Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» предполагает появление нового основания для апелляционного обжалования обвинительного приговора, в том числе, вынесенного по уголовному делу с досудебным соглашением о сотрудничестве, – односторонность и неполнота судебного следствия (ст. 389.16.1 УПК РФ)[2]. По смыслу законопроекта приговор по этому основанию может быть пересмотрен в тех случаях, когда в ходе судебного следствия остались невыясненными обстоятельства, которые могли существенно повлиять на установление объективной истины по делу, в частности, не была проведена обязательная судебная экспертиза, допрошены свидетели, изъяты документы и вещественные доказательства и т.д. Представляется очевидной концептуальная несовместимость предлагаемых изменений с особым порядком разрешения уголовного дела просто потому, что судебное следствие при производстве в соответствии с гл. 40.1 УПК РФ как таковое отсутствует.

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 28.02.2013 № 46-013-8 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу: проект федерального закона // СПС «КонсультантПлюс».

Немало сомнений в возможностях исследуемого правового института способствовать установлению истины вызывает и правдивость сообщаемой по условиям сделки информации. Анализ российской судебной практики показывает, что процесс над обвиняемым, заключившим досудебное соглашение, как правило, предшествует процессу над его соучастниками, против которых он дал изобличающие показания, а вынесенный в отношении него обвинительный приговор имеет в их уголовном деле преюдициальное значение. Так, по одному из уголовных дел о контрабанде, осужденный А.В. в надзорной жалобе указал, что суд первой инстанции вынес в отношении него обвинительный приговор, опираясь на показания осужденного А., заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не взирая на наличие у А.В. алиби, подтвержденного показаниями свидетелей и отметками в заграничном паспорте[1]. Данный пример как нельзя кстати иллюстрирует справедливость позиции Европейского суда по правам человека, отметившего в схожей ситуации, что показания осведомителей по своей природе «подвержены различным манипуляциям и могут быть даны исключительно с целью получить льготы, которые предоставляются осведомителям ..., а также из личных неприязненных отношений. Поэтому нельзя недооценивать порой двусмысленный характер таких сведений и опасность того, что лицу может быть предъявлено обвинение или оно может быть арестовано на основании непроверенных заявлений, которые не обязательно бывают беспристрастными»[2].

На наш взгляд, нормативное закрепление принципа объективной истины с неизбежностью приведет к многочисленным противоречиям между положениями Общей и Особенной частей УПК РФ. Любое изменение основополагающих начал уголовного судопроизводства потребует тотального реформирования уголовно-процессуального законодательства. Повышение же верифицируемости института досудебного соглашения о сотрудничестве возможно без столь кардинальных изменений. Представляется, что достижение этой цели возможно путем устранения запрета на апелляционное обжалование в связи с несоответствием приговора фактическим обстоятельствам и изменения последовательности рассмотрения связанных уголовных дел: сначала должно рассматриваться дело в отношении соучастников преступления, отказавшихся сотрудничать со следствием, затем – в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. Первая мера позволит обеспечить более тщательное изучение судьями материалов уголовных дел на стадии подготовки к судебному разбирательству; вторая – ли-

---

[1] Постановление президиума Санкт-Петербургского городского суда от 22.05.2013 № 44у-12/13 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Европейского суда по правам человека от 06.04.2000 «Дело «Лабита (Labita) против Италии» // СПС «КонсультантПлюс».

шить обвинительный приговор, постановленный в отношении осведомителя, преюдициального значения.

Е.А. Курнышева

Правовая коллизия утверждения прокурором обвинительного заключения как проблема истины в уголовном процессе

На современном этапе все чаще поднимаются вопросы реформирования уголовного процесса с целью создания условий для реализации в полном объеме своих прав всеми участниками уголовного судопроизводства. Дискуссионным является и институт обвинительного заключения. При этом в основном дискуссируется положение о том, кто должен составлять обвинительное заключение – следователь или прокурор. В данной же статье нами будет рассмотрен правовой аспект утверждения обвинительного заключения прокурором.

Сложившаяся в российском уголовно-процессуальном законодательстве практика утверждения обвинительного заключения прокурором настолько кажется привычной и правильной, что вопрос о внесении кардинальных изменений в указанный институт возникает крайне редко.

Однако изучение статей УПК РФ, содержащих правовой аспект обвинительного заключения, позволяет выделить определенные проблемы, обусловленные недостатками действующего законодательства.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Процессуальная деятельность органов предварительного следствия по возбужденному уголовному делу по нашему мнению определяется сроком предварительного следствия, так как только в этот период следователь вправе выполнять процессуальные действия и принимать необходимые процессуальные решения. В срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением (ч. 2 ст. 162 УПК РФ).

Признав, что все следственные действия по делу выполнены, а собранных доказательств достаточно для составления обвинительного заключения, следователь принимает соответствующее процессуальное решение, излагаемое после ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела в форме обвинительного заключения. Немедленно после подписания этого документа следователь с согласия руководителя следственного органа направляет уголовное дело с обвинительным заключением прокурору (ч. 6 ст. 220 УПК РФ).

Из этого следует, что обвинительное заключение является последним процессуальным документом предварительного следствия, который составляется следователем и выражает его решение о дальнейшей судьбе уголовного дела.

Вместе с тем, в момент направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, юридической силы этот процессуальный документ не имеет. Подписание его следователем и согласование руководителем следственного органа не придает ему правового статуса, так как по действующему законодательству оно должно быть утверждено прокурором и только с этого момента обвинительное заключение приобретает законную силу.

Таким образом, обвинительное заключение становится полноправным процессуальным документом за пределами предварительного следствия, что с точки зрения закона не допустимо.

Кроме того, утверждение прокурором итогового процессуального документа предварительного следствия как предание ему юридической силы, по сути, является не надзорной функцией, а констатацией окончания предварительного следствия, что, по нашему мнению выходит за рамки установленной законом (ст. 37 УПК РФ) компетенции прокурора.

Считаем, что в данном случае имеется коллизия закона, устранение которой видится в изменении полномочий прокурора по решению, принимаемому им при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением.

Полагаем, чтобы обвинительное заключение приобретало юридическую силу итогового процессуального документа на стадии предварительного следствия, как того требует закон, его утверждение должно быть вменено в компетенцию руководителя следственного органа. А прокурор в данном случае принимает решение о возможности направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд, вынося при этом мотивированное постановление.

В поддержку нашей точки зрения хотелось бы обратить внимание на правовую сущность обвинительного заключения.

Законодатель (п. 25 ст. 5 УПК РФ) признает, что обвинительное заключение – это особая форма процессуального документа, выражающего решение лица, уполномоченного его составлять. Следовательно, на обвинительное заключение как на решение следователя должны распространяться требования главы 16 УПК РФ. Теоретически это допускается и в настоящее время, но практически заинтересованные участники уголовного судопроизводства сделать этого не могут, так как после утверждения обвинительного заключения прокурор вручает его копию с приложениями, установленным ст. 222 УПК РФ лицам и направляет уголовное дело в суд, о чем уведомляет заинтересованных лиц.

Следовательно, законодательно возможности участникам уголовного судопроизводства при возникших сомнениях в законности составления обвинительного заключения разрешить их до суда не дается. Именно этим можно объяснить немалое количество уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ по ходатайству стороны защиты.

Например, по ходатайству защитника подсудимого Л. одним из оснований возвращения уголовного дела прокурору явилось несоответствие обвинительного заключения требованиям ст. 220 УПК РФ, в частности в обвинительном заключении не указана ссылка на доказательства, на которые ссылается Л. в материалах уголовного дела[1].

Другой пример. Выслушав мнение сторон, суд пришел к выводу, что требования п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ при составлении обвинительного заключения не выполнены. Обвинительное заключение содержит существенные противоречия в способе и орудиях совершения убийства. Так, из изложенного в обвинительном заключении обвинения следует, что способом совершения преступления является нанесение обвиняемым Ш. потерпевшему Н. не менее 21 удара кулаками и нанесение им же 4 ударов лопатой по голове. Вместе с тем, согласно предъявленному Ш. обвинению, смерть потерпевшего наступила от ушиба головного мозга, развившегося при открытой черепно-мозговой травме, возникшей в результате не менее чем от 25 ударных травматических воздействий твердых, тупых предметов, имеющих в следообразующих частях ребра и грани. Именно совокупность всех указанных травматических воздействий повлекла за собой последствия в виде смерти потерпевшего[2].

Приведенные примеры на наш взгляд говорят о том, что если бы заинтересованные участники уголовного судопроизводства имели возможность обжаловать обвинительное заключение, то нарушения закона, допущенные при его составлении, могли быть устранены до поступления уголовного дела в суд, а это залог соблюдения основных принципов уголовного судопроизводства.

Право на обжалование обвинительного заключения у участников уголовного судопроизводства может возникнуть только в том случае, если обвинительное заключение будет утверждаться руководителем следственного органа и им же выполняться функция вручения копии обвинительного заключения заинтересованным лицам. При этом и полномочия прокурора по осуществлению надзора за процессуальной

---

[1] Постановление ВС Республики Башкортостан от 30.07.2012 в отношении Р., Л., О. и Г., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ.

[2] Постановление судьи районного суда Республики Марий Эл от 07.03.2012 по делу № 1-38/2012.

деятельностью органов предварительного следствия при направлении уголовного дела с обвинительным заключением в суд расширяются и в полной мере соответствуют реализации положений уголовно-процессуального законодательства (гл. 16 УПК РФ).

Полагаем, что необходимо обратить внимание и на отсутствие законодательных норм, регламентирующих порядок действий прокурора при поступлении к нему уголовного дела с постановлением суда о возвращении ему уголовного дела. Исходя из практики прокурор, поступившее к нему возвращенное судом уголовное дело, направляет его и постановление суда руководителю следственного органа сопроводительным письмом. Это приводит к тому, что в материалах уголовного дела порой имеются два и более обвинительных заключения, имеющих юридическую силу, так как они прокурором утверждены, но не отменены.

Считаем, что при поступлении уголовного дела с постановлением суда в порядке ст. 237 УПК РФ, прокурор должен выносить постановление об отмене своего решения о направлении уголовного дела в суд и о возвращении уголовного дела следователю для производства следственных и иных процессуальных действий. На это в определенной мере указывает и закон (ч. 6.1. ст. 162 УПК РФ).

О том, что прокурор должен иметь право отменять свое решение о направлении уголовного дела в суд путем вынесения постановления говорит и следующий пример: 31.08.2012 следователем было составлено обвинительное заключение и в этот же день уголовное дело с обвинительным заключением направлено прокурору. Обвинительное заключение утверждено прокурором 06.09.2012 г., а 12.09.2012 по данному уголовному делу прокурором принято иное решение и вынесено постановление о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. 18.09.2012 года следователем составлено новое обвинительное заключение, которое, после утверждения прокурором, вместе с уголовным делом направлено в суд. Судом уголовное дело возвращено прокурору в связи с нарушением требований УПК РФ при составлении обвинительного заключения от 18.09.2012, так как до этого прокурором было принято два противоречащих друг другу решения[1].

Подводя итог, представляется, что в современных условиях назрела необходимость реформирования института обвинительного заключения. Уровень законодательного регулирования данного института, с учетом существенного обновления уголовно-процессуального законодательства, не может считаться достаточным и требует корректировки с учетом новой идеологии уголовного судопроизводства, построенной на защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

---

[1] Постановление районного суда г. Пензы от 21.11.2012 по делу № 1-339/2012.

А.М. Кустов

К истине через понимание сущности противодействия расследованию преступлений

В период подготовки и совершения преступления, а также в ситуации, когда преступникам становится известным факты осуществления правоохранительными органами сбора и проверки материалов по их преступной деятельности, срабатывает физиологический инстинкт самосохранения и самозащиты, т.е. естественная потребность к свободе, а также стремление избежать уголовной ответственности за содеянное.

Изучения материалов уголовных и оперативно-розыскных дел, опрос следователей и осужденных показали, что расследование значительного количества уголовных дел характеризовалось простым или квалифицированным противодействием со стороны, как участников преступного события, так и посторонних к уже совершенному преступлению лиц.

Особо четко просматривается запланированное и хорошо организованное вмешательство в расследование уголовного дела в случаях, когда преступление совершено членами организованной группы, организации или сообщества.

Проблема противодействия расследованию до 90-х гг. XX в. лишь отчасти привлекала внимание ученых-криминалистов и специалистов в области теории оперативно-розыскной деятельности. И только в начале последнего десятилетия данная проблема приобрела особенную научную актуальность, остроту и практическую значимость.

В большинстве своем это связано с закономерностью объединения организованных преступных групп в криминальные сообщества и роста в связи с этим количества соответствующих преступлений (на 20-22%), а также с процессами коррумпированности служащих государственно-властных структур и работников правоохранительных органов.

Если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступления, то теперь это понятие значительно расширилось по существу и по содержанию.

Анализ следственной и судебной практики показал разнообразные приемы, методы и формы заинтересованного вмешательства в ход следствия со стороны преступников и иных лиц, а также позволила сформулировать некоторые выводы и положения:

1. Формы, приемы и методы противодействия, как правило, реализуются после выявления правоохранительными органами какого-либо эпизода преступной деятельности или всего преступления

Практика вскрыла и причастность к реализации противодействия расследованию коррумпированными должностными лицами различных государственных учреждений и правоохранительных органов.

Наличие факта противодействия со стороны вышеуказанных лиц и сотрудников правоохранительных органов, безусловно, влияет на уровень латентности преступности в нашей стране в сторону количественного его увеличения.

2. Сегодня противодействие расследованию можно рассматривать как умышленную деятельность лиц с целью воспрепятствования решению задач расследования, т.е. установлению истины по уголовному делу, обеспечению и защите прав и свобод участвующих в судопроизводстве граждан.

Среди признаков, говорящих о начале противодействия расследованию со стороны членов преступных формирований можно назвать такие как: а) резкое снижение преступной активности членов отдельных преступных групп (сообществ); б) включение в действие механизма противодействия расследованию, куда входят такие мероприятия, как: введение в действие денежного фонда «общака» или «кассы» преступной группировки; подключение к противодействию коррумпированных связей (должностных лиц, общественных и политических деятелей, депутатов различных дум и т.д.); осуществление членами преступной группы действий по сопротивлению правоохранительной системе (убийства, подкуп, хищения близких) и т.д.; в) преследование или месть в отношении законопослушных граждан, оказавших помощь в раскрытии и расследовании преступлений; г) негативные публикации по поводу расследования какого-то уголовного дела в средствах массовой информации или в отношении лиц, осуществляющих данное расследование; д) организация побегов членов преступных групп, совершивших ранее преступления, из-под стражи при конвоировании, из следственного изолятора или, непосредственно, из зала суда; е) организация массовых беспорядков в местах временного содержания или отбывания наказания соответствующих лиц; ж) преследование по службе следователя или членов семьи по месту их работы; з) физическая мести (вплоть до «заказных» убийств) в отношении людей, содействующих правоохранительным органам в выявлении, раскрытии и расследовании преступной деятельности определенных лиц или целых групп и т.д.

Сегодня криминалитет, объединившись в преступные группы, сообщества или формирования, привлекает ранее судимых лиц: во-первых, к обеспечению своей безопасности; во-вторых, для совершения «заказных» преступлений в отношении «ненужных» свидетелей, потерпевших или работников правоохранительных органов, ведущих расследование преступлений; в-третьих, для иных репрессивных, охранных и разведывательных функций.

На начальных стадиях своего развития преступные группы или сообщества, как правило, устанавливают связь с коррумпированными должностными лицами различного уровня, что бы в экстренных или критических случаях они играли роль дополнительных гарантий безопасности и средств уклонения от возможной уголовной ответственности.

Преступные группировки в свою структуру включают отдельную группу лиц, которая должна осуществлять наблюдение за деятельностью правоохранительных органов, в связи с чем, делающей преступную группу менее уязвимой для этих органов, более мобильной в получении необходимой информации и организации сопротивления разоблачению и т.д.

Данные группировки также имеют в своей структуре группу, обеспечивающую безопасность ее преступной деятельности, которая вырабатывает и реализует средства и методы противодействия деятельности контролирующих и ревизионных государственных, а также правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных или совершаемых членами данного сообщества (формирования).

К таким средствам и методам относятся: использование покровительственных отношений влиятельных или коррумпированных должностных лиц; дача взяток или «подарков» (следственная практика выявила случаи взяток постоянного, ежемесячного характера); выполнение определенных услуг для этих лиц (например, предоставление услуг проституток); использование преступной организацией своей легальной, законной деятельности и т.д.

Такие группировки обеспечиваются современной техникой, транспортными средствами, автоматическим оружием иностранного производства, средствами связи с большим радиусом действия, аппаратурой, предназначенной для подслушивания, видеозаписи и слежения, и т.д.

3. Можно говорить о наличии совокупной деятельности преступного сообщества (преступной организации), в рамках которой каждый ее член или группа, а также лица, привлекаемые «со стороны», выполняют определенные функции или роли.

Такая совокупность деятельности носит разноплановый характер и может включать в себя не только преступную, но и иную противоправную организованную деятельность. На наш взгляд, ее можно обозначить как деятельность по противодействию расследованию. Цели противодействия расследованию могут быть:

а) общие цели – это оставление в тайне для правоохранительных органов обстоятельств совершения одного или нескольких преступлений; сокрытие источников криминалистически значимой информации о самом преступном событии и его участниках; дезорганизация право-

охранительной деятельности; воспрепятствование раскрытию преступления и осуществлению правосудия;

б) промежуточные или частные цели. Данные цели, как правило, взаимосвязаны и предопределяют выбор способов и средств противодействия. В этом немаловажную роль играет мотив действий субъектов противодействия.

Преступники, оставшиеся на свободе и находящиеся на грани разоблачения, организуют наблюдение за деятельностью правоохранительных органов, а так же осуществляют нелегальные, т.е. незаконные «допросы» свидетелей или потерпевших с целью установить, что уже известно органам, ведущим расследование. Полученные сведения анализируются и используются в дальнейшем для сокрытия последствий преступления, для определения линии поведения лиц на следствии и в суде, а также для подбора приемов воздействия на «заговорившего» соучастника, потерпевшего, «чрезмерно любопытного» следователя или на судью.

В своих работах М.В. Щеголевой, к объективным факторам, детерминирующим противодействие расследованию, относит место, обстановку, условия, время совершения преступления, а к субъективным – цель, мотивы соответствующих действий, свойства личности (т.е. субъекта противодействия) и др.

4. На возникновение и развитие деятельности по противодействию расследования воздействуют факторы:

а) субъективного характера – обстановка психической аффектации людей; движение больших масс людей в ходе возникновения и уничтожения следов преступления и вещественных доказательств; создание средствами массовой информации ложного общественного мнения в отношении содержания уголовного дела или лиц, осуществляющих его расследование; психологическое «давление» коррумпированных должностных лиц; конспиративность деятельности членов преступных групп; реализация ими принципа взаимовыручки и т.п.

б) объективного характера – убийство «важного» свидетеля; уничтожение протоколов, вещественных доказательств или всего уголовного дела; побег из-под стражи обвиняемого; недостаток сил и средств в распоряжении правоохранительных органов, осуществляющих расследование; слабая правовая подготовка их сотрудников и т.п.

Деятельность по противодействию расследования, в широком смысле, представляет собой совокупность умышленных действий, направленных на воспрепятствование противоположных действий, т.е. воспрепятствование деятельности правоохранительных органов, имеющей цель защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, достижение объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия.

Подобная деятельность может быть выражена в действиях различных лиц, направленных на изменение состояния объекта или искажение информации о нем.

Совершено, правы авторы, которые утверждают, что в связи с выявлением преступления, деятельность по противодействию его расследования обязательно сопряжена с совокупностью действий по искажению объективной действительности, т.е. умышленным созданием видимости другого, в том числе и некриминального события.

По мнению Р.С. Белкина, осуществляемое противодействие может быть направленным: на процесс расследования, решение его задач, условия его производства; на лицо, производящее расследование, – следователя, работника органа дознания; на носители доказательственной информации – свидетелей, потерпевших, а также не связанных с ними лиц – друзей, товарищей по работе, родственников и т.п.

Исходя из сказанного, можно определить, что противодействие расследованию – это система противоправных действий, детерминированных объективными и субъективными факторами, направленными на дезорганизацию работы по раскрытию и расследованию совершенного преступления, воспрепятствованию защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, воспрепятствованию достижению объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия. Деятельность по противодействию расследования осуществляется различными лицами, которые заинтересованы в уклонении от юридической ответственности виновным.

Противодействие расследованию нами рассматривается, с одной стороны, как активная противоправная деятельность, с другой – как социально опасное явление. Оно может выражаться:

а) во-первых, как система активных действий различных лиц, связанных с событием преступления, препятствующих следователю или судье в защите или восстановлении нарушенных прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в достижении объективной истины по уголовному делу и осуществлению правосудия;

б) во-вторых, как целенаправленное пассивное поведение лиц, являющихся носителями криминалистически значимой информации о событии преступления и его участниках, препятствующее осуществлению расследования и правосудия;

в) в-третьих, как система действий иных лиц, направленная не только на воспрепятствование достижению объективной истины по одному или нескольким уголовным делам, но и на воспрепятствование осуществление правосудия и защиты нарушенных прав и законных интересов граждан;

г) в-четвертых, как система действий лиц, не являющихся прямыми участниками преступного события, но в силу определенных обстоя-

тельств заинтересованных в дезорганизации расследования и отрицательном исходе и т.д.

Понимание субъектов, приемов и способов противодействия позволят ученым и практикам выработать приемы и средства его преодоления и достижения истины по делу.

Ю.Е. Левеев

Нравственные и правовые положения истины в российском уголовно-процессуальном праве

На современном этапе развития и преобразования науки уголовно-процессуального права, совершенствования законодательства и практики его применения трудно обозначить проблему, которая обладала бы такой притягательностью и значимостью как проблема истины.

Истина изначально являлась доминирующей в теории познания, а также олицетворяла собой цель и результат доказывания по уголовным делам, удостоверяя, что событие преступления познаваемо, и даже самые неочевидные его обстоятельства могут быть удостоверены и подтверждены в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Учитывая острую дискуссионность и практическую значимость вопроса о необходимости и целесообразности реставрации истины или, наоборот, о бесполезности этой категории для теории и практики уголовного процесса, следует исходить в его решении не только из правовых, но и нравственных обоснований.

Вопросы объективной истины в уголовном судопроизводстве наиболее остро обозначились в процессе разработки, принятия и действия Судебных Уставов 1864 г.

В.К. Случевский именовал истину в уголовном судопроизводстве материальной и связывал ее постижение с признанием публичного значения тех процессуальных норм, через которые она раскрывается в отношении события преступления и виновника[1].

И.Я. Фойницкий считал истину важнейшей нравственной и юридической ценностью. «Истина, – писал он, – высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его»[2].

В советское время М.С. Строгович, признавая особую значимость истины в доказывании, рассматривал ее в качестве содержания оценки доказательств[3].

---

[1] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство-судопроизводство. СПб, 1910. С. 49-70.

[2] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. С. 510.

[3] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1968. Т. 1.

В.Н. Махов и М.А. Пешков определяют истину как основу самой концепции уголовного процесса: «Любой фундаментальный пересмотр существующей системы уголовного судопроизводства начинается с определения места истины относительно других целей»[1]; схожей позиции придерживался Л.Д. Кокорев[2].

А.А. Кухта констатирует истину как составляющий компонент законного, обоснованного и справедливого приговора: «Правосудный приговор должен сочетать в себе рациональную истину и этическую правду»[3].

До 2001 г. категория объективной истины в уголовном процессе России была категорией правовой, непререкаемой, возможность ее достижения учеными и практическими работниками открыто не оспаривалась.

В период «победного шествия» истины по пути уголовно-процессуального доказывания, особенно, когда речь шла о досудебной его части, поскольку в суде истина «обрастала» и иными требованиями, предъявляемыми исключительно к приговору, появилась масса, как нам кажется, абсолютно бесполезных трактовок истины – «абсолютная», «относительная», «материальная», «формальная», «юридическая», «процессуальная», «референтная», «объективная», «субъективная» и другие названия.

Объективизация истины как нравственного (субъективного) и содержательного (информационного) понятия в доказывании породили концепцию объективизации и оптимизации доказывания в уголовном судопроизводстве.

«Под объективизацией, по мнению М.Б. Вандер и М.А. Филиппова, понимается деятельность участников предварительного расследования, направленная на установление и закрепление фактических данных с помощью средств, на которые не влияют субъективные факторы»[4].

В данном определении налицо односторонний подход к установлению обстоятельств расследуемого преступления – надежное изобличение виновных. Уголовно-процессуальному доказыванию «не помешало бы» и надежное оправдание невиновных. К тому же никакой самый совершенный механизм не застрахован от поломок, погрешностей. И самое главное – вывод о виновности или невиновности лица в состяза-

---

С. 295.

[1] Махов В.Н., Пешков М.А. Юристы США о целях уголовного процесса США // Право и политика. 2001. № 5. С. 68.

[2] Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 269.

[3] Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Н.-Новгород, 2010. С. 9.

[4] Вандер М.Б., Филиппова М.А. Объективизация и удостоверение в процессе предварительного расследования // Правоведение. 1991. № 2. С. 74.

тельном уголовном процессе формируется на основе совокупности доказательств, и показания самого совершенного прибора, даже, если они будут облачены в уголовно-процессуальную форму, не могут иметь заранее установленной силы и обладать сколько-нибудь допустимым с точки зрения закона преимуществом.

В осмыслении проблемы оптимизации истины в уголовно-процессуальном доказывании следует согласиться с мнением Е.А. Карякина о том, что основу оптимизации доказывания, в том числе и судебного доказывания, составляют задачи повышения качества и эффективности доказательственной деятельности при экономии процессуальных средств, кадровых и временных ресурсов[1].

В производстве у одного следователя и дознавателя находится несколько уголовных дел, поэтому на практике не представляется возможным уделить значительного времени одному, пусть даже самому сложному делу. К тому же процесс доказывания на досудебных стадиях процесса ограничен сроками дознания или предварительного следствия.

С.А. Шейфер утверждает, что попытки изгнать истину из процесса неконструктивны. По мнению ученого, «пусть в неявном виде, но она присутствует в отдельных положения УПК РФ. События прошлого познаваемы, каким бы трудным не был путь этого познания»[2].

Г.А. Печников и А.П. Блинков усматривают изъяны в определении и установлении истины в самом ярко выраженном состязательном процессе, в котором, по их мнению, «происходит «подмена понятия»: не раскрыть достоверно преступление, а «выиграть» процесс (дело) в состязании сторон; не доказать объективную истину, путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, а юридически формально обосновать, удовлетворить, подтвердить соответствующими доказательствами заранее выставленный тезис, версию процессуальной стороны»[3].

В.В. Сероштан отмечает, что «недоумение и беспокойство вызывает освобождение суда от обязанности защиты публичных интересов и активных поисков истины при рассмотрении обстоятельств дела»[4], в то

---

[1] Карякин Е.А. Проблемы объективизации и оптимизации доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 40.

[2] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 47-48.

[3] Печников Г.А, Блинков А.П. Диалектика – как научный подход в уголовном процессе // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений // мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. (23-24.04.2009). Ч. 1. М., 2009. С. 116.

[4] Сероштан В.В. Принципы судопроизводства // Российский судья. 2006. № 7. С. 15.

время как В.В. Конин считает подобное решение законодателя достаточно обоснованным[1].

Профессор П.А. Лупинская акцентировала внимание на отсутствии у суда обязанности по установлению истины и объясняет такой подход законодателя построением судебного разбирательства на началах состязательности[2].

Следует согласиться с мнением ученого, чей авторитет в мире науки непререкаем. Действительно, суд в состязательном процессе не должен проявлять активность в доказывании, в смысле собирания доказательств. Но совсем другое дело – досудебная стадия, которая никогда не будет «абсолютно» состязательной, поскольку в ходе ее в наиболее полном объеме реализуется уголовное преследование. И, чтобы оно не превратилось в обвинительный уклон, необходимо требование установления обстоятельств преступной деятельности в максимальной точности с теми, что имели место в действительности. А здесь без категории истины не обойтись – проблема в том, в каком виде ее целесообразно реставрировать.

Если полностью исключить даже мысленное представление об истине в доказывании – то получается, что для правильного, объективного установления всех обстоятельств дела достаточно соблюсти процессуальный порядок. Подобный порядок ведения следствия (особенно на досудебных стадиях) критикуется многими учеными, даже теми, кто поддерживает в целом концепцию нового уголовно-процессуального законодательства[3].

Право истины на существование в качестве цели и результата доказывания по уголовным делам официально признано ЕС. В частности, в постановлении ЕС по делу Артико (Artico) против Италии от 13.05.1980 содержится прямое указание о том, что «на государствах-участниках Конвенции лежит обязанность сотрудничать с созданными ими учреждениями в достижении истины»[4].

Российские ученые, чью область научных интересов составляет уголовно-процессуальное доказывание (преимущественно на досудебных стадиях) признают значимость истины в этом процессе, не только как правовой, но и нравственной категории, в частности, А.А. Кухта

---

[1] Конин В.В. Доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины // Российский судья. 2008. № 9. С. 31.

[2] Лупинская П.А. Доказательственное право в УПК РФ // мат-лы Межд. науч.-практич. конф., посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 80.

[3] Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ, теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67-74; Петрова О.П. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 9.

[4] СПС «КонсультантПлюс».

отстаивает тезис о том, что «правосудный приговор должен сочетать в себе рациональную истину и этическую правду»[1].

Истина вполне укладывается и в публичное, и в состязательное начала уголовного процесса. Полномочия следователя, дознавателя и прокурора предоставлены ему законом, который исходит от государства, представляет собой властное государственное предписание, за неисполнение и ненадлежащее неисполнение которого наступает юридическая ответственность, назначаемая и реализуемая также от имени государства.

Результаты изучения уголовных дел свидетельствуют о том, что процессуальная истина, как нравственная и правовая категория, проходит длительный путь установления, подтверждения собранными по делу доказательствами и процессуального закрепления. Она не является абстрактным понятием, «обезличенным» состязательными началами уголовного судопроизводства или ограниченным требованиями, которые предъявляет принцип презумпции невиновности – требование признание недоказанной виновности доказанной невиновностью не означает, что виновность невозможно доказать, а невиновность не нужно доказывать (разумеется, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность).

Проведенный анализ теоретических положений представителей российской науки и данных социологических исследований позволил сформулировать следующие положения: а) абсолютная истина является категорией философской (гносеологической), она представляет собой соответствие знания объективной реальности; б) концепция о приемлемости применения категории истины для целей уголовного судопроизводства, не смотря на нововведения УПК РФ, является господствующей в науке уголовно-процессуального права; в) истина обладает социально-нравственной ценностью и юридической значимостью для уголовно-процессуального доказывания; г) состязательный уголовный процесс должен основываться на концепции относительной судебной истины; д) объективный характер истины в уголовном судопроизводстве подтверждается ее доказанностью, обоснованностью и формализацией (закреплением в процессуальных решениях); е) истина в уголовном судопроизводстве может быть достигнута в процессе доказывания; ж) истина в уголовном судопроизводстве является составляющей требования достоверности доказательств; и) достижение истины может рассматриваться в качестве цели уголовно-процессуального доказывания.

---

[1] Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Н-Новгород, 2010. С. 9.

Из изложенных положений логически вытекает один общий вывод – истина должна быть реабилитирована и реставрирована на законодательном уровне в отечественном уголовном процессе.

Представляется радикальным включение категории истины в качестве элемента достоверности доказательств, для этого предлагаем дополнить УПК РФ статьей 74.1 «Достоверные доказательства» следующего содержания: «Доказательства, соответствующие объективной действительности, обоснованные и подтвержденные иными собранными по делу доказательствами, являются достоверными».

Включение в юридический тезаурус истины (пусть даже опосредованным путем) наполнит уголовный процесс новым содержанием, здравым смыслом, подчеркнет его значимость.

А.С. Лукомская

Исследования ДНК в достижении истины по уголовному делу

Достижение истины по уголовному делу достигается в первую очередь за счет процессуальных средств и процедуры доказывания в уголовном судопроизводстве[1].

Наука сегодня развивается с особой скоростью и предлагает множество возможностей, позволяющих изменить, ускорить и упростить процесс установления истины по уголовному делу.

Ранее вопросы идентификации личности, решались только на основе исследования групповых характеристик эритроцитарных, сывороточных, ферментативных и лейкоцитарных систем крови. Например, в рамках уголовного дела об убийстве матерью новорожденного ребенка, результаты такой экспертизы позволяли лишь исключить конкретную женщину, предполагаемую мать ребенка, и оставляли за собой множество вопросов, которые требовали дополнительных исследований, а следовательно усилий, средств и времени.

Сегодня медицина способна идентифицировать лицо, установить генетическое родство, отождествить лицо практически безошибочно и в оптимальные сроки, не требуя проведения дополнительных проверочных мероприятий и использования иных медицинских ресурсов, что решает ряд существенных вопросов в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Науке известно, что ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) – является носителем наследственной информации, которая содержит ин-

---

[1] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2005.

дивидуальные участки, обладающие признаком неповторимости, подходящие к идентификации и индивидуализации человека.

Профессор П.Л. Иванов, с учетом существующих открытий других ученых[1], проводя исследования в этой области, установил, что молекулярно-генетический идентификационный анализ позволяет исследовать особые участки ДНК, строго специфичные для каждого индивидуума, и получить таким образом уникальный генетический «паспорт» или «удостоверение личности» человека, которое нельзя ни скрыть, ни изменить, ни подделать.[2]

Человек может постареть, измениться внешне, но каждая его клетка, начиная с внутриутробного развития и до самой смерти, будет сохранять свой, присущий только ей, неизменный вид индивидуальных элементов ДНК. Следовательно, участки ДНК могут служить безошибочным средством, позволяющим отличить одного человека от другого, идентифицировать его самого: достаточно иметь для этого любое биологическое выделение (кровь, сперма, пот, эпидермис).

В соответствии с Федеральным законом от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» предусмотрены получение, учет, хранение, использование, передача и уничтожение биологического материала и обработка геномной информации, которые осуществляются добровольно либо обязательно.

Данная деятельность осуществляется с целью предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а также выявления и установления лиц, их совершивших; розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации; установления личности человека, чей труп не опознан иными способами; установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц. В России для этого ведется федеральная база данных геномной информации (далее – ФБДГИ).

При этом законодатель направляет принудительный характер этого мероприятия лишь на лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; на неустановлен-

---

[1] ДНК была открыта Иоганном Фридрихом Мишером (1869 г.). Огромный вклад в исследование этой темы принесли эксперименты О. Эвери, Колина Мак-Леода и Маклин Мак-Карти (1944 г.), Алфреда Херши и Марты Чейз (1952 г.), Френсиса Крика и Джеймса Уотсона (1953 г.), Мориса Уилкинса и Розалинды Франклин и др.

[2] Иванов П.Л. Индивидуализация человека и идентификация личности: молекулярная биология в судебной медицине // Вестник РАН. Т. 73. № 12. 2003. С. 1085-1097.

ные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также на неопознанные трупы, что не решает множества проблем и трудностей в раскрытии и расследовании преступлений.

Очевидно, что в разрезе проблем борьбы с преступностью геномная регистрация населения очень актуальна и значима. В России уже к концу 2007 г. в системе МВД функционировали 28 ДНК-лабораторий, которые в тестовом режиме проводили исследования геномной информации, и несмотря на это, горячие споры об этической стороне практики геномной регистрации в нашем государстве не утихают.

В России у законопроекта нашлись и противники в лице ученых. «Если знать генетический код человека, то при желании можно подобрать ему такую пищу или лекарства, которые просто его уничтожат, – пояснила ведущий научный сотрудник Института высшей нервной деятельности человека, доктор биологических наук И. Ермакова. – Фактически, имея информацию о генетическом коде, представителям той или иной этнической группы можно заблокировать их гены так, что они перестанут рождаться»[1].

Иным образом вопрос о генетической регистрации населения решается в различных государствах мира.

Геномная регистрация – достаточно распространенный в мире способ регистрации. Схожие программы геномной регистрации уже используются в США, Великобритании, Италии, Австрии, Японии, Малайзии, Китае, Сингапуре, Таиланде, Чили, Колумбии, Новой Зеландии, Канаде и некоторых других странах. 76 государств - членов Интерпола создали и пользуются базой данных ДНК…. В базе данных Исландии содержатся генотипы всего населения страны (около 300 тысяч человек)….Для сравнения, самый большой банк данных ДНК в мире – Национальная база Великобритании – учрежден в 1995 г. и содержит 2,7 млн проб. В нем хранится информация о ДНК не только осужденных, но и подозреваемы[2].

Интересно, что в Великобритании, где уже несколько лет функционирует национальная база данных ДНК, по статистике только 13% преступлений раскрывается без использования метода ДНК-анализа. 31% преступлений раскрыты с использованием ДНК-анализа, а 60% – с использованием ДНК-анализа и национальной базы данных ДНК[3].

Скотланд-Ярд генетически регистрирует всех освобождающихся из тюрем, а ФБР ставит вопрос о всеобщей генетической регистрации

---

[1] МВД зарегистрирует граждан на генетическом уровне. URL: http://www.kommersant.ru.

[2] Юршина М. На месте происшествия всегда остаются биологические следы // Газета. 2007. 21 декабря.

[3] Что остановило ДНК-экспертизу в России? URL: http://radosvet.net/news.

населения США. В отношении военных и государственных служащих такая работа уже проводится. В память американских компьютеров, действующих на лазерных дисках и обслуживающих органы полиции, заложены электрофореграммы, позволяющие безошибочно отождествить личность по генетическим признакам[1].

Интересным в этом смысле представляется проводимый в США в 1992 г. проект по оправданию невинно осужденных[2]. Большое количество дел, по которым осужденные давно отбывают наказание (в некоторых случаях – уже более двух десятков лет), пересмотрены после проведения по этим делам экспертиз с использованием методов ДНК-анализа. В то время, когда шло расследование этих дел, ДНК-анализ не проводился. Однако сейчас, когда есть возможность использовать данную технологию, из пыли архивов вместе с папками уголовных дел извлекаются и вещественные доказательства. Результаты новых расследований оказываются порой совершенно иными, чем первоначальные данные, и люди подлежат реабилитации. Статистика таких пересмотров впечатляет – сообщается уже о более чем 200 таких случаях[3].

Национальная база генетических данных Франции создана в 1998 г. Изначально в базу вносилась только информация о лицах, осужденных за преступления на сексуальной почве. С ноября 2001 г. действие закона о сборе генетических данных расширено на другие преступления, в том числе, на акты терроризма и варварства. За отказ от сдачи анализов полагается наказание в виде двух лет тюрьмы и штраф в размере 20000 евро. В базе содержится информация о примерно 400 тыс. человек.

В Канаде национальный банк данных ДНК создан в мае 2000 г., хотя еще с 1995 г. по решению суда полиция могла брать образцы ДНК у подозреваемых. Сейчас в базе содержится 137 тыс. образцов. В основном в банк попадают анализы осужденных за насильственные действия, при этом законодательно разрешено хранить ДНК воров и хулиганов[4].

Сегодня необходимо признать, что методы исследования ДНК имеют целый ряд очевидных преимуществ, к которым можно отнести и высокую информативность; наглядность; более легкую документированность, что позволит сохранить первичные материалы и представить их в суд. Кроме этого, высокую достоверность данных, ценность

---

[1] Отождествление человека по генетическим признакам. URL: http://www.lawtoday.ru.

[2] DeLone M. The innocence project - an update // 18th International Symposium on human identification. October 1-4 2007. Hollywood, California.

[3] Там же.

[4] Лексаков А. МВД зарегистрирует граждан на клеточном уровне. URL: http://www.kommersant.ru.

экспертного заключения как судебного доказательства, стандартность выполнения процедуры и минимизация риска ошибок экспертов.

Так, генетическая регистрация всех граждан в государстве позволит максимально скоро решать вопрос об идентификации неопознанных трупов, личности при исследовании изъятых с места происшествия биологических следов, раскрыть преступления прошлых лет, по которым были изъяты такие следы, о генетическом родстве и, в конечном счете, сократить затраченные ресурсы и получить объективную истину о происшествии, по которому ведется расследование.

Е.А. Лушин

Криминалистическая идентификация как средство установление истины в уголовном судопроизводстве

Особое значение в процессе доказывания по уголовным делам имеет криминалистическая идентификация. Процесс раскрытия и расследования преступления невозможен без действий и процессов, в основе которых лежат идентификационные исследования различных объектов.

Криминалистическая идентификация – одна из частных криминалистических теорий, нашедших широкое практическое применение в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Это «метод познания – теоретическая концепция, включающая учение об общих принципах и приемах отождествления материальных объектов как способа установления истины по уголовному, гражданскому, административному, арбитражному делу»[1]. Задачи и методы идентификации находятся в тесной связи с задачами и методами уголовно-процессуального доказывания.

Практическое значение идентификации обусловлено тем, что она является научно обоснованным методом исследования причинности и установления неизвестных объектов по их следам в обстановке расследуемого события. С криминалистической точки зрения процесс доказывания причастности лица к преступлению, по сути, является процессом его идентификации, в котором используются следы, возникшие при совершении преступления. И для завершения следствия по делу, кроме прочего необходимо установить совокупность идентификационных признаков, свидетельствующих о преступных действиях подозреваемого лица.

К сожалению, в настоящее время многими учеными криминалистами и практическими работниками процессуальные формы криминали-

---

[1] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М., 2000. С. 85.

стической идентификации связываются в основном с судебной экспертизой и предъявлением для опознания[1].

Тем не менее, можно утверждать, что в процессе расследования нередки случаи, когда обстоятельства совершенного преступления, характер исходных данных, имеющиеся следственные ситуации, специфические особенности объектов, связанных с расследуемым событием, а также процессуальная и тактическая целесообразность не позволяют использовать традиционные процессуальные формы, специально предусмотренные для решения идентификационных задач. Например, когда опознаваемый объект обладает специфическим набором свойств и невозможно подобрать сходные объекты а, соответственно, нельзя провести опознание данного объекта в соответствии со ст. 193 УПК РФ. Или когда встает необходимость опознания участка местности или здания.

Кроме того, для решения идентификационной задачи не всегда целесообразно проведение экспертных исследований. Иногда тождество объектов может быть установлено и без использования специальных знаний. Например, когда необходимо установить принадлежность отдельных частей объекта целому (разорванный лист бумаги) и совпадающие признаки выражены четко и однозначно (линии разделения полностью совпадают).

В подобных ситуациях, на наш взгляд, есть возможность использования иных не менее эффективных процессуальных средств, позволяющих идентифицировать объекты.

Вследствие этого, необходимо более широко использовать теоретические положения теории идентификации. Поскольку их можно распространить не только на процедуру проведения судебных экспертиз или опознания, но и на процесс проведения иных следственных действий. Например, идентификационные задачи могут решаться и при производстве допроса, очной ставки, осмотра, освидетельствования, проверки показаний на месте, задержания подозреваемого и др.

Учение о криминалистической идентификации, может и должно иметь более широкое применение в следственной деятельности. Этому, по-видимому, препятствует невысокий уровень владения лицами, осуществляющими расследование, уголовно-процессуальной технологией формирования доказательств, что может быть обусловлено, например, отсутствием у них системных научных знаний о криминалистической идентификации и о возможностях ее использования в доказывании. Кроме того, и в криминалистической науке необходимо в рамках тактики проведения отдельных следственных действий больше внимания обращать на разработку тактических рекомендаций, обеспечивающих

---

[1] Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. С.89., Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2010. С. 33.

наиболее широкое, полное и правильное использование положений криминалистической идентификации в целях получения доказательственной информации.

Безусловно, речь не идет о равноценности и взаимозаменяемости следственных действий при получении доказательства тождества объектов. При решении идентификационных задач возможности каждого следственного действия определяются не только правовыми основаниями к их производству и тактико-криминалистическими средствами и методами, обеспечивающими его эффективность, но и специфическими признаками и свойствами самих объектов идентификации. В частности необходимо помнить, что «а) объекты криминалистической идентификации индивидуально определены и обладают устойчивым внешним строением; б) криминалистическая идентификация осуществляется по отображениям устойчивых свойств идентифицируемых объектов…»[1].

Криминалистическая идентификация не универсальный, способный все заменить метод расследования. Понятно, что он имеет определенные ограничения, но не использование данного инструмента при расследовании в полную силу приводит в ряде случаев к неоправданной потере сил, времени, материальных средств, а иногда и к утрате доказательств.

Т.А. Матвеева

Становление института разумности процессуальных сроков как средства обеспечения истины в уголовном судопроизводстве

Вопрос об истине в уголовном процессе, в большей степени является философским, чем юридическим. В период действия УПК РСФСР 1960 г. целью уголовного судопроизводства было познание объективной истины, достигаемой субъектом познания, который проявлял активность в собирании (приискании) доказательств и их всестороннем исследовании, ограниченном разумными сроками. Таким образом, установление объективной истины невозможно без разумной активности и разумных сроков.

В настоящее время существует великое множество различных мнений и подходов к определению понятия, содержания, классификации, а также систематизации принципов уголовного судопроизводства. Многие ученые занимались проблемами реализации того или иного принципа на практике. Глава 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» посвящена их правовой регламентации. Указанная глава начинается ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», в которой законодатель пе-

[1] Аверьянова Т.В. и др. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. С. 85.

речисляет правозащитные, гуманистические цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности[1]. Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения: включена новая ст. 6.1, в ч. 1 которой законодатель установил требования о соблюдении разумного срока. Однако институт «разумного срока» не нов для отечественного законодательства.

Первые упоминания о «быстроте процесса» были еще в Судебнике 1497 г., в ст. 32 которого на лицо, виновное в затягивании судопроизводства, возлагалась обязанность возмещения убытков[2]. Кроме того, согласно ст. 26 Судебника разбирательство дела могло быть отложено по инициативе одной из сторон только при условии внесения ею соответствующей платы. Названные меры в определенной степени гарантировали рассмотрение дела в установленные сроки и стимулировали стороны их соблюдать.

Принятие в 1649 г. Соборного Уложения в некоторой степени помогло решить проблемы с регламентацией процессуальных сроков. Статья 24 главы X Уложения «требовала» от суда рассматривать поступающие дела в скорейшем времени. Плата за отложение слушания дела по Уложению 1649 г. не взималась, а ответчик нес ответственность только после троекратного неисполнения обязанности явиться в суд.

В период правления Петра I реформированию подверглось все законодательство, в том числе и уголовно-процессуальное. Были приняты меры, которые существенно сокращали период рассмотрения дел. Глава V первой части Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. предусматривала условия и порядок проведения заочного судебного разбирательства[3]. По словам Т.Ю. Амплеевой, «процессуальное право петровского периода полностью соответствовало основной задаче судебных органов абсолютистского государства – быстро и решительно пресекать всякие попытки нарушения установленного порядка», поэтому, «реформируя судебную систему и совершенствуя процессуальное законодательство, император стремился ликвидировать судебную волокиту, обеспечить законность и справедливость судебных решений, устранить из судопроизводства все, что мешало отправлению правосудия»[4]. Однако стоит отметить, что уголовное судопроизводство петровского периода защищало интересы правящей администрации, а не простого населения. Обвиняемые

---

[1] Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. 2012. № 8. С.44.

[2] Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М., 2002. С. 39.

[3] Волынец К.В. Исторические предпосылки появления положения о разумном сроке уголовного судопроизводства в Российском праве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3. С. 20.

[4] Амплеева Т.Ю. История уголовного судопроизводства России (XI-XIX вв.): дис. … докт. юрид. наук. М., 2009. С. 285, 307.

не имели права на защиту, содержание их под арестом не ограничивалось никакими временными рамками.

Последователи Петра I не пытались реформировать законодательство в рамках, касающихся процессуальных сроков и ускорения судебного процесса. Императрица Анна Иоанновна и правительница Анна Леопольдовна в своих указах предписывали Сенату следить за сроками рассмотрения дел, однако судебные дела без всяких на то причин годами лежали на полках и оставались без рассмотрения, а права участников процесса никоим образом не защищались. Все изменилось с приходом к власти Екатерины II, которая учредила в 1763 г. при Сенате специальную комиссию, следившую за соблюдением сроков предварительного заключения и за применением пыток. 10.02.1763 вышел именной указ Екатерины II «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству». В п 1. Указа императрица велела: «Всех поиманных воров и разбойников в тюрьмах и острогах под караулом более месяца не держать, и для того об оных и дела решить непременно, считая от дня приводу таковых в судебное место в месяц… и дело обо всех решить, как выше упомянуто, в месяц, включая тот же месячный срок и пытки, есть ли б по делу оныя произвесть надлежало в силе законов … и не отлагая отнюдь далее того времени, хотя б оговорные и не сысканы были»[1].

Следующие изменения законодательства о сроках относятся к эпохе правления Александра I и касаются апелляционного производства: отныне императорским указом предусматривались меры ответственности за несправедливые и безосновательные переносы уголовных дел. Но все же главная причина затягивания судебного разбирательства – рассмотрение дела месяцами, а то и годами – таилась вовсе не в поведении самих обвиняемых или в низком уровне профессиональной подготовки чиновников. Необходимо было менять систему судопроизводства, которую отличало наличие многочисленных судебных инстанций.

По мнению В.К. Случевского, идея о судебном преобразовании возникла в период царствования Императора Николая I и берет свое начало с резолюции от 10.11.1848 по делу об имении и долгах коллежского регистратора Ивана Батышева. По мнению Николая I, изложение причин медленности непомерной, с которой производилось это известное дело, ясно высвечивает все недостатки российского судопроизводства[2]. В 1864 г. император Николай I издал Указ Правительствующему Сенату, который утвердил Учреждение судебных уставлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства. При этом в Уставе уголовного судопроизводства отсутствовали упоминания о предельном сроке

---

[1] Законодательство Екатерины II. В 2 Т. 2 / отв. ред. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 2001. С. 884-885.

[2] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – Судопроизводство. СПб., 1913. С. 72.

рассмотрения дела. Положения о предельном сроке отсутствовали в законодательстве вплоть до 1923 г. На наш взгляд, отсутствие закрепления положения о предельном сроке оказало негативное влияние на решение проблем с судебной волокитой и серьезно препятствовало установлению истины.

Совершенствование законодательства в части обеспечения быстроты и объективности судебного следствия продолжилось и в советский период. В частности, УПК РСФСР 1923 г. внес некоторые коррективы в перечень положений, гарантирующих явку подсудимого в суд: от каждого лица, привлеченного в качестве обвиняемого, следователь должен был брать подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего места жительства (ст. 143 УПК РСФСР). А в случае неявки подсудимого без уважительных причин по делам, где явка является обязательной, кроме случаев, указанных в п. 1 и 2 ст. 265, а также по делам, где суд признал явку необходимой, суд согласно ст. 267 УПК РСФСР откладывал дело слушанием и возлагал на подсудимого судебные издержки по отложенному заседанию[1]. Статья 110 УПК РСФСР закрепляла обязанность следователя, получившего сведения или материалы о совершившемся на его участке преступлении, требующем предварительного следствия, немедленно приступить к производству следствия[2].

УПК РСФСР 1960 г. закрепил быстроту судебного процесса в качестве одной из задач уголовного судопроизводства (ст. 2), а также закрепил за потерпевшим, специалистом и переводчиком право не только на возмещение понесенных ими расходов по явке, но и на вознаграждение за отвлечение их от обычных занятий.

К моменту вступления в силу новой Конституции РФ было очевидно, что УПК РСФСР 1960 г. устарел. Поэтому еще до вступления в силу Конституции 1993 г. началась работа по подготовке проекта нового УПК РФ. В то же время практика поставила перед законодательством ряд важных процессуальных проблем, которые нужно было решать незамедлительно. Процесс становления уголовно-процессуального законодательства шли одновременно в различных направлениях:

- во-первых, осуществлялась работа по подготовке проекта УПК РФ;
- во-вторых, разрабатывались и принимались комплексные нормативные акты (законы о прокуратуре, о милиции, об оперативно-розыскной деятельности и др.), в которых решались отдельные процессуальные вопросы;
- в-третьих, в 1991-2001 гг. интенсивно обновлялся УПК РСФСР 1960 г.

---

[1] Волынец К.В. Указ. соч. С. 20.

[2] Шишкина М.Н. Оптимизация правовых средств осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 6 (76). С. 52-55.

УПК РФ 2001 г. не содержит положения, согласно которому назначением уголовного судопроизводства является оперативное и полное раскрытие преступления и установление объективной истины по делу. Но законодательное закрепление положения о «разумности сроков» вернулось в уголовно-процессуально законодательство в 2010 г. по рекомендации Европейского Суда по правам человека. Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» в УПК РФ была введена ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства». Однако закрепление данного принципа было воспринято неоднозначно. По мнению К.В. Волынец, это «вынужденная мера российского законодателя, которая была принята для исполнения международных обязательств Российской Федерации: Европейской Концепции о защите прав человека и основных свобод, предусматривающей право каждого на судебное разбирательство в разумные сроки (ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 6)»[1]. М.Н. Шишкина считает, что включение принципа разумности сроков уголовного судопроизводства в систему принципов уголовного процесса является мощным стимулом для оптимизации уголовно-процессуальных средств осуществления правосудия. Однако, по нашему мнению, проблема установления разумных сроков в уголовном судопроизводстве должна решаться в комплексе с проблемой истины как цели уголовного процесса.

Таким образом, проблема обеспечения оперативности рассмотрения уголовных дел имеет длинную историю своего развития и связана напрямую с вопросом объективности, т.е установления истины. Если сначала стремление обеспечить быстроту судебного рассмотрения дел было направлено преимущественно на поддержание авторитета власти, то в последующем она стала рассматриваться как средство обеспечения защиты прав и законных интересов личности. Но и в настоящее время существует ряд проблем, связанных с реализацией принципа разумности процессуальных сроков как одного из средств обеспечения истины в уголовного судопроизводстве, которые будут подталкивать законодателя на дальнейшее изменение уголовно-процессуального закона.

А.О. Машовец

Истина в уголовном процессе и средства ее достижения

В отечественной науке продолжаются споры, касающиеся основ теории доказательств, что свидетельствует о том, что правовое разви-

[1] Цит.: Аширбекова М.Т. О разумном сроке уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2. С. 81.

тие страны находится на переломном этапе. От ответов на ключевые мировоззренческие вопросы зависит правовая модель будущего уголовного процесса.

Одним из таких вопросов, имеющих методологическое значение, является вопрос об истине в уголовном процессе. В последнее время именно по поводу него с новой силой ведутся споры. Причиной и основным предметом их, как известно, стала инициатива Следственного комитета Российской Федерации[1].

Дело, на наш взгляд, не в природе истины, как таковой, а в определенной процессуальной технологии ее установления. Юридическое познание как деятельность можно рассматривать как сложную систему, состоящую из множества элементов и имеющую определённую структуру, что позволяет говорить о технологическом процессе воспроизводства знаний[2].

Сторонники концепта «объективной истины» исходят из того, что доказывание является единой по своей сути познавательной деятельностью судебно-следственных органов, целью которой является установление объективной истины по делу. Сам институт следователя трактуется как элемент уголовной юстиции, т.е. общий с судебной властью. Поэтому отрицается принадлежность следователя к стороне обвинения. Отсюда делаются выводы о единстве доказательственной деятельности, осуществляемой компетентным государственным органом на любой стадии. Второй стереотип связан с априорным допущением того, что формирование уголовно-процессуального доказательства (ст. 85 УПК РФ) может полностью осуществиться в рамках предварительного расследования[3]. Опять же, если доказательства будут собраны, проверены и оценены неким идеальным субъектом доказывания (следователем, дознавателем), который выполняет функцию всестороннего, полного и объективного расследования. Не функцию уголовного преследования, а по сути – судебную функцию. «Специальное назначение и роль следователя заключаются во всестороннем, полном и объектив-

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://www.sledcom.ru.

[2] Боруленков Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения // Юридический мир. 2009. № 12 (156). С. 52-56; Он же. Доказательство как технологический элемент юридического познания // Российский следователь. 2013. № 4. С. 2-6.

[3] Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара, 2010. С. 115; Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2002. С. 7-8.

ном выяснении, исследовании всех обстоятельств уголовного дела, подлежащих установлению и доказыванию, т.е. в расследовании»[1].

На наш взгляд, сторонники подобных взглядов мифологизируют полное, всестороннее и объективное расследование, имеющее результатом формирование таких доказательств, которые суд может использовать для установления оснований приговора, иного окончательного решения по делу. Подобные представления в равной мере далеки и от современных реалий предварительного расследования, в которых находятся участники этой деятельности, и от стандартов справедливого уголовного судопроизводства, которые сформулированы Европейским Судом по правам человека.

Следует критически отнестись к мнению, согласно которому формирование доказательства происходит во время предварительного расследования[2]. Мнение о том, что следователь во время предварительного расследования формирует доказательства (для суда) является верным применительно к следственной системе оценки правильности уголовно-процессуального знания. Не может иметь какого–либо значения для «формирования» доказательства процессуальный акт органа предварительного расследования о приобщении к делу собранного доказательства[3]. Это иллюзия, питающаяся следственными стереотипами вроде «функции предварительного расследования», которую якобы выполняет следователь, «всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования», которое имеет назначением исследование всех обстоятельств дела, как в пользу обвинения, так и в пользу оправдания. Но, как правильно пишет В.А. Лазарева: «Одна из наиболее «вредных» для состязательности идей – отрицание роли следователя как субъекта уголовного преследования. Именно она влечет искаженное представление о понятии, цели и субъектах доказывания, формирует гипертрофированную ценность материалов предварительного расследования для суда, чем фактически тормозит развитие состязательных начал уголовного судопроизводства»[4].

---

[1] Макарова З.В. Специальное назначение и роль следователя в уголовном процессе / Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А.А. Чувилева: сб. статей / отв. за вып. В.В. Кальницкий. Омск, 2011. С. 68.

[2] См., напр.: Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 193; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 9-10; Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 12.

[3] Шейфер С.А. Указ. соч. С. 26.

[4] Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации: сб. статей Межд. науч. конф. «Уголовная юстиция: связь времён» (6-8.10.2010) / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 54.

Институт следственного судьи, который воссоздается в ряде государств, близких нам по правовому развитию, действительно представляет собой процессуально самостоятельный, независимый от прокурора орган, но это орган судебного контроля. Примером тому служат Украина, Казахстан. Но если мы имеем в виду следователя, который раскрывает преступление, изобличает преступника в совершении преступления, то такой участник процесса не может не быть никем, кроме как органом уголовного преследования, и результаты его деятельности не могут не трактоваться как обвинительные доказательства, в состоятельности которых вправе усомниться сторона защиты, и обязан сделать это суд.

В отсутствии реального оппонента в лице защиты и суда, который обеспечил бы режим состязательности при проверке и оценке доказательств, следователь, дознаватель, раскрывая преступление и устанавливая объективную истину, производит для судебной инстанции, полномочной на разрешение дела по существу, готовый факт – в форме следственного протокола или иного процессуального документа. «Доказательства», полученные органом предварительного расследования и зафиксированные в материалах дела, оказывают решающее влияние на формирование внутреннего убеждения судьи. В судебное заседание судья приходит с уже сложившимся мнением, подтверждение которому он ищет и, как правило, находит в судебном процессе. При такой организации расследования суд становится придатком к органу следствия (возможен и другой (более мягкий) вариант: судебно-следственные органы совместно проводят доказывание по уголовному делу).

Догматом отечественной теории доказательств является тезис о необходимости письменной фиксации доказательств в форме протокола; протоколы следственных действий (в которые включают и протоколы допросов) составляют источник большей части доказательственной информации. Протоколирование и иное документирование материалов предварительного расследования, формализм в доказывании предопределяют содержание, структуру судебного доказывания; способ установления судебной истины: в основном через оглашение протоколов следственных действий и иных документов.

Ужесточением требований к письменной форме досудебного доказывания не заполнить пустоту реальной состязательности и разделения властей в сфере уголовного судопроизводства. Односторонний образ деятельности правоохранительных органов, помноженный на формализм, определяет и содержание процессуальной деятельности: она дошла до крайней степени – наш уголовный процесс стал неэффективным. Об этом делается вывод в Концепции комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ, подготовленной Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге для Комитета гражданских инициа-

тив совместно с фондом «ИНДЕМ»[1]. Мы разделяем мнение авторов Концепции по данному вопросу.

Следственная доктрина подразумевает государственную монополию на установление объективной истины, односторонний характер досудебного доказывания органами публичного уголовного преследования. Поэтому в специальных исследованиях подчеркивают публично-правовой характер уголовно–процессуального доказывания, обязанность компетентных государственных органов – субъектов доказывания устанавливать в установленном законом порядке обстоятельства преступления в целях разрешения задач уголовного судопроизводства[2].

Элементы диспозитивности, свободы распоряжения сторонами своими правами, равно как и договорной способ установления фактов по делу признаются только редкими специалистами по уголовному процессу[3]. Мы разделяем позицию о том, что содержание состязательности/диспозитивности в особой мере проявляется в судебном доказывании, главным образом – в распределении прав и обязанностей сторон и суда по доказыванию[4].

Неприятие состязательности связано не столько с привязанностью к научному непредвзятому исследованию объективной реальности, к «объективной» истине, неотвратимости ответственности и другим ценностям, сколько с привычкой к келейному, закрытому режиму принятия решений по общественно значимым делам. По-видимому, встроенное в уголовный процесс «устройство познания» есть производное от общей модели государственного управления: в сфере противодействия преступности государство ведь тоже оказывает услуги обществу. Уголовное судопроизводство – это способ государственного управления обществом и преступностью. «Диспозитив доказывания»[5], т.е. получение, накопление, передача информации, принятие на ее основе решений, в первую очередь зависит от формы организации верховной власти. В теории есть не только информационная, но, в не меньшей степени, идеологическая и политическая составляющие.

В заключение отметим, что значение состязательной процедуры не ограничивается чисто познавательным моментом (который, конечно, является главенствующим). Состязательность имеет важное значение

---

[1] URL: http://www.enforce.spb.ru.

[2] Давлетов А.А. Основы уголовно–процессуального познания. Свердловск, 1991. С. 17.

[3] Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. М., 2012. С. 50-56; Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород, 2009. С. 409-411.

[4] Кухта А.А. Указ. соч. С. 410.

[5] Александров А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2009. С. 473-497.

для легализации и легитимизации полученного судом знания, содержащегося в приговоре. Благодаря состязательному процессу, с присущими ему атрибутами устности, открытости, непосредственности, судебная истина может быть признана обществом (как правда). В правости закона, правосудия и судебного решения должна убеждать справедливая - состязательная процедура уголовного судопроизводства.

Д.А. Мезинов

О характере истины, устанавливаемой при разрешении уголовного дела

Вследствие вынесения на обсуждение Следственным комитетом Российской Федерации[1] проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», на страницах юридической печати развернулась дискуссия по связанным с положениями данного проекта теоретическим вопросам. Так, большое число отечественных ученых-процессуалистов – всего 31 человек - участвовало в данной дискуссии в специальной рубрике журнала «Библиотека криминалиста. Научный журнал»[2]. Высказывая свое мнение по положениям законопроекта, подавляющее большинство участников дискуссии исходит из понимания истины как цели доказывания, а также и результата доказывания, необходимого для разрешения уголовного дела. Разногласия касаются в основном вопроса о том, следует ли считать таковую истину объективной (и закреплять в законе понятие «объективная истина») или иной по характеру, например, юридической, судебной, формальной, презумпционной.

Думается, при ответе на обозначенный вопрос следует избегать крайностей в суждениях и выбрать умеренную позицию, основанную на традициях отечественного уголовного процесса и положениях действующего законодательства. Прежде всего, с позиции здравого смысла стремление суда, а также должностных лиц стороны обвинения к установлению объективной истины по уголовному делу, соответствующее естественному желанию выяснить «как все происходило на самом деле, в действительности», вполне нормально и адекватно как интересам общества и государства, так и правам и интересам личности.

---

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». URL: http://sledcom.ru.

[2] Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5).

Разумеется, не «любыми средствами» следует реализовывать это стремление, а при строгом соблюдении уголовно-процессуальной формы.

Соглашаясь с Л.В. Головко, считающим принцип материальной истины имманентно присущим отечественному уголовному процессу, как сформированному в континентальной правовой системе[1], полагаю оправданным рассмотрение объективной, а точнее материальной, истины в качестве цели, т.е. идеального желаемого образа будущего результата, доказывания в нем. Так, применительно к нашему уголовному процессу (и уголовно-процессуальному праву) можно утверждать, что, несмотря на возможные оговорки, например, высказанные авторами концепции самоограничения государства[2], он изначально все же связан с уголовным правом – служит реализации его норм, обеспечению правильного применения уголовного закона («процесс – форма жизни материального закона»). Правильно применить уголовный закон означает применение его именно к действительно виновному лицу и в мере, соответствующей степени его вины, – в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления в полном и точном соответствии с объективной действительностью, т.е. устанавливать объективную (материальную) истину по уголовному делу. Сформулированные в ст. 6 УПК РФ задачи назначения уголовного судопроизводства также не могут быть надлежащим образом решены без обеспечения такого стремления суда и иных субъектов уголовного процесса (особенно наделенных властными полномочиями).

Между тем, несмотря на приведенные суждения, необходимо оговориться, что, ввиду отсутствия точных критериев достижения судом (иным субъектом доказывания) в уголовном процессе того, что принято называть объективной истиной[3], рассмотрение её в качестве цели доказывания, т.е. идеального желаемого образа его будущего результата, не должно означать необходимость закрепления в законе безуслов-

---

[1] Головко Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 76-84.

[2] Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана прав личности обвиняемого // Актуальные проблемы правовой защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 139-148.

[3] Соответствующие аргументы в обоснование этого мнения приводились в литературе, в том числе, неоднократно автором настоящей статьи, см., например: Мезинов Д.А. О возможности и критериях достижения объективной истины в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 102-103; Он же. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 179-181.

ной обязанности суда и должностных лиц стороны обвинения достигать в своих выводах то, что принято называть таковой истиной. Как верно отмечено А.С. Александровым, следует различать стремление к истине и нормативное предписание об обязанности её достижения[1]. Более правильно рассматривать в качестве обязанности суда (а также должностных лиц стороны обвинения) достижение не объективной истины (о факте достижения которой ввиду отсутствия точных критериев однозначно судить невозможно), а основанных на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений), предельно обоснованных доказательствами, достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения[2]. Иными словами, обязанность стремиться к установлению действительных обстоятельств уголовного дела (т.е. объективной истины) у суда (и должностных лиц стороны обвинения) исходно предполагается, но формальное выражение в законе она должна иметь (главным образом для того, чтобы быть проверяемой) в виде обязанности достигать достоверные выводы об обстоятельствах уголовного дела, достоверно устанавливать эти обстоятельства. Эти реально достигаемые в ходе уголовного процесса достоверные выводы более правильно называть, используя мнение части ещё дореволюционных ученых[3], юридической или судебной истиной. Поскольку такая истина, удачно названная некоторыми отечественными учеными «уголовно-судебной достоверностью»[4] или «практической достоверностью»[5], – должна быть удостоверена допустимыми и исследованными в ходе судебного следствия доказательствами и именно её суд должен представить общественности, изложив в своем приговоре.

Уместно привести здесь замечание В.М. Корнукова о том, что юридическая истина неправомерно противопоставляется объективной истине и используется как синоним формальной. «Этимологически юридическая истина, – пишет он, – означает то, что доказано и признано в установленном правом порядке и нашло отражение в соответствующем

---

[1] Александров А.С. Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3. С. 7.

[2] См. подробно: Мезинов Д.А. Необходимо ли закрепление понятия «объективная истина» в уголовно-процессуальном законе? // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С. 84-91.

[3] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 47; Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 380; Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. СПб., 1914. С. 303.

[4] Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 47; Случевский В. Указ. соч. С. 380.

[5] См., например: Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 41.

процессуальном решении, вступившем в законную силу»[1]. В свою очередь, Н.Г. Стойко верно отмечает: «При этом истина как познавательный ориентир идеальна, как познавательный результат – реальна, а потому в условиях уголовного процесса всегда имеет характер юридически формализованной судебной истины, с более или менее высокой степенью вероятности (вне разумных сомнений) приближенной к действительности»[2].

Противопоставление юридической (судебной) истине, как реально возможному и требуемому результату доказывания, объективной истины, как идеального познавательного ориентира, может привести к неверному выводу о том, что приговор следует основывать не на той картине мира, которая нарисована доказательствами (юридическая или судебная истина), а на той, которая видится, вопреки доказательствам, правильной, «объективно» истинной судье[3]. Такое неправильное понимание на практике может облегчить судейский (а также следственный и прокурорский) произвол и беззаконие, случаи проявления которых, к сожалению, встречаются и без этого. Поэтому подлежащей установлению истиной для суда должно быть то, что усматривается из допустимых и исследованных в ходе судебного следствия доказательств, удостоверяется ими как для самого суда, так и для общественности, т.е. юридическая (судебная) истина в обозначенном выше смысле.

Юридическая (судебная) истина в изложенном понимании совпадает именно с достоверными выводами об устанавливаемых по уголовному делу фактах и её, вопреки мнению части отечественных ученых[4], следует отличать от формальной истины, характерной для средневекового инквизиционного типа процесса, где истиной, разрешающей уголовное дело, провозглашались, по сути, вероятностные предположения о фактах, выдвигаемые по правилам формальной теории доказательств (свобода оценки доказательств по внутреннему убеждению отсутствовала). Обозначенную юридическую (судебную) истину не следует путать и с конвенциальной истиной[5], являющейся в известном смысле

---

[1] Корнуков В.М. Возможен и нужен ли возврат концепции объективной истины в законодательство и практику российского уголовного судопроизводства? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 159.

[2] Стойко Н.Г. Достижение истины в современном следственном и состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 270.

[3] Истина в уголовном процессе // Закон. 2012. № 6. С. 27.

[4] См., например: Смирнов Г.К. Объективная истина как ориентир уголовно-процессуального доказывания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4. С. 250.

[5] Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: дис. … докт. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 272-273; Карякин Е.А. Теоретические и прак-

разновидностью формальной истины, т.е. с возможностью разрешения уголовного дела, основываясь на признании истинными предположений о фактах, выдвигаемых при соблюдении формальных требований закона и наличии определенным образом выраженного согласия сторон, – в современном УПК РФ предусмотрена главами 32.1, 40 и 40.1, статьей 25 и некоторыми другими. Также необходимо отграничение от так называемой «презумпционной» истины, например, от установленной согласно презумпции невиновности, кладущейся в основу разрешения уголовного дела при исчерпании возможностей её опровержения.

Подведем итоги изложенным выше рассуждениям. Рассмотрение объективной (материальной) истины в качестве цели (т.е. идеального желаемого образа будущего результата) доказывания и соответствующее стремление суда и должностных лиц стороны обвинения к её достижению путем принятия всех допустимых законом мер естественны для отечественного уголовного процесса, как исходно развивающегося в рамках континентальной правовой системы. В то же время, ввиду отсутствия точных критериев достижения объективной истины и необходимости строгого соблюдения требований уголовно-процессуальной формы в ходе производства по уголовному делу, результат отмеченного стремления может и должен выступать в форме основанных на внутреннем убеждении (при отсутствии неустранимых разумных сомнений) уполномоченного субъекта доказывания, предельно обоснованных доказательствами, достоверных выводов об обстоятельствах уголовного дела, имеющих значение для его разрешения, которые правильно именовать уголовно-судебной достоверностью или юридической (судебной) истиной. Установление именно такой истины, по общему правилу, входит в обязанности суда при разрешении им уголовного дела, а также должностных лиц стороны обвинения при принятии ими решений, определяющих судьбу уголовного дела. Как исключение из общего правила, УПК РФ позволяет в ряде случаев ограничиться установлением конвенциальной и презумпционной истины.

А.Ю. Мищенко

Принцип национального языка в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и его значение в установлении истины по уголовному делу

В соответствии с Конституцией РФ государственным языком на всей ее территории является русский язык. Республики вправе уста-

---

тические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. М., 2009. С. 21-22.

навливать свои государственные языки (ст. 68). Признавая равноправие всех наций и народностей, населяющих Российскую Федерацию с учетом ее национально-государственного устройства, Конституция установила право каждого гражданина и человека пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения (ч. 2 ст. 26).

Вышеуказанные положения Конституции в рамках уголовно-процессуального законодательства развиваются в ст. 18, которая закрепляет принцип языка уголовного судопроизводства. Согласно данной статье, уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в РФ республик. В Верховном Суде РФ, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке.

Помимо этого, ч. 2 данной статьи, с целью обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, предусматривает, что участникам процесса, не владеющим или недостаточно владеющим языком на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленным уголовно-процессуальным законодательством.

Переводчик обязан переводить показания и заявления всех участников процесса, а также все документы, с которыми должны знакомиться лица, не владеющие языком судопроизводства. Не обеспечение права подсудимого пользоваться переводчиком является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущее отмену приговора, согласно ст. 389 УПК РФ.

Переводчик несет уголовную ответственность за заведомо неправильный перевод (ст. 307 УК РФ). Уголовная ответственность предусмотрена также за подкуп или принуждение переводчика к осуществлению неправильного перевода (ст. 309 УК РФ).

На практике обозначились несколько вопросов реализации принципа языка уголовного судопроизводства, а именно:

- обоснованность отказа от переводчика;
- размытость критериев привлечения переводчика к участию в уголовном судопроизводстве.

Отказ от переводчика зачастую свидетельствует о самонадеянности допрашиваемого, о явно завышенной самооценке своих лингвистических знаний. Даже если подобных трудностей не возникает, возможны случаи, когда отказавшийся от услуг переводчика участник процесса действительно плохо владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Мнения ученых по рассматриваемому вопросу сводятся к обязательному участию переводчика в подобных случаях. Большинство считают, что заявление лица (главным образом иностранца) о желании давать показания без переводчика не является обязательным для лица, ведущего расследование. Иностранец может явно переоценивать свои знания[1].

По мнению Е.П. Гришиной, если у следователя или суда возникает сомнение в достаточном знании обвиняемым, потерпевшим, свидетелем языка производства, они обязаны пригласить переводчика по собственной инициативе[2].

Говоря о второй проблеме, стоит отметить, что на данный момент единых критериев, предъявляемых к переводчику в российской правовой системе, не существует. Критерии, которыми руководствуется правоприменитель при выборе переводчика, размыты и не формализованы.

Большинство авторов приходят к выводу о том, что лицо, которое привлекается к участию в уголовном судопроизводстве в качестве переводчика должно:

1) свободно владеть языком, знание которого необходимо для перевода;

2) быть назначенным в качестве переводчика дознавателем, следователем, судьей или судом;

3) не быть заинтересованным в исходе дела.

В частности, такого мнения придерживается Е.П. Головинская[3].

Таким образом, на всех стадиях судопроизводства (предварительное расследование и рассмотрение дела в суде) принцип конституционного права каждого пользоваться родным языком должен неукоснительно соблюдаться.

При обобщении существующей практики можно сделать вывод, что при производстве по уголовным делам с участием граждан, не владеющих языком уголовного судопроизводства, у дознавателя, следователя и суда возникают трудности с вызовом в уголовный процесс переводчика, процессуальные действия с участием переводчика требуют повышенного внимания к фиксации доказательств по делу. Помимо

---

[1] Александрова О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 45.

[2] Гришина Е.П. Принцип национального языка судопроизводства в правовых позициях Европейского Суда по правам человека и российском законодательстве // Юрист. 2011. № 9. С. 43-46.

[3] Головинская Е.П. Процессуально-правовые основы деятельности переводчика по обеспечению принципа языка уголовного судопроизводства: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 68.

этого, особое внимание стоит уделить вопросам законности, состязательности сторон, охраны прав и свобод личности.

Участие лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства, существенно усложняет процесс установления истины при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Только при условии привлечения переводчика в данном случае возможно полное, объективное и всестороннее исследование всех обстоятельств уголовного дела, установление всех фактов, имеющих юридическое значение для вынесения обоснованного и справедливого решения.

Т.В. Осипова

Достижение объективной истины на стадии возбуждения уголовного дела

Гарантом объективной истины при расследовании уголовных дел должно выступать справедливое уголовное судопроизводство.

Выявление обстоятельств конкретного преступления означает восстановление картины произошедшего во всех его существенных деталях, в познании его механизма и установления объективной истины. Что касается истины объективной, то она всегда субъективна, так как такое ее качество, как объективность, определяют субъекты процесса.

Следователь, дознаватель, руководитель следственного отдела, прокурор, судья, иные указанные в законе лица являются субъектами познания в уголовном судопроизводстве[1].

Познание в уголовном судопроизводстве осуществляется в форме, установленной уголовно-процессуальным законом, который регламентирует порядок собирания, проверки, оценки, использования собранных доказательств, круг участников познавательной деятельности, их полномочия.

Наличие оснований, которые определяются в законе как «достаточные данные, указывающие на признаки преступления», в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ, ни что иное, как получение криминалистически значимой информации, которая свидетельствует о совершении преступления. Однако чаще всего получение такой информации невозможно без применения специальных познаний.

Первоначальная редакция УПК РФ не содержала ничего существенного в положении о специалисте, а также, и об использовании специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела. Однако Федеральным законом от 4.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Фе-

---

[1] См. подробнее: Печников Г.А. Диалектическая проблема истины в уголовном процессе: дис. … докт. юрид. наук. Волгоград, 2005.

дерации» в УПК РФ был введен новый вид доказательств – заключение и показания специалиста, что, является положительным моментом.

Следы, предметы, объекты, обнаруженные и изымаемые в ходе таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка и др., несут значительный объем информации о событии преступления, механизме и субъекте, его совершившем. Большей частью эта информация имеет латентный (скрытый) характер, которая требует исследования и оценки[1].

Такая информация становится явной после проведения исследования в рамках судебной экспертизы, но производство экспертизы было возможно лишь после возбуждения уголовного дела.

Практическими работниками советского периода неоднократно ставился вопрос о дополнении УПК РФ нормой, которая давала бы возможность назначать и проводить судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела. Так, профессор С.А. Шейфер полагал, что «назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы до возбуждения уголовного дела устранят параллелизм в работе судебных медиков, когда подмена судебно-медицинской экспертизы освидетельствованием причиняет ущерб делу и правам участников процесса»[2].

Трудно не согласиться с данным высказыванием. На практике процесс раскрытия и расследования преступлений наиболее успешен, когда первоначальную информацию следователь (дознаватель) получает в ходе проведения неотложных следственных действий, проводимых до возбуждения уголовного дела. Далее, такая информации, как исходная используется для построения и проверки следственных версий.

Необходимость начала предварительного расследования во многом зависит от того насколько достоверной и объективной информацией об обстоятельствах совершенного преступления, располагает следователь (дознаватель). Поэтому использование специальных познаний при исследовании следов преступления имеет значение, именно на предварительной стадии расследования.

Многолетнее наблюдение и высказывание практиков в данном направлении было вознаграждено тем, что Федеральным законом от 9.03.2010 № 19 в ст. 144 УПК РФ были внесены соответствующие изменения, позволяющие при проверке сообщения о преступлении производить исследования различных объектов и предметов с участием

---

[1] Егоров Н.Н. Вещественные доказательства в следственной и экспертной практике. М., 2003.

[2] Дьяконова О.Г. К вопросу о возможности производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 9-11.

специалиста. Схожие положения закреплены и в Федеральном законе от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (п. 18 ч. 1 ст. 12, п. 17 ч. 1 ст. 13)[1].

Но многие вопросы по применению специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела, а также по их фиксации и дальнейшему использованию полученных результатов в процессе расследования оставались не разрешенными.

Привлечение специалиста к участию в производстве следственных и иных процессуальных действиях в УПК РФ до сих пор не урегулировано, а именно, в УПК РФ ст. 168, законодатель не предусмотрел вынесение специального постановления для его участия. Также не предусмотрена ответственность за дачу заведомо ложного заключения, которое специалист составляет, и в котором имеются данные, имеющие доказательственное значение для дела.

В результате на практике, объективность заключения специалиста ставится под сомнение, хотя при получении показаний специалиста в ходе производства его допроса, он предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ.

Согласно п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ указано, что заключение специалиста допускается в качестве доказательств. Следовательно, такое заключение, возможно, использовать в качестве доказательства. Формально – да, однако, судебная практика свидетельствует об обратном.

Так, согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служит основанием к отказу в проведении судебной экспертизы.

На основании вышеназванного Постановления Пленума ВС РФ, и требований ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ, можно сделать вывод, что после проведения исследования с целью получения допустимого доказательства необходимо назначать и проводить судебную экспертизу.

Следователь, как процессуально независимое лицо должен принять решение, изучив материалы проверки о возбуждении уголовного дела на основании заключения специалиста об исследовании, которое не является доказательством.

Часто на практике возникают ситуации, когда при проведении предварительного исследования объект подвергается существенному изменению и даже разрушению. Ведомственными нормативными актами разрешено при предварительном исследовании применение полностью разрушающих методов. Как пример можно, привести исследование, состава наркотического вещества, по делам о незаконном обо-

[1] Федеральный закон от 7.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 1.07.2011) «О полиции».

роте наркотиков, когда представленный на исследование объект на стадии материалов проверки весь использован и уничтожен.

В случае положительного исследования, следователь (дознаватель) возбуждает уголовное дело и назначает судебную экспертизу. У следователя и сотрудника экспертно-криминалистического подразделения просто не остается другого выхода, кроме как составить заключение эксперта на основании заключения специалиста[1].

Однако не всегда положительные выводы, полученные в результате исследования по материалам проверки, могут оказаться результативными, после назначения и проведения экспертизы, впоследствии уже по возбужденному уголовному делу. Часто не оправдывают себя исследования специалиста, проведенные по преступлениям совершенным в сфере экономической деятельности и налоговых преступлений, хотя заключение специалиста позволяет следователю принять законное и обоснованное решение по материалу проверки.

Одно из решений это «при обнаружении веществ или предметов, похожих на запрещенные в гражданском обороте, возбуждать уголовные дела и в качестве первоначальных действий назначать и производить судебную экспертизу. И если вещество или предмет не признаются таковыми, уголовное дело прекращать, и не считать это браком в следственной работе или фактором, усложняющим служебно-оперативную обстановку»[2].

Возникает вопрос, так как должны следователь и дознаватель вести себя в данной ситуации?

Подводя итог, можно констатировать, что большинство практических работников склонялись к мнению, целесообразности назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела и данный вопрос этот ставился уже более тридцати лет[3] и оконча-

---

[1] Егоров Н.Н. Предварительное исследование микрообъектов и использование его результатов на первоначальном этапе расследования преступлений: дис ... канд. юрид. наук. М. 1986.

[2] Егоров Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах: дис. … докт. юрид. наук. Иркутск, 2005.

[3] См., напр.: Беева Т.А. Криминалистическое исследование поддельных иностранных паспортов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2003; Дворкин А.И. Предварительные исследования вещественных доказательств при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М. 1974; Корниенко Н.А. Теория и практика предварительных криминалистических исследований вещественных доказательств: дис. … канд. юрид. наук. М. 1976; Плесовских Ю.Г. Предварительные криминалистические исследования на месте происшествия и использование их результатов в раскрытии и расследовании преступлений. Хабаровск, 1994; Шаркова Т.Ф. О самостоятельных исследованиях вещественных доказательств, проводимых следователем // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 6. Киев, 1969; Шиканов В. И. Использование специ-

тельного разрешения на законодательном уровне он получил только в марте 2013 г. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела, поскольку преимущества, которое дало бы немедленное использование ее результатов очевидно.

Вместе с тем, следует отметить, что единство мнений практических работников и криминалистов, по вопросам применения специальных познаний на стадии возбуждении уголовного дела, привело к тому, что в УПК РФ в настоящее время на законодательном уровне этот вопрос разрешен путем внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ в части разрешения производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Чем раньше лицо, производящее предварительное расследование будет владеть заключением эксперта по криминалистически значимой информацией, которая свидетельствует о совершении преступления, тем раньше будет установлена объективная истина по уголовному делу.

А.Н. Петрухина

Проблема соотношения истины и достоверности в уголовном процессе

Проблема соотношения истины и достоверности особенно актуальна с момента начала судебной реформы. Дело в том, что в процессуальной литературе второй половины XX века достоверность зачастую отождествлялась с истинностью[1], а сама категория «истина» использовалась в ряде статей УПК РСФСР 1960 г. Из действующего же уголовно-процессуального закона исключен сам термин «истина». В УПК РФ в число принципов уголовного судопроизводства законодателем не включены традиционные для советского уголовного процесса принципы объективной истины и всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела.

В отечественной философской и процессуальной науке нет единства в понимании и толковании категории «достоверность».

альных познаний. Иркутск, 1976.

[1] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 99-100; Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 187.

В одних словарях термин «достоверный» толкуется как соответствующий действительности, точный, подлинный[1]. В других словарях указывается, что достоверность – это форма существования истины, обоснованной каким-либо способом (например, экспериментом, логическим доказательством)[2]. Авторы философского энциклопедического словаря подчеркивают, что достоверность – это характеристика знания как обоснованного, доказательного, бесспорного, истинного[3]. Авторы краткой философской энциклопедии, не связывая достоверность с истинностью, указывают: «Достоверность – убеждение, основанное на знании и исключающее всякое сомнение»[4].

В процессуальной литературе понятие достоверности трактуется также не однозначно. Так, М.С. Строгович фактически отождествлял достоверность с истиной[5]. По мнению Д.В. Арсеньева, достоверным является знание, истинность которого подтверждена определенными данными[6]. А.К. Педенчук предложил градацию достоверности в зависимости от формы познания – на непосредственную и опосредованную, «полученную путем сообщения или теоретического доказательства»[7]. Кроме того, данный автор классифицирует достоверность на субъективную (в вере) и объективную (в науке), логическую (полученную посредством мышления)[8].

Резюмируя сказанное, необходимо констатировать, что понятие достоверности включает в себя как истинность знания (его соответствие объективной деятельности), так и обоснование этой истинности, адресованное соответствующему субъекту (следователь, лицо, производящее дознание, прокурор и суд). В данной трактовке достоверности, как справедливо отмечает Е.П. Гришина, «переплетаются как объективный, так и субъективный моменты. Оба они тесно взаимосвязаны и, как правило, друг без друга не существуют. Объективный момент (наличие или отсутствие каких-либо фактов или различное сочетание фактов) всегда предполагают субъективное восприятие и сугубо субъ-

---

[1] Словарь современного русского литературного языка: В 20 т: Т. 4. М., 1993. С. 423; Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 279.

[2] Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 414; Большой энциклопедический словарь / под ред. Н.М. Прохорова. М.; СПб., 2000. С. 373.

[3] Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 183.

[4] Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 143.

[5] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 256.

[6] Арсеньев Д.В. Истина, достоверность и обоснованность в следствии и судебных актах. Вопросы теории судебной экспертизы: сб. науч. трудов ВНИИСЭ. М.: 1979. Вып. 39. С. 18.

[7] Педенчук А.К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта. М.: 1992. С. 76.

[8] Там же. С. 88.

ективную оценку этих фактов действительности»[1]. Указанную позицию также разделяет А.К. Педенчук. В частности, он пишет: «достоверность выражает объективное содержание в субъективной форме»[2].

Понятие достоверности тесно связано с существующим в теории доказательств понятием истины. В современной теории познания существуют множество концепций истины (формальная, материальная, конвенционная, процессуальная и др.). Мы будем исходить из классического определения истины как соответствия суждения объективной действительности.

В юридической литературе проблема разграничение данных понятий была поставлена и исследовалась А.А. Эйсманом, Ю.К. Орловым. Согласно мнению этих ученых, достоверным является обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений. Так, достоверным А.А. Эйсман называет «такой вывод из исследования или такое утверждение, истинность которого обеспечена заранее, гарантирована соответствующим выбором метода исследования или способа рассуждения»[3]. Из этого следует, что всякое достоверное знание является истинным, но не всякое истинное суждение может быть признано достоверным. Истинным может оказаться и случайное, неаргументированное высказывание[4].

Таким образом, понятие достоверности включает в себя не только соответствие его объективной действительности, но и доказанность обстоятельств, подлежащих установлению в порядке расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела. Как верно пишет Е.А. Гришина, «достоверность вывода предполагает наличие определенного отрезка времени, которое необходимо для отыскания аргументов (доказательств) для этого обоснования»[5].

Считаем, что замена истины как цели деятельности следствия и суда на достоверную доказанность обстоятельств уголовного дела вполне оправданна, ибо категория достоверности более приемлема для судопроизводства, нежели категория истины. Мы разделяем взгляд П.А. Лупинской на проблему соотношения истины и достоверности в уголовном процессе, которая считает, что «закон требует законности, обоснованности, мотивированности, использования при выражении цели деятельности правовые, а не философские категории. Поэтому

---

[1] Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис… канд. юрид. наук. М., 1996. С. 50-51.

[2] Педенчук А.К. Заключение судебного эксперта: логика, истинность, достоверность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. С. 45.

[3] Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. С. 111.

[4] Там же. С. 110.

[5] Гришина Е.П. Указ. соч. С. 48.

утверждения, содержащиеся во многих работах процессуалистов о том, что цель деятельности следствия, суда – установление истины по делу, носят скорее идеологический, чем процессуальный характер»[1].

Однако нельзя согласиться с тем, что «суд больше не должен устанавливать объективную истину, но обязан констатировать истину «юридическую», «процессуальную», «судебную». А также, в частности, с высказываниями в такой редакции: «А нужна ли объективная истина в уголовном судопроизводстве?», «выяснять ее следствию и суду больше не нужно, во всяком случае, необязательно»[2].

Считаем, что объективная картина происшедшего преступного события может стать известной и субъекту доказывания, если будет не просто установлена в соответствии с действительностью, но и доказана (обоснована).

С.А. Пискунов

Истина в уголовном процессе

Более 11 лет назад вступил в силу новый УПК РФ, который справедливо называют новаторским. В то же время, несмотря на прогрессивный характер запущенных преобразований, уголовный процесс России в рамках нового УПК РФ претерпел ряд трансформаций, многие из которых стали революционными; ряд вопросов, связанных с модернизацией отечественного уголовного процесса, все еще остается дискуссионным.

Один из критических и острых дискуссионных вопросов, связанный с развитием российского уголовного процесса – проблема истины в уголовном процессе. Хотя данный вопрос, как справедливо отмечается, относится к методологическим проблемам науки уголовного процесса[3], в то же время, несмотря на философскую постановку вопроса о том, должна ли быть обязательно установлена по каждому расследуемому делу истина, и о том, что лишь приговор по делу, по которому установлена истина, может считаться законным, его окончательное решение имеет существенный реформаторский потенциал с точки зрения уголовно-процессуального законодательства.

В практическое русло затронутую проблематику переводит дискуссия вокруг проекта закона об установлении объективной истины в уголовном

---

[1] Лупинская П., Воскобитова Л., Рогова С. Проблемы использования специальных знаний в процессе доказывания по уголовному делу // Мировой судья. 2009. № 11. С. 27.

[2] Ищенко Е.П. Какая истина нужна в уголовном судопроизводстве? // Уголовное судопроизводство. 2008. № 1; СПС «КонсультантПлюс».

[3] Туленков Д.П. Проблемы достижения объективной истины в уголовном процессе // Российский судья. 2013. № 4. С. 33-35.

процессе[1]. Безотносительно законопроекта, решение проблемы достижения истины в уголовном процессе во все времена представлялось непростым; тем более, оно многократно усложняется в рамках состязательного процесса, когда его участникам предстоит опровергнуть ложь и доказать истину. А как это сделать, если то, что для одной стороны – благо, для другой – смерть? А ведь благополучие общества как раз и основано на этом шатком балансе интересов сторон. Для него благо то, в чем его в текущий момент смогли убедить. При этом, несмотря на то, что вопросу обоснования законности и справедливости процессуальных решений посвящено великое множество научных исследований, ясности по нему как не было, так и нет. И это не удивительно, ибо и субъекты доказывания, и ученые имеют дело с такими социально-правовыми категориями, как «истина» и «ложь». Оба данных феномена сегодня до конца не познаны, имеют различные толкования.

В соответствии с общепринятым значением, истина (правда) – адекватное отражение действительности. Ложь, неправда (кривда) – ее противоположность. Истина и ложь – парная категория. Истина – гносеологическая характеристика мышления, отношение человека к предмету познания, применительно к избранной теме – событию «преступление». Наиболее известно определение истины, высказанное Аристотелем и сформулированное Исааком Израильтянином. Оно же было воспринято и Фомой Аквинским. Истина – conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re (интенциональное согласие интеллекта с реальной вещью или соответствие ей)[2].

В современной философии науки проблема истины занимает особое место. Возможно, это связано с тем, что наука все сильнее уходит от своей первоначальной эмпирической базы в сторону чистой теории, математизации в современном понятии этого слова. И «явление», служившее основой для предыдущих исследований, теряет свою ценность и значимость.

И.И. Чечеткина в этом контексте справедливо замечает, что «если истина классической науки – это соответствие объекта и знания о нем, то в неклассической науке эта формула начинает постепенно сдавать свои позиции, что дает почву для плюрализма в отношении научной истины. В постнеклассической науке мышление вовсе заменяется на модельное, что усиливает «деонтологизацию» в научном мышлении. Поэтому современная наука вполне может апеллировать к таким критериям истины, как эффективность,

---

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (подготовлен СК России) // СПС «Консультант Плюс».

[2] Никонов М.А. Возвращение объективной истины в УПК РФ: PRO ET CONTRA // Законодательство. 2012. № 11. С. 58.

конвенция, прагматизм или когерентность, выработанным в позитивистских учениях»[1].

Применительно к уголовному процессу, речь традиционно ведется о достижении объективной истины.

В неоклассической философии истина традиционно делится на три ключевых подвида – абсолютная, относительная и объективная истина, а применительно к уголовному процессу нередко выделяется и четвертый вид истины – необходимая истина.

Абсолютная истина – источник всего, она не есть процесс, абсолютная истина статична, неизменна. Если истина динамична, то она уже абсолютна более или менее, следовательно, становится относительной истиной. Относительная истина – утверждение, что абсолютная истина труднодостижима.

Объективная истина – содержание наших знаний, по своему содержанию теоретически не зависящее от субъекта познания. С одной стороны, признания объективности истины и познаваемости мира равнозначны. С другой стороны, истинно и то, что все познать невозможно.

Необходимая истина – знание, достигнутое в результате совокупности связанных внутренней последовательностью действий. Это тот объем информации, который позволяет субъекту принять оптимальное решение. Уголовному судопроизводству свойственно такое явление, как необходимая истина, ибо это тот объем информации, который некоторыми субъектами процесса признается достаточным для принятия процессуально значимого решения.

Задача поиска и установления объективной истины в рамках уголовного процесса в немалой степени осложнена бременем советского наследия, - достижение объективной истины считалось целью советского уголовного процесса, а задачей следователя и суда должно было стать наиболее полное и точное познание картины совершенного преступления, то есть достижение истины. В то же время, осознавая, что достижение полной истины ни в уголовном процессе, ни в познании вообще, невозможно, процессуалисты советского периода именовали истину, устанавливаемую по уголовному делу, относительной.

Современные ученые, работающие в поле философии права, нередко не видят вообще смысла обращаться к категории объективной истины применительно к уголовному процессу. Так, С.Г. Пилецкий отмечает: «если и можно говорить о какой-то «объективности» истины, то должно при этом прилагать её исключительно в «закавыченном» виде, отдавая себе отчёт во всей той степени условности, с которой употребляем. Можно истолковывать её независимость от человека и человечества лишь в том единственном аспекте, что, будучи однажды кем-то «найденной», выработанной, истина

---

[1] Чечеткина И.И. Истина и ценности в фундаментальной и прикладной науке // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 4. С. 358.

действительно предстаёт для всех остальных, для следующих поколений как некая «интерсубъектная», от них не зависящая…»[1].

Дискуссия о достижении истины в современном уголовном процессе локализируется, прежде всего, в вопросе о том, обязан ли суд устанавливать истину по каждому делу, либо он должен лишь стремиться к познанию истины. Так, в действующем УПК РФ отсутствует прямое отнесение истины как цели уголовного судопроизводства, что обусловлено, прежде всего, легализацией презумпции невиновности, требованием о безусловной доказанности обвинения. Следовательно, суду в рамках действующего УПК РФ вменяется не установление истины по делу как таковой, а об установлении доказанности обвинения – и данную позицию разделяет законодательство всех цивилизованных стран. Установление истины вне пределов обвинения не относится к компетенции суда вообще, а оправдательный приговор в философском смысле не означает невиновность обвиняемого, а лишь констатирует несостоятельность обвинения, объективно исследованного судом.

Напротив, при вынесении решения о виновности лица в деянии, выдвигается требование безусловной доказанности обвинения, достоверных знаний и обоснованное мнение суда о виновности подсудимого в совершении преступления, подтвержденное совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 ст. 302 УПК).

Как представляется, указанные отличия обвинительного и оправдательного приговора свидетельствуют о том, что в случае с вынесением оправдательного приговора объективная истина нередко не устанавливается. Установление объективной истины по уголовному процессу также не соотносится и с некоторыми другими принципами современного уголовного судопроизводства, в частности, с состязательностью в уголовном процессе. В УПК РФ нет и положения о неотвратимости уголовной ответственности каждого совершившего преступление.

Думается, что подобные положения связаны не только с осознанием утопичности постановки цели установления объективной истины по каждому уголовному делу, но и противоречием задачи достижения указанной цели с задачами обеспечения и гарантии прав наиболее широкого числа участников уголовного процесса. В то же время, сказанное совершенно не означает, что современное уголовно-процессуальное законодательство призывает нигилистически относиться к задаче обеспечения истины в уголовном процессе. Прежде всего, потому, что, хотя таковая прямо не прописана в уголовно-процессуальном законе, задача достижения *необходимой* истины, так или иначе, вытекает из системной трактовки норм и принципов УПК РФ, в том числе, упомянутых ранее. При обеспечении решения указанной задачи, можно говорить и о презюмировании истинности судебных решений по действующему УПК РФ. Е.А. Карякин в этом контексте абсо-

---

[1] Пилецкий С.Г. К вопросу об объективной истине // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 1-4. С. 29.

лютно справедливо отмечает: «истинность содержания процессуального решения определяется полноценностью совокупности доказательств (соответствия их требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности), с помощью которых установлены обстоятельства предмета доказывания, исследованных сторонами и судом и положенных судом в основу итогового решения»[1].

Более того, задача достижения необходимой истины в уголовном процессе является актуальной не только для суда (иначе теряется весь смысл состязательного процесса), но и для следственных органов. Так, как иронично отмечает Н.А. Колоколов, «в уголовном процессе определяющий фактор в поиске истины судебной – качество предварительного следствия. Оно либо есть, либо нет. Если нет органов, именующих себя следственными, то не ждите чудес от органов, называющихся судебными»[2].

Исходя из изложенного, для органов предварительного расследования и надзора за ним, обеспечение истины в расследовании дела должно быть краеугольной задачей, важнейшим инструментом законности, что следует отражать в специальном законодательстве.

Таким образом, переход от обвинительного к состязательному уголовному процессу в нашей стране снял с повестки дня задачу достижения объективной истины по уголовному делу; в настоящее время отсутствуют прямые нормативные установления, требующие достижения этой утопической цели, а, по сути, обязывающие следственные и судебные органы извращать философские и нравственные категории.

Более того, сказанное не означает, что в приговорах по действующему УПК РФ не отражена истина; истина в них презюмируется, однако речь идет о необходимой истине, тот объем информации, который некоторыми субъектами процесса признается достаточным для принятия процессуально значимого решения – в данном случае, вынесения обвинительного или оправдательного приговора судом. Мы уверены, что, поскольку абсолютной истины, равно как и абсолютной достоверности знаний в природе не существует, снизить вероятность судебной ошибки призваны принципы презумпции невиновности и состязательности уголовного процесса, потому презюмирование истины во вступившем в силу приговоре суда по уголовному делу считаем адекватным и обоснованным.

---

[1] Карякин Е.А. Пятнадцать тезисов о формировании судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3. С.76.

[2] Колоколов Н.А. Истина в состязательном процессе: проблемы аргументации (избранные тезисы выступления) // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 18.

Н.А. Подольный

Истина в уголовном процессе: а есть ли проблема?

Можно ли истину рассматривать в качестве одной из проблем, стоящих перед уголовным судопроизводством? Для того, чтобы ответить на этот вопрос необходимо обратиться к природе самого уголовного судопроизводства, а именно – чего ожидают от него граждане, попадающие в его сферу и в целом общество. Как представляется, для них более важны несколько иные, более приземлённые вопросы, которые в своём множестве и разнообразии должны разрешаться приговором суда. И, прежде всего все ждут от уголовного судопроизводства справедливости. Одним из требований, которое предъявляется к приговору суда, является то, что он, в соответствии с ч. 1 ст. 297 УПК РФ, должен быть справедливым.

Истина если и волнует участников уголовного судопроизводства, то лишь как средство, с помощью которого можно добиться справедливости, а вовсе не как самостоятельная цель. Это обусловлено тем, что отдельные участники уголовного судопроизводства изначально, без помощи проведённых следственных и иных действий, знают то, что в действительности произошло. Так, чаще всего обстоятельства совершённого знает подозреваемый, обвиняемый, иногда и потерпевший, соответственно адвокат и представитель потерпевшего. Не знают изначально всех обстоятельств произошедшего должностные лица, ведущие расследование, осуществляющие надзор за ним, судьи. То есть, представители государственной власти, каковыми являются названные должностные лица, испытывают потребность в установлении истины. Но потребность в ней у них возникает по той причине, что она необходима для вынесения справедливого решения. Ведь не зная того, что же произошло невозможно разрешить конкретного уголовного дела.

Но решение в уголовном процессе может и не быть основанным на истине, то есть на знании всех обстоятельств совершённого деяния. Например, в соответствии со ст. 25 УПК РФ: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьёй 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причинённый ему вред». Как видно в данном случае для вынесения решения вовсе не обязательно знать все обстоятельства совершённого преступления, то есть истину. Закон допускает возможным достижение в подобных случаях справедливости и без установления истины. Сле-

довательно, истина вовсе не всегда рассматривается законом в качестве средства достижения справедливости в уголовном судопроизводстве.

Хотя, конечно же, отрицать вовсе истину в уголовном судопроизводстве вряд ли стоит. Если есть процесс познания, то должно быть и достижение истины. Отрицание истины в данном процессе равно утверждению бесцельности познания. Однако, соглашаясь с этим, не следует всё же закреплять истину в действующем законодательстве, поскольку это может привести к расплывчатости, неточности и даже многозначности его формулировок, что сделает применение такого закона затруднительным. Ведь единства в понимании истины нет. Различные философские школы дают различное толкование этого понятия. В связи с этим вполне понятно то, что в уголовном судопроизводстве так и не сложилось единого понимания истины. Здесь во многом такое понимание зависит от идеологии, которая положена в основу уголовного судопроизводства на определённом этапе его развития. Так, в советский период, когда господствующей была марксистско-ленинская идеология, истина понималась соответственно этой идеологии, то есть утверждалось то, что в уголовном судопроизводстве возможно достижение объективной истины. В настоящее время, когда названная идеология была подвергнута сомнению, под сомнение была поставлена и возможность достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве. То есть, отношение к истине в уголовном процессе в определённый период развития является своеобразной лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно определить идеологию, которая кладётся в основу уголовного судопроизводства. В связи с этим встаёт достаточно каверзный вопрос: стремление реанимировать объективную истину в уголовном процессе, не является ли стремлением вернуться к советскому уголовному процессу, являющемуся по своей сути неоинквизиционным?

Однако необходимо отметить, что в УПК РСФСР 1960 г. не упоминается понятие «объективная истина», а термин «истина» используется только дважды (ст. 89; ст. 243 УПК РСФСР). То есть, законодатель даже в советский период истории остерёгся включать в действующее законодательство излишне идеологизированное понятие «объективная истина». Что касается использованного им термина «истина», то он не посчитал необходимым его как-либо определить. Сейчас сложно назвать причину отказа включать понятие «объективная истина» в законодательство, но не исключено, что в основе лежал лишь прагматизм, требовавший чёткости и ясности, которая бы исключала недопонимание со стороны правоприменителя.

Наука всегда ориентирована на познание истины, а потому и требование научности, которое прямо предъявляется к отдельным следственным действиям, и которое вполне обосновано может быть применено ко всему уголовному процессу, предполагает установление исти-

ны. Поэтому требование достижения истины в качестве цели уголовного судопроизводства кажется вполне приемлемым, естественным и не подлежащим каким-либо сомнениям. Однако такое представление может носить не более, чем гипотетический характер и не может рассматриваться, как аксиома. Несмотря на то, что и наука и уголовное судопроизводство имеют некоторые общие черты, касающиеся того, что и там и там имеет место процесс познания, тем не менее, между ними имеются достаточно серьёзные различия. И эти отличия касаются особенностей процесса познания и в науке и в уголовном судопроизводстве. Так, в науке процесс познания не ограничен какими-либо временными рамками, в то время, как уголовное судопроизводство ограничено вполне определёнными сроками. Данная особенность порождает другую, в соответствии с которой наука не знает каких-либо ограничений в процессе познания, что же касается уголовного судопроизводства, то здесь процесс познания достаточно серьёзно формализован, что вполне оправдано, в частности, необходимостью соблюдения прав и свобод граждан. Всем известно, что многие научные истины устанавливались не годами, не десятилетиями, а иногда даже не столетиями, а в гораздо более длительные периоды времени. Часто для постижения той или иной истины наукой не хватало жизни и достаточно плодотворной деятельности одного учёного или его поколения. Вполне очевидно, что такой подход к постижению истины не может удовлетворять уголовное судопроизводство, поскольку истина устанавливается для того, чтобы восстановить нарушенную справедливость в отношениях между конкретными людьми. А зачем она будет нужна, если её поиск выйдет за пределы жизни людей, которые попали в сферу уголовного судопроизводства, и ждут справедливого решения? Поэтому достижение истины в уголовном судопроизводстве, для того чтобы уместиться в достаточно ограниченный промежуток времени должно быть формализованным, опираться на определённые фикции. Без этого, по сути, истина никому в уголовном процессе не нужна. Ведь какой прок от нее, если она будет установлена тогда, когда уже не будет людей, которые обратились к правосудию в поисках справедливости?

Как видно понимание истины в науке и в уголовном судопроизводстве в силу различий процесса познания в этих сферах, неодинаково. И в этом уже усматривается неоднозначность и сложность в трактовке понятия истины в уголовном процессе. Вполне понятно, что избежать такой неоднозначности, в случае включения понятия «истина» в УПК РФ, в процессе правоприменения будет достаточно сложно. Это может стать основой следственного и судебного произвола, когда соответственно следователь или суд будут толковать названное понятие и формулировки норм уголовно-процессуального права так, как это им выгодно в конкретной возникшей или даже созданной ими ситуации.

Когда речь заходит об истине в уголовном судопроизводстве, то почти, как клише стало определение её в качестве цели доказывания. Потому отказ от истины может восприниматься, как отказ от цели, которая должна быть во всяком процессе, иначе он становится бессмысленным, в том числе и процесс доказывания. Однако, в действующем законе эта проблема решается достаточно просто, не вызывает какой-либо неоднозначности в толковании, когда в ст. 73 УПК РФ определяются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Даже без глубокого анализа, очевидно, что данная норма закона однозначна и непротиворечива. Кроме того, длительная практика её применения свидетельствует о том, что она не является источником произвола или ошибок следствия и суда, и хорошо вписывается в модель уголовно-процессуального законодательства, основанного на защите прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что отрицать наличие истины в уголовном процессе нельзя. Но и вводить данный термин в УПК РФ также не следует, так как это не решит какие-либо проблемы уголовного судопроизводства, а, напротив, создаст такие, которые будет достаточно сложно преодолеть. Имеющегося понятийного аппарата, закреплённого в законодательстве вполне достаточно для того, чтобы определить цель процесса доказывания.

А.Д. Пронякин

УПК РСФСР 1960 года – об истине в уголовном процессе

1. В середине сентября 2013 г. Президент РФ В.В. Путин выступил перед участниками Валдайского клуба с важной речью, имеющей стратегическое значение для дальнейшего развития российского общества и государства, его институтов, органов власти и органов местного самоуправления. В частности в этом выступление указано, что «новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустранения государства, общества не сработало, также как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытка извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера»[1].

Современная гуманитарная наука, в том числе и в области правовых исследований не может ни отвергать и ни учитывать современных чаяний народа, высказанных его лидером и руководителем государ-

[1] Наш современник. Журнал писателей России. 2013. №10. С. 5.

ства, поскольку в этом высказывании выражена воля всех слоев населения. С учетом сказанного, нами предпринята попытка раскрыть историю принятие и содержание УПК РСФСР 1960 г. – как весьма достойного процессуального закона последнего периода советской и начального этапа постсоветской эпохи. Важнейшим положением УПК РСФСР 1960 г. явилось полное восстановление института отечественного уголовного процесса – установление истины как цели доказывания по уголовному делу.

Как нам представляется, позитивный опыт уголовно-процессуальной деятельности, регулированный нормами УПК РСФСР 1960 г., имеет большое значение для совершенствования форм и методов по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел в судебных инстанциях для современного российского общества. При разработке и принятии УПК РСФСР 1960 г. учитывались традиционные нормы и правила, разработанные в других российских, исторических эпохах и других социально-экономических, политических условиях, передовые идеи, заложенные в континентальном, европейском праве.

2. Перед принятием УПК РСФСР в Советском Союзе произошли крупные политические и организационные мероприятия, направленные на дальнейшее укрепление законности и повышение роли правосудия.

Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1.09.1953 были упразднены внесудебные органы – Особое совещание при МВД СССР (тройки), специальные трибуналы войск государственной безопасности, лагерные суды[1]. В 1953 г. Верховный Суд СССР был наделен правом пересматривать по протесту Генерального Прокурора СССР решения бывших коллегий ОГПУ, троек НКВБ-УНКВД, Особого совещания при НКВД-УНКВД-МВД СССР, отменялся упрощенный порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14.08.1954 в Верховных судах союзных и автономных республик, краевых, областных судах и судах автономных областей, были созданы президиумы судов, которые были наделены полномочиями по пересмотру приговоров в порядке надзора. Этим же Указом был расширен круг лиц, наделенных полномочиями приносить протесты в порядке надзора на приговоры судов и решения внесудебных органов. В 1953-1954 гг. началась широкая реабилитация жертв политических репрессий 30-50 гг. XX в.[2]

---

[1] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Издание Верховного Совета Российской Федерации. М., 1993. С. 71.

[2] Петухов Н.А., Бобренев В.А. Судебная система и правосудие в дореформенный период. Предпосылки судебной реформы в Российской Федерации // Российское правосудие. Научно-практический журнал Российской Академии пра-

Политическое и государственное руководство СССР пошло на беспрецедентное решение о признании существенных ошибок в деле правосудия и законности, связанных с массовыми репрессиями в отношении лиц, которые по политическим мотивам не были согласны с политикой руководства страны и партии (ВКП-КПСС) по построению нового социального строя. На XX съезде КПСС, который состоялся в феврале 1956 г., была дана жесткая оценка злоупотреблениям и беззакониям, допущенным в период культа личности Сталина, провозглашен курс на восстановление и укрепление законности, развитие демократии[1].

12.02.1957 было утверждено положение о Верховном Суде СССР, который, на основании ст. 104 Конституции СССР, признавался высшим судебным органом Союза ССР. На Верховный Суд СССР возлагался надзор за судебной деятельностью судебных органов Союза ССР и союзных республик[2]. Судебный надзор, которым предусматривалось пересмотр ранее рассмотренных уголовных дел, явился важной формой по устранению следственных и судебных ошибок.

Законом СССР от 25.12.1958 были утверждены Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР и союзных республик[3], вместе с которыми были приняты Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Н.А. Петухов Н.А. и В.А Бобренев указывают на то, что Основы о судоустройстве и уголовном судопроизводстве 1958 г. имели особое значение, поскольку в них были развиты и провозглашены демократические принципы и положения правосудия, которые оказывают существенное влияние на современный уголовный процесс. Среди закрепленных принципов процесса особую роль играли такие принципы как всесторонность, полнота и объективность исследования всех обстоятельств дела, оценка доказательств лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судьями по их внутреннему убеждению, право обвиняемого на защиту, участие народных заседателей при рассмотрении всех уголовных дел в суде первой инстанции. Эти и другие принципы уголовного судопроизводства стали ведущими гарантиями от следственного и судейского произвола и усмотрения.

Следует подчеркнуть, что Н.А. Петухов Н.А. и В.А Бобренев, одни из немногих за последние годы, дали объективную и позитивную оценку названным Основам судоустройства и судопроизводства[4].

восудия. 2011. № 11(67). С. 6.

[1] XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1, 2.

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4.

[3] Свод законов СССР. Т. 10. С. 7-14; Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 12.

[4] Петухов Н.А., Бобренев В.А. Указ. соч. С. 10.

Современные ученые и исследователи, приверженцы американского и западного образа жизни, их государственных институтов, и, прежде всего, правосудия, в своих трудах советское правосудие (и в целом все отечественное правосудие, начиная с зарождения Московского государства), называют не иначе как «конвейер» уголовных репрессий, без соблюдения элементарных процессуальных правил и принципов правосудия[1].

Однако с такой позицией соглашаться нельзя, ввиду того, что Основы о судоустройстве и уголовном судопроизводстве 1958 г., на момент их принятия являлись наиболее прогрессивными и демократическими законодательными актами, в содержательной части этих законов нашли отражения и закрепления передовые нормы и традиции отечественного и международного права. Такие выводы содержатся во многих трудах отечественных ученых советского и постсоветского периода[2].

3. Работа над созданием нового УПК РСФСР, началась после принятия в декабре 1937 г. Конституции СССР, которая утвердила положение о том, что основы уголовно-процессуальное законодательство относится к ведению Союза ССР. Однако события, связанные с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением экономики в СССР не позволили довести эту работу до конца. Активная работа по подготовке и принятию нового УПК продолжилась в средине 50 гг. XX в., когда был взят курс на беспрецедентную демократизацию советского общества.

УПК РСФСР 1960 г., был утвержден Законом РСФСР от 27.10.1960 и вступил в законную силу с 1.01.1961. В указанном УПК появилось много прогрессивных решений, которые стали основополагающими положениями для отечественного уголовного процесса.

Таким положением, как нам представляется, является положение об установлении истины по уголовному делу. Ведущим ученым, внесшим существенный вклад в развитие теории об установлении истины в уголовном процессе, как цели доказывания, явился М.С. Строгович. Так, в «Курсе советского уголовного процесса», М.С. Строгович указывал, что целью советского уголовного процесса является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое

---

[1] Безлепкин Б.Т. в учебном пособии по уголовному процессу указывает, что «на основе УПК РСФСР 1960 года работал отлаженный конвейер советской уголовной репрессии» // Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. М., 2004.

[2] Гуценко К.Ф. в учебнике по уголовному процессу, обоснованно ссылается на то, что УПК РСФСР 1960 г. «не был придуман впервые в 1960 году. Он явился результатом многолетней эволюции. Одним из основных его «прародителей» // Устав уголовного судопроизводства (УУС), утвержденный императорским Указом от 20.11.1864.

наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан[1].

Положения об истине были закреплены в ст.ст. 2, 20, 71, 89, 243 УПК РСФСР. Названные статьи Кодекса указывали, что основной задачей и целью отечественного уголовно-процессуального законодательства было установление истины, как объективной предпосылки вынесения законного, обоснованного и мотивированного приговора. Правила установления истины обязывали, как органы следствия, так и суд принимать предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела, в том числе уличающих и оправдывающих обвиняемого, смягчающих и отягчающих его ответственность. Эти правила способствовали тому, что органы следствия и суд решали единые задачи и преследовали одну цель – быстро и оперативно расследовать дело и принять по нему обоснованное и законное решение.

Для выполнения поставленных задач и целей уголовного процесса, суд по УПК РСФСР имел право возвратить дело на дополнительное расследование, возбудить уголовное дело в отношении обвиняемого по обвинению в тяжком преступлении или новому обвинению, активно участвовать в установлении истины, в том числе принимать и исследовать в суде новые доказательства.

Активная роль суда в уголовном процессе по Кодексу 1960 г., никаким образом не отражалась в ограничении суда в его независимости, самостоятельности. Наоборот, активная роль суда в процессе доказывания, обязывала органы следствия более качественно осуществлять расследование по уголовному делу, и служило препятствием для фабрикации уголовного преследования.

Таким образом, названные положения о правилах установления истины по уголовному делу, об активной роли суда в процессе, также как и другие институты уголовно-процессуального законодательства, закрепленные в УПК РСФСР 1960 г., позволяли органам дознания, следствия, прокуратурам и судам выполнять полномочия в области уголовного судопроизводства качественно и эффективно, выносить законные, обоснованные и справедливые процессуальные решения по конкретным уголовным делам.

---

[1] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 41.

В.А. Прорвич

Роль процессуальных действий по оценке доказательств в установлении истины по преступлениям в сфере экономики

Уголовно-процессуальным кодексом РФ установлено, что каждое доказательство по уголовному делу подлежит проверке (ст. 87 УПК РФ) и оценке (ст. 88 УПК РФ) следователем, прокурором и судом. Вместе с тем, проведенные исследования и опросы показывают, что этим процессуально регламентированным действиям, нацеленным на установление истины по делу, уделяется явно недостаточное внимание. И в первую очередь это касается оценки доказательств по преступлениям в сфере экономики. Приходилось даже слышать от некоторых «практиков», что ст. 88 УПК РФ «малоупотребима» из-за перегруженности следователей и по другим объективным и субъективным причинам. Но по тем же причинам часто оказывается, что сформированное такими «практиками» дело буквально «разваливается» в суде и преступники уходят от заслуженного наказания.

Такое отношение к оценке доказательств при расследовании преступлений в сфере экономики можно объяснить недостаточным научно-методическим обеспечением столь важного процессуального действия. Это связано и с рядом специфических особенностей следов таких преступлений, и прежде всего, их «информационным» характером. Особенно сложно соответствующие сведения о фактах выявить в документах, связанных с земельно-имущественными отношениями: распорядительных, правоустанавливающих, правоудостоверяющих, землеустроительных, кадастровых и иных, представленных не только в текстовой, но и в планово-картографической форме, что требует наличия у следователей специальных знаний не только в сфере земельного, градостроительного, кадастрового и иного смежного законодательства, но и в сфере геодезии и картографии.

Следует обратить внимание и на то, что в данных документах отражена достаточно сложная динамика возникновения, осуществления, перехода и прекращения прав на земельные участки различных категорий и разрешенного использования. К тому же, следователю приходится анализировать достаточно сложные правовые нормы, имеющие бланкетный характер, и учитывать при этом положения нормативных правовых актов не только федерального, но и регионального уровня. В реальных следственных ситуациях, необходимые сведения о юридических фактах при наличии соответствующих специальных знаний часто могут быть получены не только по наличию, но и по отсутствию той информации, которая должна присутствовать в определенной части документа.

Кроме того, при квалификации преступлений рассматриваемого вида часто приходится заниматься формализацией системы юридических

фактов и составов гражданско-правового характера, носящих не только сложно-составной, но и незавершенный характер. Для того, чтобы разобраться в их особенностях, следователю необходимы обширные специальные знания в различных отраслях права и современной экономики. Здесь возникает ряд вопросов о том, какая часть следователей такими специальными знаниями обладает в достаточной степени, позволяющей не только сформировать систему доказательств по делу, но и дать надлежащую оценку каждому из них?

В соответствии со ст. 88 УПК РФ при оценке любого доказательства происходит установление его относимости, допустимости и достоверности, а также достаточности всей совокупности доказательств. Суд, прокурор, следователь, дознаватель, руководствуясь законом, оценивают каждое доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех доказательств по делу в их совокупности.

Вместе с тем, «внутреннее убеждение» указанных лиц далеко не всегда подкрепляется необходимыми специальными знаниями, позволяющими раскрыть относимость, допустимость и достоверность доказательств по делам, связанным с преступлениями в сфере экономики. Особенно, если речь идет о таких специфических видах доказательств, как заключения судебных экспертов, в основе которых лежат результаты использования специальных знаний, которыми не располагают ни следователи, ни судьи.

Следует также учитывать, что законодательство не раскрывает сути указанных в ст. 88 УПК РФ критериев оценки доказательств. И в комментариях к УПК РФ, и в научных публикациях, содержательные особенности процесса оценки доказательств по преступлениям в сфере экономики также не раскрываются.

Что касается первых двух критериев, относимости и допустимости доказательств, то ведущие ученые и специалисты считают необходимым их использование, прежде всего, для того, чтобы исключить из рассмотрения суда те доказательства или средства доказывания, которые не относятся к данному делу или противоречат закону. К примеру, если законодательство предусматривает обязательную государственную регистрацию сделок с объектами недвижимого имущества, то документы, в которых данное требование не выполнено, должны быть исключены из рассмотрения, как недопустимые средства доказывания. То же самое касается случаев, когда закон требует нотариального удостоверения определенных сделок или документов.

Значительно сложнее складывается ситуация с использованием критерия достоверности доказательств по преступлениям в сфере экономики. Многие ученые и специалисты считают, что он характеризует соответствие полученных сведений обстоятельствам дела. Более того, часто это понятие применяется, как собирательное, а вся деятельность

следователя или суда по оценке доказательств, по их мнению, сводится к формированию внутреннего убеждения о достоверности доказательств, имеющихся в деле. Другие ученые используют это понятие, как априорное, очевидное и не требующее дополнительного анализа, полагая, что относимость и допустимость проверяется только у таких доказательств, достоверность которых не вызывает сомнения. То есть, понятие достоверности на основе положений современной науки ими не раскрывается и не получает развернутого определения.

При этом часто предлагается определять достоверность каждого доказательства, включая заключение судебного эксперта, сопоставляя его со всеми другими доказательствами по делу, правда, без пояснений, по каким признакам проводить такое сопоставление и по каким основаниям делать соответствующие выводы.

Применение такого подхода к оценке достоверности заключения эксперта вполне понятно, поскольку развитие судебной экспертизы и ее применение для получения доказательств определялось, прежде всего, нуждами уголовного судопроизводства при раскрытии и расследовании преступлений общеуголовного характера. При этом подавляющее большинство экспертных исследований по уголовным делам в последние десятилетия проводилось, в основном, в рамках криминалистических, технических и медицинских экспертиз. Оценка достоверности соответствующих заключений эксперта следствием и судом имеет свою специфику, поскольку связана с использованием определенных приборов и технических средств, обсуждение которой выходит за рамки настоящей работы.

Что касается оценки достоверности заключений эксперта, выполненных в рамках судебно-экономической экспертизы, особенно по таким новым ее родам, как судебно-оценочная или судебно-кадастровая экспертиза, то здесь ситуация принципиально иная. Большая часть экспертных исследований для ответа на вопросы экономического характера, связана с проведением качественного и количественного экономического анализа. При выполнении соответствующих расчетов судебный эксперт сталкивается с необходимостью использования разнообразных экономико-математических моделей, отражающих особенности формирования кадастровой, рыночной или иной стоимости объектов движимого или недвижимого имущества различного вида. При этом следует обратить особое внимание на то, что в процессе расчетов неизбежно происходит накопление погрешностей, часто неконтролируемое, о чем многие судебные эксперты даже и не догадываются, как и назначившие данную экспертизу следователи или судьи.

Кроме того, важно учитывать, что само определение рыночной стоимости объектов, часто играющее ключевую роль не только в современной экономической науке, но и при оценке доказательств по преступлениям в сфере экономики, законодатель связал с понятием «наиболее вероятная»

цена, то есть вкладывает в него не только экономический, но и определенный математический смысл. Поэтому при оценке результатов расчетов «наиболее вероятной цены», описанной в заключении судебного эксперта, по критерию достоверности, необходимо учитывать и законы математики. При этом юристам достаточно сложно осознать математический смысл понятия достоверности, которое неразрывно связано с теорией вероятностей. Более того, среди юристов-правоприменителей распространено мнение о том, что использование доказательств, имеющих вероятностный характер, в судопроизводстве недопустимо.

Справедливости ради отметим, что большая часть подобных оценок высказывалась применительно к преступлениям общеуголовного характера. По поводу преступлений в сфере экономики столь однозначного отношения к подобного рода доказательствам нет. Вместе с тем, применительно к результатам как судебно-экономической экспертизы в целом, так и судебно-оценочной или судебно-кадастровой экспертизы в частности, эта проблема носит фундаментальный характер. Напомним, что объектом судебно-экономической экспертизы является система документированных сведений о фактах, характеризующих субъектно-объектные и субъектно-субъектные отношения различного вида. При этом отношения экономических субъектов могут носить не только двусторонний характер, но также зависеть и от третьих лиц, а также от внешних по отношению к этим субъектам факторов: социально-экономической ситуации, особенностей развития различных сегментов рынка и т.д.

Соответственно, для полного описания процессов формирования кадастровой, рыночной или иной стоимости объекта преступления в сфере экономики, или выявления сущностных характеристик нанесенного ущерба во многих случаях необходимо настолько большое количество документированной информации, что требовать ее сбора просто бессмысленно. Но в результате приходится констатировать, что эксперту, специализирующемуся в сфере судебно-экономической экспертизы, часто приходится решать задачи по определению стоимости объекта преступления или размера нанесенного ущерба в условиях информационной неопределенности. Эта ситуация также должна учитываться при практическом применении критерия достоверности для оценки заключения судебного эксперта, как доказательства по делу.

То есть, в контексте рассматриваемой проблемы следует понимать, что понятие достоверности в математическом смысле и юридическом смысле отнюдь не тождественные, но вполне совместимые. В процессе выполнения экспертных работ на основе предоставленной ему разнообразной документированной информации экономического и правового характера, эксперт проводит качественный и количественный анализ сведений о фактах, не оговаривая степень их полноты и достоверности. Это считается вполне приемлемым, поскольку «по умолчанию» предпо-

лагается, что если и имеются какие-либо пробелы и противоречия в материалах дела, то они не оказывают существенного влияния на квалификацию преступления. При этом мало кто из юристов задается вопросом о количественной характеристике «существенности» влияния информационных пробелов на итоговое решение суда. А вполне законный с точки зрения математики вопрос: какой уровень доверительной вероятности считается приемлемым для того, чтобы результат расчетов, полученный с определенной погрешностью, признать достоверным – 99%, 67% или 51%, обходится на основе внутренних убеждений следователей, прокуроров и судей.

Затронутая проблема при всей ее глубине и сложности, может быть решена достаточно быстро консолидированными усилиями юристов, математиков, экономистов, а также представителей других отраслей научного знания. Тем более, что ряд методик оценки заключения эксперта, как доказательства по делу, описан в наших книгах[1].

Заинтересованные в более детальном обсуждении затронутых проблем и способов их решения коллеги могут прислать свои предложения по адресу: kse60@mail.ru.

Б.Г. Розовский

За право на достижение объективной истины надо бороться

Современная юридическая наука переживает затяжной кризис, вызванный отсутствием реальных проблем, имеющих практическое значение. Всё главное определили, сотни раз обговорили, узаконили и теперь остается только смахивать пыль и подкрашивать где что-то выцвело. Уголовный процесс не исключение. В Украине, правда, плохо или хорошо, но сдвиг произошёл. Готовились к вступлению в ЕС и под диктовку Венецианской комиссии сделали компиляцию с западных образцов. Но с победным маршем в Европу произошла заминка. Теперь остановка за практикой, которая должна дать возможность оценить, эффективна реконструкция или сводится лишь к написанию закона «Уголовный процессуальный кодекс» без былого дефиса.

Российские коллеги вместо изобретения сомнительного нового предложили вернуться к незаслуженно отвергнутому, испытанному старому. Суть идеи: отступать дальше некуда, вся система правосудия должна быть активизирована на наступательную борьбу с преступностью, создавшей реальную угрозу национальной безопасности. Для этого требуется восстановить былую дееспособность суда, привлечь к

[1] Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе / под ред. А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М., 2010. Судебно-кадастровая экспертиза. / под ред. А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича. М., 2013.

установлению реального события преступления каждого участника процесса, включая судью.

Так получилось, что авторы проекта негаданно допустили тактическую ошибку: определили в качестве цели достижение объективной истины. Термин вызвал реакцию, подобную быка на красное. Здесь именно красное сыграло свою роль – объективная истина фигурировала в советском УПК. Я уже имел возможность дать оценку поведения наиболее рьяного «дальтоника» А.С. Александрова, несовместимого с понятием не только учёного, но и вообще мало-мальски культурного человека[1]. Столь же абсурдно его толкование объективной истины.

Авторов законопроекта СК России обвиняют в том, что они произвольно воспроизводят текст ст. 20 УПК РСФСР, не разграничивая суд и органы предварительного расследования по осуществляемым ими функциям. Суд предлагается сделать субъектом обязанности всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, и установления объективной истины по уголовному делу. Все это характеризуется как реакция. Не могу, при всем желании понять, что должен представлять собой в свете ультралиберальных концепций современный суд? Обязанность суда вынести справедливый приговор отменили? А если нет, то как можно достичь справедливости, не выяснив все обстоятельства, не истребовав недостающие доказательства? Что, выясняя доказательства, суд может признать виновным невиновного? В чем здесь ущемление состязательности? Защите кто-то препятствует исследовать по полной программе новые доказательства? Защите можно представлять дополнительные доказательства, а обвинению нельзя? Для чего превращать состязательность из средства оценки сторонами представленных доказательства в замок на двери в зал судебного заседания, запрещая представлять дополнительно выявленные доказательства, не допускать для этого возможность проведения дополнительного расследования? Кому это выгодно? Не следует вводить всех в гипноз, извращать понятие состязательности, превращая её из средства в самодовлеющую цель, состязательность для состязательности, состязательность ради состязательности, состязательность во имя состязательности и т.д.

Допустим, суд устанавливает не факт (что также возмущает А.С. Александрова), не объективную истину, не истину вообще. Но что же он тогда констатирует в приговоре? За что подвергает человека наказанию? Разработчики УПК Украины избежали упоминания объективной истины. Статья 2. «Задачи уголовного производства» сформированы так: «Задачами уголовного производства является защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод

---

[1] Розовский Б.Г. Уголовный процесс: затянувшееся противостояние средневековью // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6. С. 47-65.

и законных интересов участников уголовного производства, а также обеспечения быстрого, полного и беспристрастного расследования и судебного разбирательства с тем, чтобы каждый, кто совершил уголовное правонарушение, был привлечён к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинён или осуждён, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению и чтобы к каждому участнику уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура». По содержанию данная норма не является развернутой характеристикой объективной истины в правосудии и условий ее достижения? Термина нет, суть осталась. Законодатели ряда ведущих западных стран не играют в прятки, а прямо предписывают суду обязанность установить истину[1].

Да, имеют место, к сожалению, неправосудные приговоры. В 2008 г. в Луганской области было проведено на доверительной основе собеседование с 16 ворами в законе и другими лагерными авторитетами. Они были единодушны: в исправительных колониях отбывают наказание не менее 5% безвинно осуждённых. Но величайшие ученые, конструкторы, инженеры имеют дело с поддающимся точным математическим расчетам механизмами, и все же взрываются космические корабли, падают самолеты, тонут подводные лодки. А судья при вынесении приговора оперирует, оценивает показания куда более сложного источника информации – человека. Будь всё просто, не было бы апелляционной и кассационной судебных инстанций, не привлекали бы общественность.

Но если ошибки не исключены, что меняется, если исключим из научного и практического оборота понятие «объективная истина»? Правосудие от этого станет более совершенным? Объективная истина – это то, к чему, при всех препятствиях, должен стремиться уголовный процесс, вся система правосудия. При разумном подходе надо искать разумные пути предотвращения, сокращения возможности вынесения неправосудных приговоров. В этом и только в этом суть объективной истины в правосудии.

Я разделяю позицию авторов обсуждаемого законопроекта, несмотря на некоторые шероховатости. В его обоснование сторонники сказали более чем достаточно. Судья обязан проверить доказательства, взвесить в равной мере все «за» и «против», быть максимально объективным. А ему тут предлагают: один глаз закрой, всё что «против» клади на весы, а «за» откладывай в сторону. Прибегаю к гротеску, но так и есть. Не может нормальный человек не реагировать на дополнительные факты, которые возникают в ходе судебного заседания и тре-

---

[1] Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в уголовном процессе // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2006. С. 247.

буют оценки. Скажу больше, ставится вопрос об ответственности граждан за недонесение о готовящемся или совершенном преступлении, а судью, должностное лицо, пытаются заставить сознательно не реагировать на такую информацию.

Для достижения объективной истины надо, в числе других мер, восстановить в полном объеме институт возвращения уголовного производства (дела) на дополнительное расследование. Кто объяснит логику, согласно которой направить производство, завершившееся приговором, на новое судебное рассмотрение можно, а возвратить на дополнительное досудебное рассмотрение нельзя? В УПК Украины разумная попытка предпринята: суд вправе, объявив перерыв, поручать органам досудебного расследования произвести необходимые дополнительные следственные действия. Однако, вопреки логике поиска объективной истины, только при условии, если они не могли быть проведены при досудебном расследовании.

Неудивительно, как торжественно объявляли разработчики УПК Украины, «после отмены возможности направлять дело на дополнительное рассмотрение только за последние месяцы в Украине вынесено уже десять оправдательных приговоров»[1]. Поэтому писал и пишу, что институт возвращения уголовного производства на дополнительное расследование в Украине сегодня отсутствует, есть лишь его видимость.

Сегодня дискуссия сосредоточена на второстепенном. Восстановим или нет термин «объективная истина», случаи, и не единичные, недостижения ее в приговоре имеют место. Следовательно, необходимо снять ограничение презумпции невиновности моментом вынесения приговора, вступившего в законную силу. Осуждённый имеет право, а следователь, прокурор, суд обязаны инициировать пересмотр вынесенного приговора, если будут выявлены новые факты, ставящие под сомнение его справедливость, прежде всего если с развитием криминалистики и других наук будет установлена ошибочность применяемых методов исследований при поведении разного рода экспертиз, что приводило к недостоверности соответствующих заключений. Такие же права и, соответственно, обязанности должны возникать при появлении новых способов и методов исследовано доказательство, положенных как бесспорные в основу обвинения осужденного. (В США после внедрения экспертизы ДНК было отменено более 120 приговоров). Данные правила целесообразно прямо регламентировать в УПК.

Так уж сложилось, что всякое разумное начинание имеет противников. Объективная истина тому пример. Будем надеяться, разум победит.

---

[1] Портнов А. Не читал, но осуждаю… // Закон и бизнес. 2013. № 18-19.

Е.В. Рябцева

Право на установление истины как гарантия защиты участников уголовного судопроизводства

«Давайте признаем незаменимую роль истины в отстаивании прав человека и обязуемся защищать право на установление истины в процессе выполнения нашей глобальной миссии».
Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун

Проблема установления истины в уголовном процессе является одной из самых актуальных на протяжении длительного времени. Интерес к ней то возрастает, то ослабевает в контексте проводимых реформ, тем не менее, он всегда остается. Проблема истины настолько многогранна, что заставляет исследователей обращаться к философии, социологии, анализировать нормы права и морали в их единстве практического применения.

«Универсальность» такого правового явления как истина определяется тем, что необходимость ее установления можно обосновать введением определенных, конкретных уголовно-процессуальных механизмов, которые будут оказывать решающее влияние на современный уголовный процесс. И здесь речь уже не будет идти не об абстрактных, философских понятиях, а о вполне реальных способах воздействия на уголовно-процессуальные отношения.

Именно такой практический аспект истины, с нашей точки зрения, представляет наибольший интерес для уголовного судопроизводства. Традиционно, определяют правовую природу истины, исходя из обязанности должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, по ее установлению. Независимо от оценки правовой природы истины в уголовном процессе (как материальной или как процессуальной), не следует делать акцент, прежде всего, на обязанности лиц и органов, ведущих уголовное судопроизводство по установлению истины по уголовному делу. Такой подход имел место в советский период времени и был закреплен в ст. 20 УПК РСФСР «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», в которой было предусмотрено, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Представляется более правильным с точки зрения особенностей уголовного судопроизводства говорить о праве лица на установление истины. Именно такой подход характерен для международного права. Исследования, проведённые Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека показали, что право на установление истины в слу-

чае серьезных нарушений прав человека является неотъемлемым и самостоятельным правом, связанным с долгом и обязанностью государства защищать и гарантировать права человека, проводить эффективные расследования и гарантировать получение эффективной правовой защиты и возмещения. Это право тесно связано с другими правами, имеет как индивидуальный, так и социальный аспект, и должно рассматриваться в качестве права, не допускающего каких-либо отступлений и не подлежащего ограничениям.

Практика Европейского Суда по правам человека показывает, что суд обеспечивает защиту права на установление истины.

Например, в деле Абдулханов и другие против России. 13 граждан России жаловались на гибель 18 их родственников в результате бомбардировки и артобстрела чеченского села, где погибшие проживали или гостили. Следствие на национальном уровне не нашло виновников, суды заявителей в их попытках опротестовать бездействие правоохранителей не поддержали; гражданский иск против Министерства обороны также был отклонен. Авторы жалобы считали, что было нарушено право на жизнь их самих и их родственников, и что они были лишены эффективных средств правовой защиты в связи с этим нарушением, потому что суд отклонил их иск по сугубо формальным основаниям, при том, что очевидно, только Минобороны имеет в своем распоряжении военную авиацию и артиллерию. Суд признал нарушение ст. 2 Конвенции (право на жизнь), а также ст. 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты) ввиду отсутствия качественно проведенного расследования. ЕСПЧ и постановил выплатить заявителям рекордную на сей день компенсацию по одному делу против России – в общей сложности 885.400 евро[1]. Отсутствие должного расследования обстоятельств дела, неустановление того, что произошло, нарушило право на справедливое правосудие, которого лица были лишены именно в силу того, что не была установлена истина.

Рассмотрение необходимости установления истины как права лица, которое гарантирует ему защиту в уголовном судопроизводстве, позволяет определить содержание права на установление истины:

- как можно точнее установить факты, относящиеся к совершенному преступлению;
- получить сведения о проводимом расследовании, судебном разбирательстве, а также о собранных доказательствах;
- представить собранные доказательства либо ходатайствовать об их предоставлении в досудебных и судебных стадиях процесса;
- законное, обоснованное и справедливое судебное решение.

Право на установление истины в уголовном судопроизводстве должно включать право знать, что произошло во время совершения

[1] URL: http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.

преступления для того, чтобы можно было оценить поведение обвиняемого, потерпевшего с целью назначения справедливого наказания, установления причин и условий совершения преступления для предотвращения их последующего совершения. Помимо этого данное право предполагает знание участниками процесса о проводимом расследовании, ходе и результатах судебного разбирательства, что является важной гарантией от нарушения их прав.

Если проанализировать ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», то можно сделать вывод о том, что можно гарантировать потерпевшему, обвиняемому, осужденному его права на защиту, только если ему будет обеспечено право на установление истины. Заявляя ходатайства, жалобы, знакомясь с материалами уголовного дела обвиняемый, потерпевший или иной участник реализует свое право на установление истины в том объеме, в котором считает необходимым. Соответствующие должностные лица и органы в рамках своих полномочий обеспечивают реализацию этого права.

Определение правовой природы истины в уголовном процессе в контексте «права на установление истины» позволяет говорить о целесообразности введения упрощенных форм судебного разбирательства, когда сами стороны определяют объем ее реализации, когда они полагают, что несмотря на то, что обстоятельства дела не исследовались, следствие в полном объеме не проводилось, но тем не менее они полагают, что их право на установление истины реализовано и они не считают нужным в дальнейшем устанавливать определенные обстоятельства.

Истина должна рассматриваться не как обязанность следователя, дознавателя и суда установить определенные факты и обстоятельства только в силу того, что этого требует закон, а как обязанность этих должностных лиц и органов гарантировать, что установление обстоятельств дела, а также способы и средства, с помощью которых эти обстоятельства будут установлены, обеспечивает защиту участников процесса.

Право на установление истины является гарантией права на защиту, как потерпевшего, так и обвиняемого. Данным правом они пользуются в равной мере, поскольку заинтересованы в том, чтобы итоговое решение было справедливым.

В данном контексте представляется интересной международная практика. В 1991 г в Сальвадоре была создана Комиссия по установлению истины. В настоящее время они действуют более чем в 30 странах. Эти Комиссии занимаются расследованием серьезных актов насилия, влияние которых на общество, как считается, требует срочных дей-

ствий общественности по выявлению истины[1]. Несмотря на то, что они представляют собой официальные временные несудебные следственные органы, занимающиеся расследованием целого ряда нарушений прав человека, в том числе и этих преступлений, и установлением истины, они являются реальным подспорьем для правоохранительных органов.

Комиссии были названы органом по установлению правосудия переходного периода и установлению господства права. Информация, собранная комиссией по установлению истины, может оказаться полезной для тех, кто расследует дела для возбуждения судебного преследования, будь то во время работы комиссии, сразу по завершении ее работы или много лет спустя. Как правило, деятельность комиссии по установлению истины следует рассматривать как дополнение к актам судебной власти. Даже в тех случаях, когда не ожидается немедленное начало судебного преследования, важно предусматривать возможность такого варианта и действовать соответственно. Со временем могут появиться возможности возбуждения судебного преследования, и тогда доклад комиссии и другие ее материалы могут оказаться важными в качестве базовых материалов и обеспечить выход на свидетелей. Даже если в докладе комиссии не указываются конкретные лица, совершившие преступления, собранная ею информация может раскрыть более полную картину нарушений и показать институциональную причастность и ответственность, а также ответственность руководства. Если ведется судебное преследование и в распоряжении комиссии оказывается оправдательная информация, свидетельствующая о том, что в преступлении обвиняется лицо, непричастное к его совершению, может быть важным, чтобы комиссия поделилась этой информацией с органами обвинения[2].

Таким образом, установление истины необходимо для обеспечения эффективной защиты лиц в уголовном судопроизводстве. Механизм ее установления является одним из показателей международных стандартов охраны прав и свобод человека.

---

[1] Комиссии по установлению истины (Нью-Йорк, Женева, 2006 г.) Университет Миннесоты. Библиотека прав человека. Инструменты обеспечения господства права в постконфликтных государствах: URL: http://www1.umn.edu.

[2] Комиссии по установлению истины (Нью-Йорк, Женева, 2006 г.) Университет Миннесоты. Библиотека прав человека. Инструменты обеспечения господства права в постконфликтных государствах: URL: http://www1.umn.edu.

А.Б. Сергеев
А.Н. Савченко

И вновь к вопросу об объективной истине в уголовном судопроизводстве

На официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) размещён законопроект Федерального закона «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»[1]. В нём, в частности, предлагается:

- статью 5 дополнить пунктом 22.1 следующего содержания: «объективная истина – соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения»;
- в систему принципов уголовного судопроизводства включить ещё один: установление объективной истины по уголовному делу. Предлагается соответствующая формулировка: «Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, а также орган дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель обязаны принять все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по уголовному делу».

Однако, анализ действующей системы норм уголовно-процессуального законодательства и соответственно уголовно-процессуальных институтов, сложившейся правоприменительной практики, буквального смысла положений законопроекта вызывает сомнение в возможности реализации законодательной инициативы в том виде, в котором законопроект сформулирован.

Обоснованием авторской позиции служат следующие суждения.

Требование всестороннего, полного и объективного выяснения обстоятельств совершения преступления (установления истины) в первую очередь направлено на создание суду благоприятных условий для назначения виновным справедливого наказания. Место наказания подсудимого в системе задач уголовного судопроизводства определено ст. 6 УПК РФ. Согласно названной статье, назначением уголовного судопроизводства являются:

---

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» URL: http://www.sledcom.ru.

1) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод;

3) отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания (реабилитация) того, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию;

4) назначение виновным справедливого наказания.

Как видим, в шкале задач уголовного судопроизводства назначение виновным справедливого наказания занимает замыкающую строку: приоритеты уголовной политики государства изменились. Об изменении приоритетов свидетельствуют предусмотренные отраслями материального и процессуального права многочисленные ситуации, когда разрешение уголовно-правового конфликта между виновным и государством возможно без жёсткого выполнения требования установления объективной истины.

Перечислим эти ситуации.

Ситуация 1. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести (и впервые совершившего) (ст. 76 УК РФ), если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Лицо «примирилось», значит договорилось! «Но любое соглашение есть явление субъективистское, которое под воздействием различных психофизических и иных субъективных факторов может оказаться весьма далеким от реальности, от обстоятельств конкретного преступления», – указывает профессор З.З. Зинатуллин[1]. И мы с эти утверждением согласны. Законом такая ситуация предусмотрена.

Ситуация 2. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления экономической направленности (ст. 198-199.1 УК РФ; ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме (ст. 28.1 УПК РФ)[2].

---

[1] Зинатуллин З.З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 2. С. 25-27.

[2] Под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе РФ, понимается уплата в полном объеме: 1) недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу;

Очевидно, что если в названных ситуациях вопрос о наказании снимается, то задача установления точного (справедливого) его размера (наказания) не ставится. Считается, что справедливым и целесообразным будет освободить лицо от наказания.

Ситуация 3. Обвиняемый ходатайствует об особом порядке судебного заседания. Его сущность следующая: «Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ, не превышает 10 лет лишения свободы» (ст. 314 УПК РФ).

И здесь истина в полном объеме может и не быть достигнута. Возможность наступления такой ситуации подтверждает сам законодатель, устанавливая требование, согласно которого: «Приговор, постановленный в соответствии со ст. 316 УПК РФ, не может быть обжалован в апелляционном и кассационном порядке по основанию «несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела».

Анализ статистических данных свидетельствует о широком использовании в уголовном судопроизводстве институтов «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (гл. 40 УПК РФ); «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). В 2012 г. особый порядок производства районными судами применялся по 302,8 тыс. уголовных дел, рассмотренных по существу, что составило 62,2% от общего числа рассмотренных дел с вынесением приговора и прекращением дел (в 2011 г. – 298,3 тыс. дел, или 58,8%). Из них при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ) рассмотрено 301,3 тыс. дел; при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) – 1,5 тыс. дел.[1]

Перечисленные обстоятельства позволяют сделать вывод, что складывающаяся следственно судебная практика формируется в полном соответствии со шкалой первоочередных задач (ст. 6 УПК РФ), в которой задача наказания не есть определяющая. Своевременным будет являться цитирование касающегося темы нашего исследования следующего суждения Конституционного Суда РФ: «Из принципов правового государства, равенства и справедливости (ст. 1, 18 и 19 Конституции

---

2) соответствующих пеней; 3) штрафов в размере, определяемом в соответствии с Налоговым кодексом РФ.

[1] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2012 г. URL: http://www.cdep.ru.

РФ) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности (выделено авторами) в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод»[1].

С учётом изложенного следует вывод: внесение в уголовно-процессуальное законодательство обсуждаемого принципа не будет отвечать обозначенной Конституционным судом позиции, а следовательно, прежде чем реализовать законодательную инициативу СК России, необходимо провести глубокую ревизию действующего уголовно-процессуального законодательства.

А.А. Стрелков
В.К. Дадабаев

Новые научные методы, как путь достижения объективной истины при расследовании преступлений против личности

Установление истины по уголовному делу имеет большое не только теоретическое, но и практическое значение. От этого зависят права и свободы человека и гражданина, чьи интересы затрагиваются при производстве по уголовному делу, а также авторитет должностных лиц, осуществляющих правосудие[2]. Среди вопросов, связанных с истиной в уголовном судопроизводстве, самым дискуссионным является вопрос о ее содержании. Содержанием истины в уголовном процессе являются юридически значимые знания, объективно отражающие реальность, являющиеся предметом доказывания[3].

Соединение в понятии истины сущности содеянного и его правовой оценки приводит к смешению двух различных аспектов в процессе правоприменительной деятельности – установление истины по делу и правовой оценке установленного. При таком положении возникает вполне реальная опасность подмены процесса установления истины по делу произвольной правовой оценкой совершенного конкретным ли-

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П: «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

[2] Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

[3] Васильев Л.М. Проблемы истины в современном Российском уголовном процессе: Концептуальные положения: автореф. дис. … докт. юрид. наук. Волгоград, 2001.

цом деяния, что неизбежно ведет к нарушениям прав и свобод человека и гражданина при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел.

Это значит, что установление объективной истины по делу состоит не только в адекватном отражении фактов и обстоятельств конкретного уголовного дела, но и в проникновении в сущность этих фактов и обстоятельств, в раскрытии их предметной, т.е. естественной, и социальной природы. Только расширяющиеся возможности науки в деле познания окружающего нас мира, могут дать всесторонность и полноту в исследовании конкретных обстоятельств, в надлежащей оценке их самих и их связей между собой. Это позволит проникнуть в сущность явления, как в момент установления истины, так и в построении правильных умозаключений, исключая всякие возможные при данной ситуации варианты определения смысла исследуемого события. Тогда, можно будет сказать, что истина по делу установлена, и решить вопрос о квалификации содеянного.

Таким образом, достижение истины по уголовному делу сопряжено с необходимостью приложения больших усилий правоохранительными органами с использованием всех возможных достижений научно-технического прогресса. Особенно актуально это относится к проблемам объективности судебно-медицинских исследований, при установлении истины при выявлении и расследовании преступлений связанных с причинением смерти как умышленной, так и по неосторожности.

Жизнь человека в силу ст. 2 Конституции РФ является высшей ценностью в демократическом правовом государстве. И одним из важнейших доказательств при расследовании преступлений данной категории является судебно-медицинская экспертиза трупа, которая позволяет установить время наступления и причину смерти, механизм образования телесных повреждений.

Основным методом как патологоанатомического, так и судебно-медицинского исследования, остается аутопсия – т.е. секционное исследование мертвого тела (трупа).

Данный метод при всех преимуществах имеет ряд существенных недостатков. Эксперт оценивает локализацию повреждений, их характер, количество, в костях и мягких тканях, преимущественно на основании морфологических изменений выявленных визуально на макро и микроуровнях. При этом фотографический метод, являющийся неотъемлемой частью любых судебных экспертиз (в том числе судебно-медицинских), для фиксации объекта в практике применяется крайне редко. А в функции выявления с помощью этого метода скрытых свойств объекта, которые недоступны для восприятия невооруженным глазом, практически единичными случаями. Все это вносит определенную долю субъективизма в полноту и обоснованность выводов о причинах смерти, что существенно затрудняет установление объективной

истины, как адекватного отражения объекта познающим субъектом, воспроизведение этого объекта так, как он существует сам по себе, вне зависимости от человека и его сознания[1].

При возникновении спорных вопросов со стороны следствия или иных участников уголовного судопроизводства подтверждение обоснованности полученных выводов из акта судебно-медицинского исследование трупа, вызывает большие сложности. Мягкие ткани подвержены разложению и при этом существенно изменяют всю морфологическую картину, в связи с этим назначение и проведение повторных, дополнительных или комиссионных экспертиз существенно затягивает сроки расследования, но не может дать объективных, научно обоснованных ответов на поставленные вопросы.

Кроме того, существует проблема вскрытия (патологоанатомического и судебно-медицинского исследования) трупа в некоторых регионах РФ в виду религиозных канонов, что не позволяет дать объективное судебно-медицинское заключение о причине смерти и характере травмы, так как родственники категорически заявляют свои возражения. Международная конференция медицинских организаций (Париж, 1983 г.) считает обязательным уважение религиозных убеждений и мнения родственников, если семья отказывается дать согласие на вскрытие трупа по религиозным мотивам.

В связи с этим, медицинские работники зачастую ссылками на религиозную мораль и мнения родственников пытаются объяснить снижение числа судебно-медицинских и патологоанатомических исследований с применением аутопсии и выдают не исследованными тела умерших в условиях стационара. Будем откровенны: все или многие отговорки о возможности выдачи тел, без патологоанатомического вскрытия, необходимого в случаях установленных нормативно-правовой базой, прикрывают желание главных врачей лечебных учреждений таким способом уменьшить количество неправильных диагнозов при лечении больных.

Согласно данным российского академика Г. Автандилова, показатель общего процента расхождения диагнозов в специализированных больницах не может быть ниже 5%, в многопрофильных учреждениях здравоохранения: поликлиниках и амбулаториях – не ниже 10-15%, а в среднем он колеблется от 15 до 20%[2]. Это значит, что на каждые 100 умерших до 20 пациентов могут получать неадекватное лечение. Осо-

---

[1] Левченко О.В. Общеизвестные факты как средства уголовно – процессуального доказывания // Государство и право. 2002. № 10. С. 47-54.

[2] Нефёдов В.П. Абашев А.Р., Абдрашитов К. М., Сердюк И. Л. Структура летальности и частота расхождений между клиническими и патологоанатомическими диагнозами // Казанский медицинский журнал. 2010. № 4.

бенно велик процент постановки необоснованных посмертных диагнозов при анализе смертности на дому.

Так, согласно данных мониторинга смертности, который осуществляется в Тверской области с 2013 г., при отказе родственников от вскрытия тела, показатель необоснованной посмертной диагностики сердечнососудистых заболеваний может достигать 80%, туберкулеза – 40%, онкопатологии – 10%.

Все это ведет к увеличению количества латентных преступлений по фактам причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей или врачебных ошибок.

Установление объективной истины в вопросе определения причин смерти, на достижение которой направлены усилия следствия и суда, не лежит на поверхности. Ее нужно обнаружить, а для этого необходимо проделать большую и сложную работу по установлению и исследованию всех обстоятельств, относящихся к событию преступления, виновности лица, его совершившего, и другим положениям, предусмотренным ст. 73 УПК РФ. Однако отрицание возможности достижения объективной и абсолютной (т.е. полной, всесторонней) истины в уголовном судопроизводстве, нацеливание практики не на ее достижение, а на установление максимальной вероятности того или иного события или отношения дезорганизует следственную и судебную деятельность, приводит ее к грубейшим нарушениям законности[1].

Для решения этих вопросов в последнее время все большее применение в судебно-медицинской практике находят методы компьютерных технологий, существенно повышающих объективность и научную обоснованность экспертных заключений.

Так, на протяжении с 2002-2013 гг., особую актуальность представляют собой научно-практические разработки альтернативных способов посмертного вскрытия, без использования инвазивных методов и с незамедлительным погребением в ходе применения, наряду с «классической» аутопсией – «виртуальной», проводимой с использованием компьютерной томографии и 3D технологий.

В этой связи, в настоящее время и впервые в РФ, при взаимодействии Следственного управления СК России по Тверской области и Тверского государственной медицинской академии, осуществляются исследования по возможному использованию метода СКТ в судебной медицине и криминалистике. Проведен анализ сравнительной картины КТ-изменений, при предварительном исследовании и данным вскрытия за трехлетний период (2010-2013 гг.) в Тверском областном бюро су-

[1] Давлетов А.А. Нормативная модель общей части доказательственного права в уголовном процессе // Государство и право. 1992. № 10. С. 63-66.

дебно-медицинской экспертизы и в Тверской областной клинической больнице.

Одним из достоинств метода СКТ является скорость проведения «виртуальной аутопсии», которая значительно превосходит выполнение традиционной физической аутопсии. Также этот метод позволяет сравнить степень поверхностных повреждений с внутренними, не подвергая мертвое тело секционному исследованию. Предварительное проведение лучевого обследования перед вскрытием в заведомо сложных случаях позволит судебно-медицинскому эксперту целенаправленно «идти» на зону выявленных патологических изменений. Возможности компьютерной томографии также актуальны при проведении экспертизы замерзшего трупа, т.к. нет необходимости ожидать его размораживания в течение нескольких суток, что нередко может привести к необратимым изменениям и безвозвратной потере улик, что значительно облегчило получение дополнительной информации работникам, проводящим следственные мероприятия в раскрытии преступления.

Методика компьютерной томографии уникальна своей мобильностью, т.е. его можно распечатать в традиционном варианте или же сохранить на электронном носителе, он поддается длительному хранению, занимает минимальный объем, позволяет получать цифровое изображение и 3-х мерную реконструкцию изображения с последующим воспроизведением на экране, определять формы объектов с заданной интенсивностью.

Полученные данные в реконструкции-3D можно хранить в электронном архиве, они более информативны в отличие от традиционного рентгенологического метода. Это позволит минимизировать ошибки судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов при первичном исследовании трупа, значительно снизить количество эксгумаций для проведения повторных экспертиз, сократить сроки проведения судебно-медицинских исследований, а соответственно и сроки следствия по уголовным делам.

В этой связи научно-практическая реализация применения методик компьютерной томографии в криминалистике и судебной медицине является одной из перспективных тем, в рамках деятельности Института повышения квалификации СК РФ, по применению новейших научно-технических достижений в области криминалистики, использования возможностей различных видов экспертиз для установления истины при расследовании уголовных дел.

Таким образом, установление истины по каждому уголовному делу возможно, несмотря на трудности, с которыми приходится сталкиваться органам следствия в процессе производства предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. Истина в уголовном процессе может быть достигнута только путем обнаружения,

фиксации, исследования и оценке доказательств. Но ее достижение по уголовному делу сопряжено с необходимостью приложения больших усилий следственными органами с использованием современных возможностей научно-технического прогресса.

Л.Г. Татьянина

Истина и достоверность: цель и результат доказывания

Вопрос истины в уголовном судопроизводстве находится в центре внимания. Нужна ли истина в уголовном процессе, и какая истина должна быть установлена, об этом говорят с различных позиций практически все ученые-процессуалисты[1]. Достаточно сложно придумать что-то оригинальное, чтобы обосновать свою позицию, но хотелось бы остановиться на нескольких моментах.

Истина – правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом, воспроизводящее их так, как они существуют вне и независимо от сознания; объективное содержание человеческого познания[2].

Истина должна быть целью доказывания, но результатом будет достоверность, максимально приближенная к истине, поскольку невозможно восстановить в деталях произошедшее преступление, особенно это касается его субъективной стороны. Истина должна иметь единое понятие и содержание, использование таких словосочетаний, как «формальная истина», «процессуальная истина», «юридическая истина» и т.д. представляется некорректным, поскольку в данном случае речь идет уже не об истине, а полученном результате, который пытаются подвести под истину с определенными оговорками. Достоверность является изменчивой категорией, в уголовном процессе она всегда зависит от качества процесса доказывания. Доля вероятности в ре-

---

[1] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1964; Фаткуллин Ф.М. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1971; Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. М., 1971; Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991; Васильев Л.М. Практика как критерий истины в уголовном судопроизводстве. Краснодар, 1993; Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывания и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004; Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе: монография. Волгоград, 2010; Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. … докт. юрид. наук. Н.Новгород, 2010.

[2] Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 516.

шении по уголовному делу определяется установлением некоторых деталей, характеризующих объективную сторону преступления, и особенностями установления субъективной стороны преступления.

Современный уголовный процесс, основанный на состязательности сторон, с возможным использованием различных согласительных процедур, установленных главами 40 и 40.1 УПК РФ, не связан качеством процесса доказывания по уголовному делу. При рассмотрении уголовного дела в порядке, установленном гл. 36-38 УПК РФ, суд исследует доказательства, представленные сторонами. Хотя он имеет право провести дополнительные следственные (судебные) действия, но с учетом прошедшего времени с момента совершения преступления, знакомства сторон с материалами уголовного дела и т.п., но полученный результат будет иметь определенные отклонения, связанные с изменениями в памяти, обстановке, состоянии человека. Необходимо учитывать, что в ходе предварительного расследования информация неоднократно корректировалась во время производства следственных действий, кроме того, она всегда имеет субъективную окраску. Очень часто по уголовным делам в ходе предварительного расследования стороной защиты заявляются ходатайства, в удовлетворении которых следователь или дознаватель отказывают. Удовлетворение в последующем указанных ходатайств бывает бессмысленным по различным причинам. Суд при рассмотрении уголовного дела в общем порядке исследует только те доказательства, которые ему представляют стороны и которые возможно получить по истечении определенного времени. Указанная ситуация не позволяет говорить о том, что в ходе судебного разбирательства устанавливается истина в ее собственном понимании. В данном случае можно говорить об установлении достоверного результата, который может отражать внешнюю картину произошедшего события, но мотивы, двигавшие его участниками, могут остаться не выясненными, хотя в решении по делу они будут обозначены.

При рассмотрении уголовного дела судом присяжных говорить об истине нецелесообразно. Полагаю, что ценность суда присяжных заключается не в том, что он существует, а в том, как он работает и какое отношение к нему в обществе. Если общество воспринимает суд присяжных положительно, то любой гражданин должен рассматривать, как честь участие в работе коллегии присяжных заседателей. Современная практика говорить обратное, поскольку при формировании коллегии присяжных заседателей высылается несколько сотен извещений гражданам с предложением принять участие в качестве (кандидата) присяжного заседателя, что говорит о негативном отношении к возможности участия в коллегии присяжных заседателей, соответственно к самому суду присяжных. Любая профессиональная деятельность, требующая специальных знаний, имеет свои сложности и особенности. Суд, постанавливая приговор, оценивает доказательства, при

этом судья оценивает их на основе внутреннего убеждения, одной из составляющих является наличие профессионального опыта и специальных знаний. Присяжные заседатели, в подавляющем большинстве, не имеют указанных знаний и опыта, они оценивают представленные доказательства на основе житейского опыта, с учетом особенностей представления доказательств сторонами, поэтому их решение не является профессиональным, ими не учитывается вся сложная система доказательств. Рассматривать вердикт присяжных как истинное решение невозможно, соответственно, приговор, постановленный с учетом вердикта, может иметь только достоверное содержание, в некоторых случаях далекое от истины.

Применение особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением не предполагает исследование доказательств в процессе судебного разбирательства. Кроме того, согласие с предъявленным обвинением не является тождественным понятию признания вины в совершении преступления. При применении особого порядка важно согласие с предъявленным обвинением, при этом позиция обвиняемого относительно фактических обстоятельств дела роли не играет. Законодатель не предусматривает также и выяснение мотивов принятия обвиняемым решения о заявлении ходатайства о применении особого порядка судебного разбирательства, либо это желание минимизировать наказание, либо это искреннее раскаяние и признание вины, либо желание экономии средств и т.д. Соответственно при применении порядка, установленного гл. 40 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела судья исследует доказательства до начала судебного разбирательства, когда он решает вопрос об удовлетворении заявленного ходатайства, в ходе судебного заседания доказательства не изучаются. В таком случае говорить об установлении истины невозможно, поскольку судья принимает решение с учетом имеющихся в уголовном деле письменных доказательств и заявленного обвиняемым ходатайства. Достоверность результата, отраженного в приговоре в указанном случае будет относительной, поскольку можно будет только предполагать о его правильности.

Наличие судов второй, кассационной и надзорной инстанций не является гарантией установление истины по уголовному делу, поскольку суды кассационной и надзорной инстанций проверяют законность вступивших в законную силу судебных решений, не вторгаясь в вопросы их обоснованности и справедливости. Суды апелляционной инстанции проводят исследование тех же доказательств, что и суды первой инстанции, получить новое доказательство бывает практически невозможно с учетом прошедшего времени после совершения преступления, что приводит к признанию постановленного решения суда первой инстанции законным и обоснованным.

Достоверный результат, максимально приближенный к истине может быть постановлен только в случае качественного производства предварительного расследования при удовлетворении всех ходатайств стороны защиты, связанных с собиранием и проверкой доказательств, что позволит более полно проверить не только версию обвинения, но и предлагаемые версии защиты. Истина может рассматриваться как цель доказывания, к которой должен стремиться исследователь, независимо кто им является следователь или судья, но результат всегда будет иметь определенные погрешности, которые не позволят его признать истинным.

Ю.В. Францифоров

Вопросы установления истины в уголовном судопроизводстве

Вопрос установления истины связан с необходимостью сопоставления знания с действительностью, обусловленный гарантией максимальной уверенности в подлинности этой действительности. Проблема заключается в том, что полной уверенности в подлинности действительности быть не может, поскольку наше знание сравнивается не с самой действительностью, а с ее восприятием, которое зависит от таких факторов, как жизненный опыт и наши умственные возможности. Мы не можем полагаться на ту действительность, которую желаем считать вполне реальной, поскольку воспринимаем ее чувственно-рациональным образом, а мир вокруг как бы заранее субъективно упорядочен нами еще до того, как мы стали проверять истинность знаний на соответствие с ним[1].

Проверка теории на соответствие фактам представляет собой субъектно-объектное отношение между мыслями и действительностью, которые не могут быть идентифицированы с высокой степенью точности из-за относительной независимости их составляющих, поскольку мысль не служит зеркальным отображением бытия, а лицо, обладающее мыслительными способностями, само является частью действительности.

Лишь в том направлении, куда лицо акцентирует свое внимание, эта область объективной реальности становится объектом познания. Но и в самом проявлении активности субъекта познания заключено гносеологическое противоречие, поскольку он познает данный предмет настолько глубоко, насколько позволяют ему его образовательные и интеллектуальные способности. Поэтому предмет, ставший объектом изучения, как бы приобретает новые свойства, о которых не было известно и которые следует именовать объективной реальностью, реали-

[1] Оганов А.А. Познавательное отношение человека к миру. М., 2004. С. 473.

зующейся благодаря познавательной деятельности. Таким образом, возникает противоречие между совокупностью явлений, позволяющих чувственно воспринимать мир и совокупностью вещей в себе, закрытых от чувственного восприятия. По мнению И. Канта, человек не способен воспринимать мир таковым, каким он есть, но он способен его познать таковым, каковым позволяют ему это сделать его познавательные способности[1].

Утилитарно-прагматическая концепция в отношении истинного знания говорит о том, что знание оценивается как истинное в том случае, если оно способствует обеспечению конкретного результата, например, в уголовном судопроизводстве – это получение доказательств, в качестве сведений, на основе которых суд, прокурор, следователь и дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Учитывая особую сложность понимания такой категории, как истина, периодически возникают предложения отказаться от ее использования, что свойственно постмодернизму в философии[2], провозгласившему тезис невозможности существования истины как таковой.

Наиболее приемлемо, по нашему мнению, представляется рассмотрение понятия истины с диалектических позиций. Истину следует рассматривать не только как определенный результат, но в большей мере как процесс, в котором находят диалектическое взаимодействие элементы абсолютности и относительности, не претендующие на окончательность и завершенность своего состояния.

Процессуальный характер истины, диалектика абсолютных и относительных, субъективных и объективных ее элементов приводят нас к необходимости оценки знания, определения его в качестве истинного или ложного.

Следует согласиться с тем, что действительное бытие предмета не может полностью соответствовать своей сущности, поскольку невозможен в идеале процесс приведения предмета в соответствие с его понятием, как и невозможно совпадения мысли с самим бытием предмета. Этот процесс, по сути, невозможен при диалектико-материалистическом понимании истины, так как истина, которая по логике вещей должна соответствовать непосредственной данности предмета, превращается в его отрицание, поскольку переступает эмпирическую действительность наличного бытия.

По нашему мнению, эти соображения вынудили законодателя поставить под сомнение возможность установления истины по уголовному делу. Вместе с тем, в ч. 4 ст. 152 УПК говорится об обеспечении

---

[1] Кант И. Сочинения. М., 1966. Т. 5.

[2] Панвиц Р. Кризис европейской культуры. М., 1972. С. 124.

полноты и объективности предварительного следствия, в ч. 2 ст. 154 УПК о всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела, а в ч. 6 ст. 340 УПК о нарушении принципа объективности и беспристрастности, что позволяет судить о том, что требованиями этих норм является достижение истины.

Несмотря на то, что термин «истина» содержался в ст. 89, 243, 246, 257, 280, 285 УПК РСФСР 1960 г., в УПК РФ о цели достижения истины ничего не сказано. Отдельные ученые отрицание необходимости установления объективной истины в уголовном судопроизводстве связывают с введением суда присяжных, обнаружившего ряд проблем, которые автоматически были перенесены и на «обычное» судопроизводство[1].

По мнению П.А. Лупинской, «требование достижения истины по каждому делу присуще инквизиционному процессу, который представлял возможность использовать для этого любые средства, в том числе и те, которые не совместимы с защитой жизни, здоровья, чести и достоинства человека»[2].

Однако, освободив суд от обязанности устанавливать истину, законодатель не мог лишить его возможности полно и объективно исследовать обстоятельства дела и устанавливать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также те, которые могут повлечь за собой освобождение лица от уголовной ответственности и наказания.

По мнению А.С. Александрова, «убеждение суда в виновности подсудимого основывается не на познании объективной истины, а на такой степени доказанности вероятной виновности подсудимого по предъявленному ему обвинению, которая исключает разумные сомнения в его невиновности»[3].

Это говорит о том, что приговор суда, каким бы он не был обоснованным, все же не устанавливает судебную истину, поскольку определяет не абсолютное и точное, а вероятностное знание.

По мнению А.Б. Соловьева, «…отказ от принципа установления истины в уголовном процессе, равно как и исключение из УПК принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств преступления, в свою очередь, подрывает принцип законности в уголовном судопроизводстве»[4]. Данное утверждение не следует понимать,

---

[1] Ивенский А.И., Тихонов А.К., Громов Н.А. Истина и проблема ее достижения в уголовном процессе // Право и политика. 2004. № 10. С. 75.

[2] Лупинская П.А. Доказательственное право в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // мат-лы Межд. науч.-практич. конф. посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002. С. 80.

[3] Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 172.

[4] Соловьев А.Б. Доказывание по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (досудебные стадии). М., 2003. С.13-17.

как аксиому, поскольку принцип законности независим от требования установления истины. Абсолютная истина не может быть установлена как в досудебном производстве, так и в суде, однако необходимость полноты, объективности и справедливости принимаемого решения требует соизмерять его усилия с принципами уголовного судопроизводства, в основе которых лежит законность.

Решения суда не могут быть абсолютно достоверными, их справедливость и убедительность определяются в зависимости от уровня обоснования аргументации сторон. Результатом рассмотрения уголовного дела будет не абсолютная истина, а установление обстоятельств характеризующих картину происшедшего события. «Это – констатация отдельных фактов, отражение в сознании лица конкретных событий, поступков людей, обстоятельств, оцениваемых зачастую под углом зрения альтернативы: было – не было, есть – нет, по правилам – не по правилам»[1]. Утверждение суда о признании виновным либо об оправдании лица важно для аудитории, в которой оно провозглашается, что отвечает требованиям нравственности и закона, поскольку в приговоре заключено не абсолютное, а вероятное знание, основанное на гипотезе, вероятность которой настолько высока, насколько это соответствует здравому смыслу.

Идея заключается не в том, чтобы установить во что бы то ни стало «истину» о событии, а в том, чтобы выяснить, какое объяснение данного события отражает наиболее правдоподобное его восприятие, наиболее точно отражает существующую реальность[2]. А поскольку абсолютной уверенности в точности восприятия события по конкретному уголовному делу нет, да и быть не может, то истина в уголовном судопроизводстве отличается не абсолютностью, а лишь объективностью своего содержания – быть истиной факта. В сфере, именуемой уголовным процессом, можно и нужно говорить об истинности способа уголовно-процессуальной деятельности, но не о ее результате[3].

Понятно, что не может быть установлена абсолютная истина в результате проведенного голосования присяжных заседателей либо в случае постановления приговора без осуществления судебного разбирательства. В любом случае суд, не являясь очевидцем происшедшего, лишь устанавливает ответственность лица на основе фактов, информативного содержания которые он получает от свидетелей и сторон, участвующих в процессе, хотя само решение суда, не зависимо от суждения сторон, уже считается истинным. В то же время суд обладает

---

[1] Бушуев А.М. Философия. М., 2005. С. 312.

[2] Воронов А.А. Установление истины не есть критерий законности // Закон и право. 2004. № 7. С. 27-30.

[3] Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис. ... докт. юрид. наук. Ярославль, 1991. С. 99.

полномочиями, наравне с дознавателем, следователем и прокурором (ч. 1 ст. 86 УПК) по собиранию доказательств, проверяет и оценивает им же собранные доказательства, путем производства следственных и иных процессуальных действий, с чем вряд ли следует безоговорочно согласиться (ст. 87 и 88 УПК). Но, поскольку доказательственный материал суду должны предоставлять стороны, обладающие материальной и формальной диспозитивностью, то суду в этом отношении свойственна меньшая степень активности, которая граничит с большой долей вероятности субъективности принимаемых им решений, связанных с оценкой доказательств, предоставленных сторонами.

Однако, умолчание в УПК РФ о необходимости достижения истины, не позволяет прийти к выводу об ее отсутствии в уголовном судопроизводстве, что подтверждено требованием обеспечения всесторонности, полноты и объективности при производстве расследования и вынесения процессуальных решений (ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154, ч. 1 ст. 330 УПК РФ).

Таким образом, объективная истина в уголовном судопроизводстве представляет собою не только цель, но и средство процесса доказывания, отождествляясь с процессом познания факта совершенного преступления, гарантируя вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

Ю.Л. Шепелева

Объективная истина в уголовном процессе: политико-правовой аспект

Вопросы, связанные с достижением истины в уголовном процессе в российской юридической науке относятся к числу дискуссионных. В настоящее время новую волну споров о сущности объективной истины в уголовном процессе, необходимости ее установления в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу, законодательного закрепления объективной истины как цели и принципа уголовного судопроизводства вызвал опубликованный в 2012 г. на сайте СК России проект внесения изменений в действующий УПК РФ. Данный законопроект направлен на усиление гарантий, обеспечивающих справедливость правосудия, отправляемого в форме уголовного судопроизводства. Достижению этих целей должно способствовать введение в действующий УПК РФ института установления объективной истины по делу, рассматриваемой как «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения»[1].

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-

У данного законопроекта существует большое количество, как сторонников, так и критиков. Сомнения в целесообразности принятия указанного законопроекта часто связывают с наличием противоречия концепции объективной истины и принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. В этой связи представляется справедливым замечание В.А. Азарова о том, что «состязательность – не застывший и на все времена абсолютно определенный феномен, она содержательно проявляет себя совершенно по-разному, и зависит это от «контекста», точнее – от правовой системы, в которой состязательность реализуется»[1]. В смешанном уголовном процессе, к которому относится и российский, в рамках досудебного производства ей отводится скромное место. В то же время в судебном производстве состязательность выходит на первое место, подкрепляясь принципом равноправия сторон, но все же при гораздо большей активности суда, исторически использующего все средства для формирования таких свойств приговора, как истинность, правосудность и справедливость. В таком понимании прослеживается ее абсолютная гармония с объективной истиной и требованием всестороннего, полного и объективного установления и исследования всех обстоятельств дела.

В пользу института установления объективной истины по уголовному делу свидетельствуют и международные правовые стандарты. Истина и справедливость являются в современном мире общепризнанными ценностями, источником которых выступает концепция естественных прав человека. Справедливое судебное разбирательство выступает в настоящее время в качестве одного из международно-правовых требований и включает: право на обращение в суд; соблюдение правил о допустимости и оценке доказательств; обоснованность решений; принцип «равенства сил», право быть судимым независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона; рассмотрение и разрешение дела в разумный срок; презумпция невиновности; обеспечение права на защиту, и, что представляет в контексте рассматриваемого нами вопроса наибольший интерес, необходимость установления истины по уголовному делу[2].

процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по делу». URL: http:// http://sledcom.ru.

[1] Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5). С. 9.

[2] Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960-2002 гг. СПб., 2004. С. 275-513; Лукайдес Л.Г. Справедливое судебное разбирательство // Российская юстиция. 2004. № 2.С. 8-20.

Институт установления объективной истины по уголовному делу приобретает, на наш взгляд, особое значение в контексте активно идущих в России процессов реформирования. Так, повышение качества и эффективности предварительного следствия является одной из основных задач государственной программы РФ по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности[1]. Целью указанной программы является повышение качества и результативности противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности, а также доверие к правоохранительным органам РФ со стороны населения.

И в этой связи необходимо подчеркнуть, что институт установления объективной истины в уголовном судопроизводстве является одним из инструментов по повышению доверия граждан к правоохранительным органам, и прежде всего, к органам предварительного следствия и суда. Это следует из прямой зависимости справедливости принимаемых судом решений по делу от всесторонности, полноты и объективности исследованных доказательств, которые, в свою очередь, опираются на истинность (объективную правильность) установленных обстоятельств совершенного преступления. Именно исходя из данных позиций, формируется оценка результатов расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел со стороны населения, широкой общественности.

Как справедливо отмечает Ю.П. Боруленков, «поставленная руководством страны задача усиления борьбы с преступностью, особенно организованными ее формами, коррупцией, с неизбежностью требует законодательного закрепления установления объективной истины и как цели, и как принципа уголовного процесса, что, в свою очередь, предполагает теоретическую разработку и практическую реализацию мер, направленных на оптимизацию решения поставленной задачи»[2].

Таким образом, вопрос об объективной истине в уголовном процессе тесно связан с общим направлением развития правовой системы России в целом, и уголовно-процессуального законодательства, в частности. Истина и стремление к ее установлению является общечеловеческой ценностью, наличие которой в уголовно-процессуальной сфере, где решается судьба человека, безусловно необходимо. Истина нужна и для реальной защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, защиты невиновных граждан от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод, и поэтому требование установления всех обстоятельств дела в соответ-

---

[1] Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2013 № 33-р «Об утверждении государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»». URL: http:// http://government.ru.

[2] Боруленков Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4(5). С. 48.

ствии с объективной действительностью должно быть закреплено в уголовно-процессуальном законе.

А.М. Шувалова

Проблемы достижения истины при производстве допроса.

Вопрос о возможности достижения в процессе уголовного судопроизводства объективной истины, как в науке, так и в практике, является спорным.

Практическая задача расследования уголовного дела заключается в том, чтобы установить обстоятельства дела в соответствии с тем, что имело место в действительности[1]. Однако событие преступления имело место в прошлом, а следователь, осуществляющий предварительное расследование по уголовному делу познает это событие в настоящем. Сказанное заставляет задуматься о возможном искажении полученных доказательств, то есть сведений о преступлении, содержащихся в протоколах допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых. В криминалистике такие сведения принято называть идеальными следами.

Конечно, любое событие, в том числе преступление, отражаясь в окружающем мире, оставляет в нем и материальные следы. Однако даже материальные объекты, в частности вещественные доказательства, сами по себе не объясняют исследуемые события, а требуют соответствующей интерпретации путем пояснений свидетелей, потерпевших, экспертов об обстоятельствах их обнаружения, происхождения, причинах и механизме образования следов и т.д.[2] Таким образом, информационное содержание материальных и идеальных следов выявляется исключительно посредством человеческой деятельности, совершаемой в ином временном пространстве.

Любое событие прошлого существует в виде представлений о нем в памяти различных субъектов. Но память индивидуальна, т.е. субъективна. Она зависит не только от состояния органов чувств и других особенностей субъекта, но и от того, насколько близко его коснулось это событие, насколько он в это событие был вовлечен. На формирование образов памяти влияет система ценностных ориентации, эмоциональная окраска события, восприимчивость к посторонним влияниям и многое другое. Поэтому событие прошлого существует не в виде объек-

---

[1] Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. М., 2013. С. 252.

[2] Туленков Д.П. Проблемы достижения объективной истины в уголовном процессе // Российский судья. 2013. № 4. С. 33-35.

тивной реальности, а исключительно в виде множества субъективных представлений об этой реальности[1].

В процессе познания события преступления следователь получает информацию о нем (в основном на основе вербальной коммуникации людей), но информация о событии прошлого не всегда соответствует самому событию, так как обнаружение оставленных преступлением следов, извлечение из них информации об имеющих значение для дела обстоятельствах, ее исследование и интерпретация — многоэтапная человеческая деятельность, подверженная влиянию большого числа разнообразных факторов.

Яснее всего мы видим это на примере такого следственного действия, как допрос.

Допрос – это процесс получения показаний от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого дела. Это самое распространенное, но и самое сложное следственное действие. И дело не только в том, что следователю нередко противостоит человек, не желающий говорить правду или вообще давать показания; ошибаться, заблуждаться может и искренне стремящийся сообщить все известное ему по делу. Искажение и вымысел надлежит своевременно обнаружить и учесть при оценке и использовании показаний[2].

Так, при допросе, свидетель, видевший убегающего подозреваемого указал, что он был одет в куртку черного цвета, в последующем, при проведении следственного эксперимента выяснилось, что с указанного расстояния все темные оттенки различного цвета кажутся черными.

Другим примером может служить допрос малолетнего потерпевшего, который рассказал следователю, что мужчина (подозреваемый) был рыжим. В ходе расследования установлено, в момент совершения преступления на преступнике была футболка белого цвета с надписью «рыжий», тогда как сам он имел русый цвет волос.

При передаче образов, сохранившихся в памяти, допрашиваемые лица могут добросовестно заблуждаться. Поэтому необходимо учитывать, что процесс формирования показаний – от восприятия до передачи информации – носит психологический характер; на всем его протяжении на психику человека влияют многочисленные объективные и субъективные факторы, действие которых в конечном счете так или иначе отражается на полноте и достоверности показаний. Такими, например, объективными факторами, препятствующими восприятию расследуемого события или его элементов, являются неблагоприятные

---

[1] Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. М., 2012. С. 36.

[2] Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2013. С. 587.

погодные условия, отдаленность наблюдателя от места события, кратковременность этого события или наблюдения и т.п.

Точно так же влияют и субъективные факторы: сильное возбуждение, страх, утомление, произвольность или непроизвольность внимания, отсутствие или наличие интереса к наблюдаемому и т.п.[1]

Важнейшей особенностью восприятия информации является ее выборочный характер. Человек получает зрительную, звуковую, осязательную, вкусовую информацию и запах. Однако он воспринимает не всю поступающую к нему информацию. Он слышит или видит не все звуки и не все световые сигналы, а только те, которые имеют для него значение. При этом на отбор информации влияние оказывают не только физические возможности органов чувств воспринимать информацию, но и такие личностные особенности человека, как отношение к происходящему, его предыдущий опыт, его система ценностей, настроение, то есть информация как бы проходит через определенный фильтр. Неважная или ненужная, с точки зрения субъекта информация отбрасывается. Например, человек может не слышать разговор людей, стоящих рядом, в том случае, если он его не интересует. В то же время отбор информации может привести к потере важной информации либо к существенному искажению реальности.

Действие всех этих факторов должно быть хорошо известно следователю. Он также должен знать основанные на данных судебной психологии тактические приемы, позволяющие ослабить вредное влияние этих факторов на полноту и объективность показаний, оживить память о воспринятом, упорядочить воспроизведение хранящейся в памяти допрашиваемого информации.

Кроме того, существует проблема восприятия следователем информации, проблема фиксации ее в протоколе.

Так, при производстве осмотра места происшествия, следователь, описывая одежду трупа, в протоколе осмотра указал, что на трупе одета «кофта в клетку», в действительности на трупе была гипюровая прозрачная блузка.

Подводя итог, следует признать, сведения, получаемые следователем о прошедшем событии всегда субъективны и существуют в его сознании. Расследуя уголовное дело, должностное лицо сопоставляет свои знания о преступлении не с объективной реальностью, а с другими знаниями, т.е. с доказательствами, которые сами являются результатом действий субъекта и потому не могут претендовать на абсолютную объективность.

---

[1] Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. М., 2013. С. 587.

С.Н. Юсупкадиева

Версия как средство установления истины в уголовном судопроизводстве

Расследование преступления – это не только процесс познавательный, одна из разновидностей познания объективной действительности, но и творческий. На первоначальном этапе расследования следователь чаще всего располагает лишь вероятными предположительными знаниями о преступлении и лице, его совершившем. Для того, чтобы получить доказательства по делу и установить истину, необходимо предположительно объяснить как происходило преступное событие, что ему предшествовало, а также наличие или отсутствие иных событий и фактов, имеющих значение для дела. Такое логически обоснованное предположение, вытекающее из фактических материалов дела и построенное с учетом опыта расследования аналогичных дел, называется версией[1].

В основе творческого информационно-поискового процесса, направленного на разрешение проблемных ситуаций, лежит, во-первых, исследование исходных данных путем применения логических приемов: анализа, синтеза, аналогии, индуктивного обобщения, статистической дедукции, моделирования, т.е. «вычерпывания» из исходного объекта дополнительной информации, и, во-вторых, психологические новообразования (вероятностные образы, модели неизвестных, но предполагаемых обстоятельств), связанные с субъективным открытием нового. В раскрытии преступлений таким наиболее эффективным творческим процессом является построение и проверка следственных версий.

Логико-психологический механизм версионного метода позволяет одновременно дать вероятностные объяснения уже установленным фактам и сделать обоснованные предположения относительно еще неизвестных обстоятельств[2].

Как известно, версия – это разновидность гипотезы, под которой в логике понимается предположение, объясняющее происходящее, существование или сущность фактов, а также причины изучаемого явле-

---

[1] Планирование расследования преступлений: Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. Мн., 2000. С. 107.

[2] Драпкин Л.Я. Проблемные ситуации и основные методы их разрешения в процессе расследования / Проблемы эффективности раскрытия и расследования преступлений. Свердловск. 1978. С. 14.

ния. Под версией в криминалистике понимается суждение, предположительно объясняющее, истолковывающее событие преступления[1].

Следственные версии выдвигает и проверяет следователь для уяснения сущности события и всех его обстоятельств. Другими словами, версии могут быть как общими (предположительное объяснение события, имеющего признаки преступления в целом), так и частными (предположительное объяснение отдельных сторон, элементов этого события).

Следственные версии всегда относятся к обстоятельствам конкретного уголовного дела, основываются, как правило, на фактических данных, полученных процессуальным путем, т.е. на доказательствах, и подлежат проверке только в процессуальных формах – посредством следственных действий. Результаты проверки следственных версий образуют новые доказательства[2], которые позволяют нам познать истину и раскрыть преступление.

Большое практическое значение имеют типичные, или типовые версии. Р.С. Белкин по этому поводу пишет: «Под типичной версией понимается наиболее характерное для данной ситуации, с точки зрения обобщенной следственной или судебной практики, предположительное объяснение факта или расследуемого событие в целом. Смысл использования этих версий заключается в объяснении события при минимальных исходных данных, что необходимо для выбора направления в самом начале»[3]. Такое разъяснение представляется несколько противоречивым. Различия между следственными версиями и так называемыми типичными версиями по ряду критериев могут быть сведены в следующую таблицу[4].

Критерий	Следственная версия	Типичная версия
Характер знания	Предположение	Достоверное знание
Объем объясняемого	Единичное явление	Класс явлений
Непосредственная цель	Познание единичного в данной ситуации	Методическое обобщение для использования в разных ситуациях

Исходя из рассмотренных в таблице различий, которые нам кажутся настолько существенными, можно сделать вывод, что нельзя рас-

[1] Планирование расследования преступлений: Курс криминалистики / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов; под ред. Н.И. Порубова. С. 107 .
[2] Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 6.
[3] Белкин Р.С. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 422.
[4] Ларин А.М. Указ. соч. С.8.

сматривать так называемую типичную версию как разновидность следственной версии, т.к. типичная версия – это наиболее общее, типичное объяснение события, когда конкретной информации о нем еще слишком мало, эта информация противоречива, не вполне достоверна.

Типичные версии имеют очень большое практическое значение, во-первых, они помогают организовать работу по делу в самый первый, наиболее ответственный момент расследования и, во-вторых, дают возможность более целенаправленно проверять отдельные обстоятельства происшествия. В самом начале расследования планирование работы осуществляется на основе типичных версий. Составить на этом этапе письменный план обычно просто не хватает времени, да и фактического материала для его составления у следователя еще не бывает. Опираясь на типичные версии, следователь мысленно намечает программу своей работы и проводит первоначальные следственные действия и другие необходимые мероприятия.

Версии определяют направление расследования, поэтому их разработка – важнейшая и ответственнейшая часть планирования. Представив себе (применительно к предмету уголовного дела) все возможные варианты фактического хода исключения (или перебора), следователь устанавливает действительную картину происшедшего. Разработав на основании имеющихся данных предположения о характере и ходе расследования события, он намечает пути и способы отыскания фактов, которые должны существовать, если то или иное предположение справедливо. Обнаружение или необнаружение таких фактов является ориентиром, указывающим на дальнейшее направление расследования. В ходе разработки и проверки версий, выдвинутых по тому или иному делу, они постепенно детализируются. Проверка предположений, детализирующих версии, позволяет, в конце концов, исключить все, кроме одной, сформулированной в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении по делу.

Деятельность следователя по построению версии складывается из трех элементов:

1. Получение исходной информации и формирование фактической базы. Фактическая база по конкретному уголовному делу формируется в результате производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, т.е. в результате практической деятельности следователя путем сбора, детализации и упорядочивания собранных фактов. Система полученной информации находится как бы «внутри» уголовного дела и ограничена его процессуальными и объемно-логическими рамками. Поскольку во многих случаях объем информации о совершенном преступлении незначителен, следователь должен обратиться к дополнительному источнику информации, которым является теоретическая база версии – это информация, которая находится

за пределами расследуемого уголовного дела, расположена вне его процессуальных и объемнологических рамок.

2. Ее логическая обработка и формирование теоретической базы. Теоретическая база представляет собой совокупность сведений, имеющих предположительное, приблизительное отношение к неизвестным по делу обстоятельствам, это результат мысленного обобщения расследуемого преступления с аналогичными уголовными делами. Информация первого порядка находится как бы «внутри» уголовного дела. Второго – за его рамками, в виде обобщенных данных (криминалистические характеристики преступной деятельности, фактические презумпции, личный и обобщенный опыт следователя, его интуиция, знания различных наук и т.д.), которые актуализируются следователем с учетом содержаний фактической базы.

3.Построение умозаключений и формулирование версий. Эвристическое сопоставление конкретных исходных данных фактической базы с актуализированными обобщенными данными теоретической базы позволяют сформировать и вывести вероятностное знание – следственную версию.

Как точно было подчеркнуто Л.Я. Драпкиным, от информативных свойств фактической базы зависит эффективность процесса построения версий и ее эвристические возможности[1].

К общим принципам построения версий, с учетом соответствующих разработок И.М. Лузгина, мы относим: а) изучение всей информации о событии преступления с целью определения, для объяснения каких именно обстоятельств и для ответа на какие вопросы надо строить версии; б) по каждому из неясных обстоятельств или вопросу, на который нельзя дать достоверный ответ на основе имеющейся информации, должны быть построены все реально возможные версии; в) для построения версии должны быть использованы любые источники информации (как процессуальные, так и непроцессуальные), включая опыт и интуицию следователя[2].

При планировании расследования преступления необходимо выдвигать и целенаправленно разрабатывать множество различных версий, что приведет к быстрому и эффективному расследованию и раскрытию преступления. Р.С. Белкин прав, когда пишет, что расследование, ограниченное одной версией, несовместимо с требованием закона о полном, объективном и всестороннем исследовании обстоятельств дела.

---

[1] Драпкин Л.Я. Построение и проверка следственных версий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1972. С. 18.

[2] Лузгин И.М. Учение о криминалистической версии. Криминалистика. Т. 1. М., 1995. С. 180.

Следователя не должно пугать, что в процессе расследования он будет иметь дело с различными версиями. Фактически от этого ничего не меняется. В практике расследования версии неизбежно возникают и разрешаются следователем. Следователь может не называть свои предположения версиями, но применение научного названия версии к предположениям, возникающим у него по поводу различных обстоятельств расследуемого события, ни в какой мере не осложняет его работу, понимание их природы лишь поможет ему в правильном использовании версии для установления истины по делу.

Возможность и необходимость одновременной проверки всех наличных версий ученые иногда ставят под сомнение, ссылаясь на то, что следователь не успевает одновременно работать над несколькими версиями. Занимая иную, на наш взгляд, правильную позицию, Я. Пещак замечает, что не следует смешивать два разных вопроса: 1) о параллельной, или поочередной проверке версий и 2) об очередности следственных действий. Параллельная, одновременная проверка всех взаимоисключаемых версий возможна, необходима и неизбежна. Однако это не исключает продуманного определения очередности следственных действий в зависимости от их срочности и неотложности[1].

Разумеется, очередность следственных действий небезотносительна к версиям. Так, при прочих равных условиях предпочтения в смысле срочности и неотложности заслуживают действия:

а) направленные на собирание доказательств, которые могут быть утрачены в случае промедления (осмотр места происшествия, обыск, установление и допрос случайных очевидцев, а также лиц, от которых можно ожидать сговора о даче ложных показаний и др.);

б) направленные на розыск, изобличение и изоляцию преступника, если

его пребывание на свободе представляет опасность для общества;

в) направленные на выяснение оснований для предъявления обвинения подозреваемому, находящемуся под стражей;

г) рассчитанные на получение ответа по наиболее широкому кругу вопросов, существенных для дела;

д) служащие основаниями для выполнения трудоемких и длительных мероприятий, поручаемых другим лицам (назначение ревизии, экспертизы, отдельные поручения о производстве следственных или розыскных действий; объявление розыска обвиняемого и др.);

е) не сопряженные с риском разглашения данных дела, которыми могли бы воспользоваться преступник и связанные с ним лица[2].

Предлагаемый перечень показывает связь планируемой последовательности действий с прогнозными версиями о периоде сохранения

---

[1] Пещак Я. Следственная версия. М., 1976. С. 29.

[2] Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976. С. 182-183.

следов на материальных предметах, о возможности сговора, об информационной ценности предполагаемых результатов различных намеченных следственных действий.

Итак, построение всех реально возможных версий относительно каждого подлежащего выяснению обстоятельства дела – необходимое условие объективности, всесторонности и полноты раскрытия и расследования преступления.

Секция
«Уголовная ответственность юридических лиц: вопросы процессуального права»

В.Г. Беспалько

Религиозно-нравственные предпосылки дискуссии о коллективной (корпоративной) уголовной ответственности и некоторых процессуальных аспектах ее реализации

Несмотря на то, что при разработке и принятии в 1996 г. УК РФ законодатели отказались от признания юридических лиц и иных объединений граждан коллективными субъектами уголовной ответственности, внимание юридической общественности к этой идее не ослабевает. В отечественной науке уголовного материального и процессуального права соответствующие законодательные инициативы выдвигаются, обосновываются и обсуждаются с завидным постоянством. Среди наиболее умеренных из них можно выделить предложения об установлении уголовной ответственности организаций за преступления коррупционной направленности[1], экологические преступления[2] и др. При этом обычно за основу формирования норм института коллективной (корпоративной) уголовной ответственности предлагается взять соответствующий опыт зарубежных государств.[3]

Однако, по нашему убеждению, практическая реализация таких предложений с точки зрения эволюции российского уголовного права и процесса стала бы значительным шагом назад. В принципе сегодня можно утверждать, что вся предшествующая история развития социальных норм (религиозных, нравственных, правовых и др.), если взглянуть на нее сквозь призму института субъекта уголовной ответственности, является ни чем иным, как сложным и длительным процессом постепенного перехода от коллективной ответственности общины и других социальных групп за вину их членов к личной ответственности индивида за его субъективно виновное поведение, сопровождаемым усилением процессуальных гарантий достоверного установления этой личной вины. Результатом такого развития стало юри-

---

[1] Полукаров А.В., Куракин А.В. О необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за коррупцию в сфере здравоохранения // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 24-29.

[2] Фаткулин С.Т. Уголовная ответственность юридических лиц за экологические преступления // Законность. 2012. № 11. С. 7-10.

[3] Цупиков Т.Н. Особенности правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц в государствах романо-германской и англо-саксонской правовых семей // Международное публичное и частное право. 2013. № 2. С. 43-45.

дическое закрепление в российском уголовном праве принципа вины или субъективного вменения (ст. 5 УК РФ), который, облачившись в процессуальные одежды, преобразился в центральный принцип уголовного судопроизводства – принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ).

Поскольку правовые системы всех государств нынешней «христиано-иудео-мусульманской цивилизации»[1] своими историческими корнями восходят к древним ветхозаветным нормам Моисеева законодательства, дошедшего до нас в виде первых пяти книг Библии, именуемых Пятикнижием или Торой, постольку и мы для обоснования собственной позиции по вопросу уголовной ответственности организаций обратимся к соответствующим положениям Моисеева уголовного права.

Первая книга Ветхого Завета, книга Бытия, повествует о самом древнем периоде библейской истории – от сотворения мира и человека до жизнеописаний святых патриархов. В ней же обнаруживаются и ветхозаветные истоки уголовного права, включая многие его принципы и институты, а также конкретные уголовно-правовые запреты, преступления и наказания[2]. Анализируя последние, нельзя не отметить, что в начальный период ветхозаветной истории утвердился и массово применялся институт коллективной уголовной ответственности. Об этом свидетельствуют библейские сюжеты о тотальном наказании всего развращенного человечества гибелью в водах всемирного потопа за преступления против Бога (Быт. 6, 13-18), об истреблении дождем из огня и серы грешных жителей Содома и Гоморры за преступную жестокость и безнравственность (Быт. 19, 12-22) и др. Но даже на заре становления права и правосудия, когда институт коллективной ответственности служил объективным отражением родоплеменного уклада жизни, можно обнаружить зарождение идеи персональной виновной ответственности, выразителем которой в книге Бытия стал патриарх Авраам. В предшествующем уничтожению Содома диалоге Господа и Авраама последний иносказательно выразил прописанные ныне de-jure в государственных законах такие взаимосвязанные принципы уголовного права, как вина (ст. 5 УК РФ) и справедливость (ст. 6 УК РФ): «Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?»

---

[1] Протоиерей Александр Мень. От рабства к свободе. М., 2008. С. 49.

[2] Беспалько В.Г. Генезис уголовного права и характеристика его отдельных институтов согласно Книге Бытия // Пути промысла Божия и святоотеческое наследие: сб. докладов IV направления XVI Международных Рождественских образовательных чтений «Православные ценности и современное образование» (2008 г.). Вып. 2. М., 2009. С. 52-63.

(Быт. 18, 25). Именно эти принципы исключают сегодня возможность привлечения организаций и иных объединений граждан как коллективных субъектов правоотношений к уголовной ответственности. Как результат провозглашенной Авраамом справедливости Божьего суда, милость Господа заслужили только невиновные в беззакониях праведник Лот и его дочери, а остальные жители Содома были уничтожены огнем и серой, пролитыми с неба. По мнению богословов, отсутствием какой-либо оценки массовой казни жителей Содома и Гоморры в тексте Библии «повествование указывает на то, что Судия действовал справедливо, поскольку мы не слышим здесь возражений ни со стороны повествователя, ни со стороны Авраама»[1].

Вторая книга Библии – Исход занимает центральное место в библейской истории развития Моисеева законодательства, включая всемирно известные Десять заповедей и Синайскую редакцию Книги Завета – писанного свода законов, имеющего преимущественно уголовно-правовой характер[2]. Именно в Синайском уголовном законодательстве содержится нормативное установление, которое современные сторонники коллективной (корпоративной) уголовной ответственности могут использовать в качестве теологического обоснования правоты своих убеждений, но которое представляется нам противоречащим принципу справедливости правосудия и логически вытекающему из него принципу личной ответственности за совершенное преступление: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20, 5-6). Данное законоположение повторяется Господом Моисею после постановления Синайского закона: в главе 34 книги Исхода говорится о Боге, что Он есть «наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34, 7). В связи с этим британский библеист А. Томпсон убежден в отсутствии в древнем деликтном еврейском праве такой характерной черты принципа справедливости, как индивидуальная ответственность, ибо «Бог не мог преждевременно предложить идею личной ответственности людям, которые привыкли понимать ее в коллективном смысле», для которых «границы «личности» отдельного человека расширены во времени и пространстве… она вбирает в себя членов семьи человека, его племя, его народ… выходит за пределы срока жизни отдельного человека,

---

[1] Брюггеман У. Великие молитвы Ветхого Завета. М., 2009. С. 49-50.

[2] Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904; Беспалько В.Г. Понятие, признаки, система и виды преступлений в Синайском уголовном праве (по материалам книги Исхода) // Публичное и частное право. 2011. Вып. III (XI). С. 19–34; Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: система правонарушений // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 40-42.

потому что продолжает оказывать влияние и после его смерти»[1]. То есть Синайское уголовное право опирается на племенное сознание и коллективную ответственность, характерные для родовой общины как Древнего Израиля, так и Древней Руси. Русский богослов П. Аксенов вообще полагал, что «угроза гневом Божиим за нечестие родителей карой на их детей, по-видимому – … не юридическое установление», и писал, что «карающий перст Божий, на жертву Которого обрекаются дети за родителей, понимаемый в смысле естественно-психологическом, означает то, что нечестие-преступность в некотором роде передается наследственно»[2]. Но совершенно иначе разъяснил этот фрагмент ветхозаветного повествования русский библеист А.П. Лопухин: «Иегова наказывает детей за вину отцов, не безвинных детей за преступления предков, что несогласно с Писанием (Втор. 24:16; Иер. 31:30; Иез. 18:1-32), а тех детей, собственная преступность которых (ненавидящих меня) коренится в виновности их отцов»[3]. Такое толкование нормы о наказании детей за вину отцов уже приспособлено к морали нового времени и потому не только не противоречит принципам справедливости и виновной ответственности в уголовном судопроизводстве, но даже утверждает их, хотя, на наш взгляд, оно расходится с буквальным смыслом процитированных древних строк книги Исхода.

Схожая норма об ответственности детей за вину отцов (т.е. о родовой или коллективной вине) содержится и в более поздней Девтерономической редакции Моисеева уголовного права, представленной в книге Второзакония, замыкающей Пятикнижие: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня» (Втор. 5, 9). Однако, несмотря на данное повторение, Девтерономический уголовный кодекс Моисея видится нам более прогрессивным, нежели Синайский уголовный закон, если их сравнивать в плане движения в сторону индивидуальной уголовной ответственности, ибо именно в нем впервые древнееврейский пророк и законодатель утверждает следующее правило, ставшее прообразом всех современных норм о справедливости правосудия, виновном характере уголовной ответственности и презумпции невиновности обвиняемого: «Отцы не должны быть наказываемы смертию за детей, и дети не должны быть наказываемы смертию за отцов; каждый должен быть наказываем смертию за свое преступление» (Втор. 24, 16). Спустя

---

[1] Томпсон А. Библия без цензуры: Ключ к самым загадочным текстам Ветхого Завета. М., 2010. С. 153-155.

[2] Аксенов П. Указ. соч. С. 10.

[3] Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета под ред. А.П. Лопухина // Ветхий Завет: в 5 т. Т. I: Пятикнижие; Исторические книги. М., 2008. С. 465-466.

столетия эта норма преобразуется в более универсальное императивное правило Ветхого Завета, однозначно закрепившее исключительно виновный и личный характер уголовной ответственности, отвергнувшее в будущем идею врожденной или какой-либо иной коллективной ответственности: «Сын не понесет вины отца и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается» (Иез. 18, 20). Такая справедливость в определении оснований уголовной ответственности стала необходимой предпосылкой для учреждения Моисеем справедливой системы отправления правосудия по уголовным делам: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших, и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его. Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого; ибо суд – дело Божие; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его» (Втор. 1, 16-17).

Таким образом, наблюдаемый в древних книгах Торы процесс поступательного движения правовой мысли от коллективной уголовной ответственности в сторону ее постепенной индивидуализации, приведший к полному отрицанию первой, является, по нашему мнению, серьезным аргументом в пользу религиозно-нравственного обоснования несостоятельности попыток реанимировать институт корпоративной уголовной ответственности в условиях современной российской правовой реальности. Слепое и бездумное внедрение в систему отечественного уголовного судопроизводства отдельных институтов зарубежного уголовно-процессуального права уже привело к исключению объективной истины из системы его принципов, примату формы над содержанием[1]. Соответственно, пропагандируемый сегодня отказ от принципа индивидуальной уголовной ответственности нацелен на выхолащивание сути других важных принципов, имеющих не только правовую, но и религиозно-нравственную природу – принципов вины, справедливости и презумпции невиновности.

---

[1] Беспалько В.Г. Ветхозаветная концепция истины как гарантии объективного расследования преступлений и современная уголовная политика // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (14.11.2013). В 3-х ч. Ч. 1 (теоретические предпосылки). М., 2013. С. 45-49.

Ю.М. Бойцов

Англосаксонский опыт привлечения к уголовной ответственности юридических лиц

В ходе уголовно-правовой реформы в России определились позиции активных сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц и категорических противников этой идеи.

Б.В. Волженкин, С.Г. Келина, А.В. Наумов, А.С. Никифоров и др. мотивируют свою позицию за введение уголовной ответственности юридических лиц тем, что вред, причинённый деятельностью юридических лиц, значительно превышает вред, который может быть нанесён отдельным физическим лицом. Юридические лица причиняют огромный вред природе, экономическим и иным правоотношениям. Справедливо полагает С.Г. Келина, что при нарушении законодательства об охране природы в ряде случаев трудно установить, кто конкретно виновен в загрязнении воды или воздуха. Подобная практика длится годами, а привлекается то лицо, при котором произошла катастрофа.

Примером может служить авария на Чернобыльской АЭС. Или рассмотрим другой пример. Работники ООО «Титан-СН» в г. Великий Новгород в конце 90-х гг. XX в. совершили ряд особо тяжких преступлений против личности, в результате имущество погибших перешло в собственность юридического лица ООО «Титан-СН». По уголовному делу № 0202/2011, рассмотренному Новгородским областным судом, виновными признаны рядовые охранники, деятельность ООО «Титан-СН» продолжается.

С.Г. Келина обоснованно полагает, что юридические лица в случаях, предусмотренных уголовным законом, должны нести ответственность наряду с физическими лицами, а основанием их ответственности должно являться такое деяние, которое было виновно совершено в интересах юридического лица.[1]

Противники уголовной ответственности юридических лиц Н.Ф. Кузнецова, М.И. Бажанов, Л.Д. Ермакова, Т.В. Кондрашов и др., прежде всего, подчеркивают, что установление уголовной ответственности юридических лиц не соответствует краеугольным принципам уголовного права, т.е. принципам личной и виновной ответственности. По их мнению, уголовный закон связывает ответственность со способностью лица, совершившего преступление, отдавать отчёт в своих действиях и руководить ими. Этими свойствами обладают лишь люди. У юридических лиц нет вины, т.к. вина, по их мнению, это психическое отноше-

---

[1] Келина С.Г. Концепция уголовного законодательства РФ // Государство и право. 1992. № 8. С. 44.

ние лица к своему деянию. Основанием уголовной ответственности является состав преступления.

В настоящее время Россия, следуя международным соглашениям, разрабатывает закон о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц и вопрос о том, зачем нужна ответственность юридических лиц, решён.

Однако мы все прекрасно понимаем российский механизм принятия закона. Определённая группа людей шлифует формулировку абстрактного правила поведения, предлагает свои варианты, выслушивает замечания, после чего соответствующая версия текста приобретает необходимую форму и становится «проектом закона». Затем проект поступает в Думу, о чём россиянам объявляют в СМИ, где, пройдя массу процедур, становится «законом». При этом непременным атрибутом закона является положение о вступлении его в силу.

Такой подход даёт возможность работать преступным схемам, хорошо известным правоохранительным органам, и безнаказанно вывозить миллиарды из России в Великобританию и другие страны мира. Примером может служить «Банк Москва». Преступные схемы деятельности данного банка были освещены в книгах-предупреждениях П. Астахова «Рейдер» и «Мэр». Однако решения, направленные на пресечение данной преступной деятельности, не приняты до настоящего времени и вряд ли будут приняты в ближайшее время.

Есть и другой подход к решению данной проблемы. Используя опыт англосаксонских стран, легализовать прецедент. Капитализм в Англии развивался, как и в России, не благодаря структуре своего права, а, отчасти, вопреки ей. Именно благодаря интеллектуальной работе судей в Англии было выработано правило прецедента, иными словами, правило легитимации Common law. Так, в 1846 г. лорд Денман вынес решение в деле «Королева против компании Великая железная дорога Севера Англии» о том, что корпорации могут признаваться уголовно-ответственными за ненадлежащее совершение правомерных действий. В 1909 г. Верховный Суд США принял решение, согласно которому за действия лица, представляющего интересы корпорации, которая делегировала ему соответствующие полномочия, несёт ответственность работодатель, т.е. корпорация, интересы которой представляло это лицо[1].

Полагаю, что именно эти решения можно считать отправными точками изменения взгляда законодателя и правоприменителя к подходу о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц в Англии и в США.

---

[1] New York Cent. & H.R.R. V. United States 212 U.S.S. 481,29 S.Ct. 304,53L.Ed. 613(1909).

Однако прежде чем продвигать идею о развитии прецедентного права в России, необходимо уяснить механизм действия прецедента в англосаксонских странах. Прежде всего, ключевым в прецеденте является не само судебное решение, т.к. оно имеет значение для конкретного дела, а исключительно мнение судьи. Это мнение может заимствоваться из-за рубежа. В настоящий момент 1% британских прецедентов имеет иностранное происхождение. Более половины прецедентного права Новой Зеландии заимствуется из Великобритании, 10% из Австралии, некоторая часть из Канады. Австралийские судебные решения в одной трети основываются на английских прецедентах[1].

Однако судебный прецедент не является источником права в российском понимании, не связывает суд при принятии решения. Ссылки на предшествующие решения судей (их мнения) – это право судьи, а выбор нужного прецедента (мнения) – дискреционное усмотрение судьи, т.е. если прецедент известен судье, или стал ему известен в результате активности сторон, то судья подумает, имеет ли смысл применить его при рассмотрении дела. Более того, как заметил один известный английский юрист J.-A. Jolowicz, «создание электронных банков данных судебных решений угрожает правилу судебного прецедента, поскольку не даёт возможности предавать забвению скверные решения, не даёт возможности пропускать все решения через сито «естественного отбора»[2]. В этом смысле прецедент – это источник научных идей, откуда англосаксонский судья черпает необходимые ему подходы, конструкции, формулировки, занимаясь, по сути, научной работой. В англосаксонских странах великие правоведы – это судьи. Например, Джон Маршалл, Оливье У. Холмс, Эрл Уоррен и другие. Судебное решение это личное творчество судьи, которое цитируется его именем.

Техника приведения мотивов судебного решения следующая. Судья обязан составить мотивированное решение (opinion). Мнение судьи должно быть оформлено в полном соответствии с судебными традициями, с представлением «мотивированного уточнения» (reasoned elaboration) судебного прецедента и других стандартов «профессионального мастерства» (craftsmanship) в отношении принятого решения. Оценочные фразы без ссылок на прецедент или иной доктринальный источник не являются достаточными основаниями для принятия судебного решения. И именно это правило ограничивает свободу судей выносить решения по своему усмотрению, т.е. обязательная и правильно оформленная ссылка на какие-либо подобранные по усмотрению судьи судебные решения позволяет показать обществу, что судья действует не произвольно, а на основе жестких ограничителей, установленных предыдущей судебной практикой.

---

[1] Богдановская И.Ю. Прецедентное право. М. 1993. С. 38.
[2] Кабрияк Р. Кодификации / пер. Л.В. Головко. М., 2007. С. 224.

Российский судья связан законом, каково бы ни было качество этого закона. Поэтому у нас «плодятся» различные формы мошенничества с использованием юридических лиц. Причём мошенники типа Мавроди, Ходорковского создают после осуждения новые МММ или ЮКОСы, а правоприменители ждут запоздалой реакции Думы. В итоге незаконный вывоз капитала и сырья из России продолжается, а мы ждём изменения закона.

Англосаксонский подход позволяет судьям «изобретать» право буквально на пустом месте. Судебный прецедент есть творческий поиск в чужом судебном решении рационального зерна (ratio decidendi), т.е. той правовой конструкции, которую никто не «предлагает на блюдечке».

Несмотря на то, что российский уголовный процесс не принадлежит к англосаксонскому типу, а прецедентное право исторически в России не было развито, сугубо методологических препятствий применению прецедентного права в нашей стране нет.

Полагаю, что Россия может успешно использовать труды по теории прецедентного права и при этом исключить дорогостоящие рассуждения кабинетных учёных и процедуры по принятию закона об уголовной ответственности юридических лиц, что позволит успешно пресечь их преступную деятельность.

Какой подход будет выбран Россией?

Н.В. Бугаевская

Проблемы осуществления процессуальных процедур уголовного преследования юридических лиц за причастность к коррупционным преступлениям

Борьба с коррупцией требует привлечения к ответственности не только единичных субъектов – физических лиц, но и коллективных субъектов – юридических лиц. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27.01.1999 и Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31.10.2003, ратифицированные Российской Федерацией[1], также призывают ввести ответственность для юридических лиц. Так, в ст. 18 Конвенции Совета Европы устанавливается, что ответственность должна наступать в случаях, когда коррупционное преступление совершено в

[1] Федеральный закон РФ от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию»// Российская газета. 2006. 28 июля; Федеральный закон от 8.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

интересах юридического лица любым физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимающим руководящую должность в юридическом лице. Кроме этого, ответственность юридического лица должна быть предусмотрена в тех случаях, когда «отсутствие надзора или контроля со стороны физического лица сделало возможным совершение коррупционных преступлений в интересах юридического лица физическим лицом, находящимся под его властью»[1]. При этом вид юридической ответственности не назван в категоричной форме, подразумевается, что он может быть определен в национальном праве как вид уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности.

В Конвенции ООН против коррупции также мягко оговаривается, что ответственность юридических лиц может иметь уголовно-правовой, гражданско-правовой или административно-правовой характер «при условии соблюдения правовых принципов государства-участника» и представлять собой «эффективные, соразмерные и оказывающие сдерживающее воздействие уголовные или неуголовные санкции, включая денежные санкции» (ст. 26)[2]. Таким образом, и здесь норма носит рекомендательный характер. Обе конвенции неоднократно подчеркивают, что каждая сторона принимает такие законодательные меры, которые могут потребоваться для криминализации деяний, согласующиеся с ее внутренним правом, поэтому у российского законодателя остается право не ломать свою правовую систему, а вносить разумные коррективы, согласующиеся с устоявшимися принципами уголовного права. Компромиссное решение данного вопроса было найдено в определении понятия коррупции в Федеральном законе РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В нем отмечается, что данное явление предполагает совершение коррупционных деяний в том числе «от имени или в интересах юридического лица (ст. 1)»[3].

Идея об уголовной ответственности юридических лиц имеет многих сторонников среди российских ученых, которые изложили в своих работах правовые принципы и механизм уголовной ответственности коллективных субъектов[4], тем не менее составы имеющихся в УК РФ кор-

---

[1] Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173) от 27.01.1999 // Совет Европы и Россия. 2002. № 2. С. 23-49.

[2] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принята Генеральной Ассамблеей ООН 15.11.2000. URL: http://conventions.coe.int.

[3] Российская газета. 2008. 30 декабря.

[4] См., напр.: Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / под ред. С.Г. Келиной, А.В. Наумова. М., 1994. С. 50; Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления // Государство и право. 2000. № 8. С. 18; Волженкин Б.В. Уголовная ответ-

рупционных преступлений и механизм привлечения к ответственности в УПК РФ сконструированы для физических лиц. Тем самым не ставятся под сомнение устоявшиеся принципы уголовной ответственности – принцип вины (ст. 5 УК РФ), основание уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), общие условия уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ), цели и принципы наказания (ст. 43 УК РФ), являющиеся столпами уголовного права, и с которыми рассуждения о юридических лицах как субъектах преступления не корреспондируется.

С другой стороны, в виду сложившегося в нашей стране целого вида преступности – корпоративной коррупции, возникла потребность осуществления противодействия ей на новом уровне. Меры гражданско-правовой ответственности юридических лиц за вред, причиненный их сотрудниками при исполнении служебных обязанностей, предусмотренные ст. 1068, 1069, 1070 ГК РФ, а также меры административной ответственности (ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица») являются явно недостаточными. Несоответствие административного воздействия в отношении юридических лиц, причастных к преступлению, требованиям международных конвенций о противодействии коррупции признала и ГРЕКО (группа государств по борьбе с коррупцией), указав в отчете за 2010 г. на неисполнение РФ рекомендации о введении уголовной ответственности юридических лиц.

В виду этого подготовленный и предложенный для обсуждения Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»[1] предусматривает внесение поправок в УК РФ и УПК РФ, которые позволяют рассматривать юридическое лицо в качестве субъекта мер уголовно-правового характера. В частности, ст. 21 УПК РФ предлагается дополнить следующим содержанием: «2.1. Если в ходе предварительного расследования по уголовному делу будет установлено, что к преступлению причастно одно или несколько юридических лиц, в отношении которых в соответствии со статьями 104.1 и 104.2 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть применены меры уголовно-правового характера, то следователь принимает предусмотренные настоящим Кодексом меры по изобличению каждого из юридических лиц, причастных к преступлению». По уголовному делу в части производства в отношении юридического лица доказыванию подлежит, в том числе, причастность юридического лица к преступлению (время, место, характер действий и решений юридического лица,

---

ственность юридических лиц. СПб., 1998.

[1] Опубликован 12.10.2011 на Интернет-портале «Российской Газеты». URL: http://www.rg.ru.

определяющих его участие в событии преступления либо в деятельности по сокрытию преступления или его последствий) (ст. 446.4 УПК РФ), то есть аналог вины у физических лиц. В ст. 5 УПК РФ (в Проекте закона) причастность к преступлению в уголовном процессе предлагается оценивать как участие юридического лица в событии преступления при обстоятельствах, предусмотренных статьей 104.4 УК РФ, то есть как: а) совершение преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство; б) использование юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления.

Пункт «а» требует дальнейшей доработки, так как в нем по сути речь идет опять же не о коллективных действиях, а о принятии решения конкретными физическими лицами – руководителями, управленческим персоналом юридического лица, то есть деятельность всего юридического лица оценивается решениями отдельных субъектов – физических лиц, которые действовали в интересах своей корпорации, а не в своих личных. То есть следует доказывать в таком случае, что лицо, выполняющее управленческие функции желало путем, например, дачи взятки должностному лицу, увеличить прибыль всего коллектива, повысить зарплату сотрудникам, вывести свою организацию на новый уровень, увеличить ее конкурентоспособность, престиж, а не преследовало узко корыстные цели, причем это должно быть документально подтверждено. На этом этапе существует риск со стороны деятельности следователя не распознать тонкую грань между личной виновной ответственностью и ответственностью юридического лица. Тем более, что должен выполняться постулат, который гласит, что применение за коррупционное правонарушение мер ответственности к юридическому лицу не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к уголовной или иной ответственности за коррупционное правонарушение физического лица не освобождает от ответственности за данное коррупционное правонарушение юридическое лицо. Но это не означает, что виновность физического лица автоматически подтверждает причастность юридического лица к совершению коррупционного преступления.

Пункт «б» более конкретно обрисовывает ситуацию относительно причастности юридических лиц к сокрытию преступлений, к финанси-

рованию преступлений с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключению сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления. Данные действия более подходят под определение коллективных, так как в их подготовке и осуществлении участвуют конкретные работники корпорации, хотя и выполняющие решения руководителей, но при этом причастные не только к документальному сопровождению, но и к конкретному совершению сделок, то есть осуществляющие реальные действия, поступки и т.п.

Несмотря на то, что составители проекта закона стремились избежать коренной ломки устоявшейся доктрины, процесс доказывания для следователя будет являться более сложным, так как само понятие юридического лица в принципе эфемерно, необходимо будет основываться все-таки на конкретных деяниях физических лиц, иначе невозможно подтвердить причастность организации к совершению преступления. В виду этого требует пересмотра и положение УПК РФ относительно сроков предварительного следствия, которое потребует более продолжительной работы с физическими лицами, образующими данное юридическое лицо.

Ф.О. Вертлиб
Е.В. Чирков

К вопросу о квази уголовной ответственности юридических лиц

Проблема законодательного закрепления допустимости привлечения юридических лиц к уголовной ответственности полноправно считается, если не задачей тысячелетия, то уж точно делом века. Законодатель, принимая УК РФ, посчитал преждевременным проект подведения под строжайшие запреты сразу и индивидуальных и корпоративных субъектов. Поэтому согласно уголовному законодательству России никакая связь юридического лица с подготовкой, совершением или сокрытием преступления не может явиться основанием уголовной ответственности, поскольку субъектом преступления выступает исключительно физическое лицо (ст. 19 УК РФ).

В коллективной монографии, посвященной уголовно-правовому воздействию, Г.А. Есаков[1] указал, что парламент не оставил без внимания активность организаций, связанную с нарушением прав и законных интересов граждан и иных юридических лиц, предусмотрев инструменты реагирования в гражданском, административном и межот-

[1] Уголовно-правовое воздействие: монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог и др.; под ред. А.И. Рарога. М., 2012. С. 208.

раслевом законодательстве. Поскольку ряд мер могут оказать существенное и весомое воздействие на организацию, в юридической литературе их иногда называют quasi уголовной ответственностью. В общем и целом к ее видам можно отнести:

1) высокий штраф, размер которого значительно превышает пределы штрафных санкций за отдельные преступления по УК РФ;

2) приостановление деятельности в порядке ст. 3.12 КоАП РФ, которое по своим последствиям для адресата в определенной мере схоже с лишением свободы физического лица, поскольку оборачивается крупными временными потерями и материальными убытками;

3) ликвидация организации, что сопоставимо с высшей мерой наказания, применяемой к физическим лицам;

4) иная мера уголовно-правового воздействия – конфискация, предусмотренная ч. 3 ст. 104.1 УК РФ.

Необходимо отметить возрастание значимости данного механизма, затем, что и наступление негативных последствий стало заметно ощутимее. Во-первых, основания принудительной ликвидации расширились[1]. Во-вторых, с момента первоначального введения предельный размер штрафов многократно возрос[2]. За счет этого, в стоимостном соизмерении штраф, как административное наказание, и штраф, как уголовное наказание, могут находиться в одном ряду мер публичного воздействия. Более того за отдельные административные деликты полагается монетарно-валовая ответственность куда большая, чем за некоторые преступления (например, ч. 4 ст. 20.25 КоАП и ч. 1 ст. 121 УК РФ).

С другой стороны, показатели уплаты штрафов как реализация основной меры ответственности, подвергают сомнению действенность этих мер. Исполнение обязательств и мер ответственности обеспечивается всем принадлежащим имуществом (п. 1 ст. 56 ГК РФ)[3]. Однако, исполнение обязательства будет также проблематично в ситуации, когда имущество не собственное, а арендованное, в целях оптимизации налоговой базы. Аналогичная ситуации разворачивается в случае, если ответственность юридического лица ограничена размерами его уставного капитала. Что касается должностных лиц, то зачастую их привлечение не отвечает критериям адресности, точечности и объективности. Из массива хозяйственных операций сложно вычленить истинного бенефициара противоправной деятельности, т.е. реального выгодополу-

---

[1] Статьи 51 и 52 Федерального закона от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Федерального закона от 8.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

[2] К примеру, по ч. 1 ст. 14.40 КоАП РФ на организацию может быть наложен штраф на сумму до 5 млн руб.

[3] СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

чателя и фактического организатора деяний, нарушающих закон. Круг руководителей на поверку может оказаться группой зависимых лиц, в связи с чем, даже наступление ответственности не в полной мере позволит достичь превентивного эффекта (т.н. корпоративная вуаль). Масла в огонь добавляет и проблема «фирм-однодневок», а также аффилированных организаций, что прямо сказывается на состоянии правопорядка.

Согласно данным, приводимым профессором О.А. Антоновой[1] со ссылкой на Судебный Департамент, временное приостановление деятельности применяется не так часто, чтобы руководители организаций остерегались криминализации своей деятельности.

Ну а «многострадальный» инструмент конфискации, реставрированный в форме иных мер уголовно-правового воздействия, так и не стал грозным оружием в борьбе с преступностью коррупционной и корпоративной направленности. Все дело в положении ч. 3 ст. 104.1 УК РФ, остающейся легальной лазейкой для сохранения имущества добытого преступным путем под видом добросовестной стороны. Если факт осведомленности лица, принявшего имущество, не установлен, как и не закреплена обязанность установления истинного источника происхождения имущества, то и конфискация не будет иметь место.

В настоящее время, законодатель, как и в 90-е гг. XX в. временит с масштабными реформами, в части введения уголовной ответственности юридических лиц. Вместо этого мы можем наблюдать следующие неоднозначные тенденции трансформации норм об ответственности организаций в качественно иные, de jure не являющиеся уголовными, но близкие к таковым по репрессивности воздействия, и которые выражаются в следующем:

1) ужесточение административной ответственности достигается экстенсивным методом, поскольку нарастает карающее воздействие, в то время как сам процесс доказывания вины организации до текущего момента не подвергался существенным корректировкам;

2) конкретизируется порядок ликвидации организаций, вовлеченных в незаконный оборот наркотических средств, террористическую и экстремистскую деятельность;

3) ставится особое условие ответственности юридических лиц, вовлеченных в оборот материалов и предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних – действия лица, выполняющего управленческие функции в этой организации, и совершившего правонарушение от имени или в ее интересах. Таким образом, процесс доказывания вины организации в целом и в частности – задача не из легких.

---

[1] Антонова Е.Ю. Теоретическая модель корпоративной (коллективной) уголовной ответственности // Lex russica. 2013. № 8. С. 890

В этой связи, приходится констатировать невысокую слаженность действующих норм для ведения решительной борьбы с корпоративными субъектами противоправной деятельности. Базовое условие признания организации виновной в совершении административного деликта (ч. 2 ст. 2.1 КоАП) в принципе проблематично доказуемо. Более того, в ряде новелл административного законодательства – ст. 6.19 и 6.20 КоАП РФ[1] введены дополнительные обязательные условия наступления ответственности организации. С учетом сказанного, можно констатировать, что, не смотря на движение по пути ужесточения административной ответственности юридических лиц, действующие нормы прямо предусматривают возможность уклониться от полной ответственности, как юридическому лицу в целом, так и конкретным должностным лицам, чья воля является первопричиной вовлеченности организации в криминальные процессы.

И все же очевидно, что сейчас уже сложилась система санкций в отношении юридических лиц, и стоит задача запустить этот правовой механизм. Тем не менее, вторя постулату о постепенности и последовательности преобразований, реформирование института ответственности корпоративных субъектов представляется верным в таком формате, при котором виновные сотрудники организаций будут наказаны, а невиновным не будет угрожать объективное вменение. Подобная цель достижима комплексными преобразованиями, без коренного пересмотра уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Схожего мнения придерживаются и С.С. Арбузов и С.П. Кубанцев[2]. Отчего напрашивается вывод, что в деле борьбы с преступностью совершаемой и поддерживаемой организациями наиболее перспективными направлениями видятся: а) корректировка порядка доказывания вины организации в совершении правонарушения; б) развитие института субсидиарной ответственности; г) принятие дополнительных мер по борьбе с «фирмами-однодневками»[3].

---

[1] Примечание к ст.ст. 6.19, 6.20 КоАП РФ

[2] Арбузов С.С., Кубанцев С.П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 105

[3] Протокол заседания Консультативного совета при Межведомственной комиссии по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. URL: http://www.fedsfm.ru.

Б.Н. Воскресов

Применение наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении юридических лиц

Отечественное уголовное законодательство продолжает оставаться достаточно консервативным относительно уголовно-правовых институтов вины и субъектного состава преступлений. Несмотря на реальную социально-правовую востребованность и обусловленность, в УК РФ до сих пор не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц.

В дискуссии о возможности введения в уголовное право России института уголовной ответственности юридических лиц одним из аргументов оппонентов данной идеи является довод об отсутствии эффективных мер уголовно-правового воздействия в отношении данных лиц.

Следственный комитет Российской Федерации, имея право законотворческой инициативы (ст. 10 Закона «О следственном комитете Российской Федерации» от 28.12.2010 № 403-ФЗ)[1], предлагает в отношении юридических лиц, виновных в отдельных преступлениях, предусмотреть следующую систему мер уголовно-правового воздействия:

- Предупреждение;
- Штраф;
- Лишение лицензии, квоты, преференций или льгот;
- Лишение права заниматься определенным видом деятельности;
- Запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации;
- Принудительная ликвидация[2].

Лишение организации, признанной виновной в совершении экономического, экологического, террористического и иного преступлений, права заниматься определенным видом деятельности на определенный срок, либо полный запрет функционирования данного лица и его ликвидация, наряду с крупными штрафами, являются, на наш взгляд, наиболее эффективными мерами уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Организации, целиком и полностью задействованные, а иногда и изначально созданные для осуществления преступной деятельности, продолжают функционировать и соответственно продолжать данную деятельность после привлечения к уголовной ответственности их руководителей и иных физических лиц. Современные формы «корпоративной преступности» таковы, что они не вписываются в действующие и долгие годы разрабатываемые в отечественном уголовном праве ин-

---

[1] СПС «КонсультантПлюс».
[2] URL: http://www.sledcom.ru.

ституты соучастия (его форм, видов), личной и виновной уголовной ответственности.

В своём блоге Председатель СК России – член национального антитеррористического комитета А.И. Бастрыкин справедливо отмечает, что данная потребность вызвана модернизацией экономических отношений, стремительным ростом преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц[1]. Россия ратифицировала ряд международных нормативных правовых актов, предлагающих ввести данную ответственность в отношении юридических лиц (Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма и ряд других), однако, данный вопрос остаётся открытым.

Причём, в некоторых нормативных актах РФ такая ответственность не исключается. Например, в Федеральном законе от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[2] в несколько завуалированной форме говорится о такой ответственности.

В частности в ч. 2 ст. 24 закона – «Ответственность организаций за причастность к терроризму» говорится: «Организация признается террористической и подлежит ликвидации (ее деятельность – запрещению) по решению суда на основании заявления Генерального прокурора РФ или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1, 282.2 и 360 УК РФ, а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей. Решение суда о ликвидации организации (запрете ее деятельности) распространяется на региональные и другие структурные подразделения организации».

Между тем ряд юридических лиц, оказывающих реальную поддержку террористам и террористическим организациям избегают заслуженной ответственности благодаря анализируемому пробелу.

Безусловно, говоря о неотвратимости ответственности за акты терроризма, следует обратить внимание на реальное уголовное наказание не только каждого физического, но и юридического лица, причастного к данным актам.

---

[1] http://www.sledcom.ru/blog/

[2] Справочно-правовая система Консультант плюс. Дата обращения 18 февраля 2014 года.

Н.А. Голубев

К вопросу уголовной ответственности юридических лиц

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации на рассмотрении находится законопроект о введении института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц.

Понятие юридического лица дается в ст. 48 ГК РФ: «юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридические лица должны иметь самостоятельный баланс и (или) смету».

Как видим, предлагается привлекать к уголовной ответственности в целом организации обладающие статусом юридического лица, т.е. различные коммерческие организации (акционерные общества, хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы), некоммерческие организации (различные общественные объединения, религиозные организации, политические партии и их региональные отделения, казачьи общества), за исключением органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В соответствии с данным законопроектом основанием применения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц является причастность юридического лица к преступлению.

Юридическое лицо причастно к преступлению в случаях:

а) совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство;

б) использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления.

Если иное не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса, выполняющим управленческие функции в юридическом лице признается единоличный исполнительный орган (руководитель юридического лица), член коллегиального исполнительного органа, член совета директоров, а также иное лицо постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организа-

ционно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице.

Лицом, осуществляющим фактическое руководство, признается физическое лицо, не занимающее должность в органе управления юридического лица и не наделенное в соответствии с законом, уставом, договором или на основании доверенности правом осуществлять организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в юридическом лице, однако фактически определяющее решения, принимаемые таким юридическим лицом в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо вследствие иных обстоятельств.

Совершенным в интересах юридического лица считается преступление, одним из мотивов которого было приобретение юридическим лицом выгод имущественного характера, в том числе получение прибыли (увеличение размера прибыли), избежание убытков (уменьшение размера убытков), уклонение от имущественной или иной предусмотренной законодательством РФ ответственности, приобретение имущественных прав либо освобождение от обязанностей имущественного характера[1].

Инициатор законопроекта – Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин в интервью Российской газете разъяснил сущность и цель введения уголовной ответственности юридических лиц: «Суть вот в чем – за отдельные преступления, в интересах организации или с использованием организации, совершенные уполномоченным ею физическим лицом, уголовная ответственность должна наступать не только для физического лица, непосредственно совершившего преступление, но и для юридического лица. Этот вид ответственности станет мощным стимулом для принятия организациями мер, направленных на недопущение совершения преступлений подконтрольными ею физическими лицами. Давайте рассмотрим какой-нибудь контрольный пример пользы для обычных граждан этой меры ответственности. В настоящее время авиаперевозчики для того, чтобы снизить издержки, не вкладывают средства в дорогостоящее обучение или переобучение летного состава, закупают устаревший летный парк, заведомо приобретают комплектующих у сомнительных организаций, у которых по определению не может быть оригинальных запчастей, а в лучшем случае восстановленные детали. Если в результате этого происходит авиакатастрофа, уголовное наказание несет только ответственное за безопасность полетов физическое лицо. Компания же зачастую продолжает свою деятельность, не претерпевая никаких дей-

[1] Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: www. Duma.gov.ru.

ственных имущественных санкций. Введение уголовной ответственности юридических лиц позволит под угрозой жестких мер уголовно-правового воздействия (вплоть до крупных штрафов и лишения лицензии) мотивировать их собственников обеспечивать должный уровень безопасности, а уж потом думать о прибыли»[1].

В случае принятия данного законопроекта, для эффективной работы нововведений необходимо будет для привлечения к уголовной ответственности юридическое лицо доказывать по таким уголовным делам, что деяние (действие или бездействие) совершено:

1) с ведома юридического лица (его органа управления) или было им санкционировано;

2) в пользу (в интересах) юридического лица (при умышленной преступной деятельности);

3) субъектом, уполномоченным юридическим лицом.

Это условия привлечения юридического лица к уголовной ответственности.

Таким образом, только при доказанности вышеназванного, можно говорить о вине юридического лица. При этом, говорить о вине юридических лиц, понимая под виной, как это было принято в российском праве, психическое отношение лица к своему противоправному поведению, нельзя.

Очевидно, нужно согласиться с У.С. Джекебаевым, который считает, что «понимание вины как определенного психологического отношения к совершенному преступному деянию не применимо к юридическому лицу. Вина юридических лиц, совершивших преступные деяния, может быть понята лишь как деяние ее правоспособных представителей, которые могут действовать как умышленно, так и неосторожно»[2]. Очевидно это нужно оговорить в главе 5 УК РФ, регламентирующей вину.

Необходимо будет различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Субъектом преступления, как и было ранее, может быть только физическое лицо, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но, при определенных условиях (отмеченных выше), и юридические лица.

В случае уголовной ответственности юридического лица, оно не рассматривается в качестве субъекта преступления, ими остаются физические-должностные лица данного юридического лица. При дока-

---

[1] С конфискацией // Российская газета 2014. 21 января.

[2] Джекебаев У.С. Юридическое лицо как субъект преступления. URL: www.zakon.kz.

занности причастности к преступлению юридического лица, к нему, по решению суда, будут применяться меры уголовно-правового воздействия (ограничение деятельности, запрет деятельности, штраф и др.), а не уголовного наказания, как для физических лиц. Уголовному наказанию юридические лица подвергаться не будут.

Привлекая к уголовной ответственности, фактически за одно и тоже деяние, и физических должностных лиц, и юридическое лицо в целом, пытаются усилить, таким образом, уголовную ответственность.

В законопроекте предусматриваются также виды мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц и основания освобождения их от этих мер.

Однако не решены вопросы обеспечения производства по уголовным делам в отношении юридических лиц, имеется в виду меры пресечения для юридических лиц и иные меры процессуального принуждения, которые в отношении юридических лиц нужно будет применять в целях эффективности расследования преступлений. Например, в случае возбуждения уголовного дела в отношении юридического лица нужно бы вынести процессуальное решение о запрете его продажи, реорганизации и т.п. до принятия решения по делу. А возможно и будет необходимость в этих случаях наложение ареста на имущество юридического лица. Однако это проектом не предусматривается, что будет крайне затруднять расследование.

Не дан в законопроекте и перечень преступлений, за которые возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, что нужно в принципе сделать.

Вводя уголовную ответственность юридических лиц, государство не отказывается от ранее действующей системы уголовного судопроизводства. Оно, в соответствии с велением времени, совершенствует орудия защиты давно существующих, хотя и недостаточно, но охранявшихся интересов личности, общества и государства. России в вопросах применения уголовной ответственности юридических лиц необходимо учитывать опыт Китая, Республики Казахстан, Турции, Венгрии и др., в которых уже применяется данная уголовная ответственность.

П.Н. Кобец

О необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации, позволяющего применять в отношении юридических лиц меры уголовно-правового воздействия

В условиях начала второго десятилетия XXI столетия в нашей стране набирает обороты такой вид правонарушений, как преступность юридических лиц. Российская правоохранительная система столкну-

лась с преступностью, совершаемой в интересах и с использованием юридических фирм и организаций. Во многих странах мира подобный вид противоправных действий именуется корпоративной преступностью. В настоящее время данный феномен представляет реальную угрозу экономической безопасности Российской Федерации, так как способствует росту инфляции и снижению инвестиционной привлекательности нашей страны, поскольку при посредничестве разнообразных фирм в теневой сектор уводятся колоссальные средства. Эффективных механизмов противодействия преступности юридических лиц на настоящем этапе развития нашей страны не существует.

В настоящее время в РФ юридическое лицо может быть привлечено лишь к гражданско-правовой и административной ответственности. При этом необходимо отметить, что лишь в рамках административного судопроизводства невозможно установить обстоятельства причастности юридического лица к преступному деянию. Важно также понимать, что в сложившейся ситуации не могут проводиться в полном объеме оперативно-розыскные мероприятия. При этом совершенно очевидно, что привлечение к уголовной ответственности только руководителей и сотрудников организаций, иным словом лиц физических, зачастую не позволяет пресечь преступные деяния в целом и предупредить совершение новых.

Одним словом действующее законодательство РФ не позволяет эффективно вести борьбу с этим опасным явлением и единственным выходом из сложившейся ситуации, является совершенствование нормативно-правовой базы, позволяющей применять в отношении юридических лиц меры уголовно-правового воздействия. Введение уголовной ответственности юридических лиц расширит возможности правоохранительных органов в оперативности сбора необходимой информации, поскольку по сравнению с административным правонарушением уголовное преступление представляет собой более опасное для общества деяние, и требует адекватных, быстрых и жестких мер воздействия. Важно также отметить, что введение уголовной ответственности юридических лиц, существенно расширит полномочия правоохранительных органов и придаст расследованию рассматриваемых преступлений совершенно иной характер.

Пока что несовершенство действующего законодательства позволяет юридическим лицам абсолютно безнаказанно решать свои корпоративные задачи преступными средствами. Зачастую к уголовной ответственности привлекается кто-то из сотрудников фирмы, а сама она продолжает участвовать в преступной деятельности: давать через своих представителей взятки для победы в тендерах, причинять вред экологии, манипулировать ценами на рынке и т.д.

Российское административное законодательство содержит нормы, предусматривающие ответственность организаций за различные пра-

вонарушения. В сложившейся ситуации просто необходимо отказаться от совершенствования процедуры административной ответственности юридических лиц за причастность к преступлению и перейти к уголовной ответственности. Опыт уголовного законодательства зарубежных стран и практики его применения дает основание утверждать, что уголовная ответственность юридических лиц просто необходима. В большинстве промышленно-развитых стран давно осознана данная проблема, нашедшая отражение в развитии доктрины ответственности юридических лиц, что помогает обществу и государству решать целый ряд проблем указанной части. Этот вид уголовной ответственности имеет много общего с ответственностью физических лиц, предусмотренной УК РФ. Одним словом в условиях начала второго десятилетия нового тысячелетия в России назрела необходимость разграничить два взаимодополняющих средства борьбы с преступлениями, с тем, чтобы дать четкие ориентиры практике нормотворчества и правоприменения.

У противников уголовной ответственности юридических лиц бытует мнение, что если физическое лицо обладает определенным сознанием, волей, то юридическое лицо – это некая искусственная правовая конструкция. И невозможно в отношении нее применение мер воздействия. Самый главный аргумент введения мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, это то, что юридическое лицо обладает самостоятельной правосубъектностью, т.е. оно может выступать в гражданском обороте от своего имени, приобретать от своего имени права, обязанности, иметь обособленное от учредителей и участников имущество. И вот именно наличие самостоятельной правосубъектности, дает право говорить о возможности и деликтоспособности, т.е. возможности нести публично-правовую ответственность.

При всей значимости научных исследований российских ученых, степень разработанности проблемы уголовной ответственности юридических лиц на современном этапе развития российского права представляется не совсем достаточной. Теория уголовной ответственности юридических лиц к настоящему моменту не имеет в науке единого концептуального обоснования. Сегодня, когда отрасли российского законодательства тесно взаимосвязаны друг с другом, становится трудно ограничиваться при исследовании обсуждаемых вопросов исключительно достижениями науки уголовного права. Подобного рода изыскания требуется проводить на стыке административного, конституционного, гражданского и международного права.

Следует отметить, что необходимость углубленного изучения содержания института уголовной ответственности юридических лиц, обусловливается неопределенностью в теоретических подходах к понятиям, имеющим отношение к уголовно-правовому положению рассматриваемых специальных образований. Эффективное использование института уголовной ответственности юридических лиц невозможно

без его должного теоретического осмысления, поскольку только научный подход позволяет объединить зачастую разрозненные и противоречивые стремления законодателя. При этом науке уголовного права, просто необходима хорошо разработанная теоретическая база, для того чтобы избежать противоречивости правового регулирования, закрепления в законах малоэффективных правовых конструкций, что облегчит задачу правоприменения.

Несколько слов хотелось бы сказать о более частных вопросах, о возможных моделях мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц. При всем разнообразии конкретных форм их можно свести к трем моделям. Это классическая уголовная ответственность юридических лиц, когда юридическое лицо наряду с физическим лицом рассматривается как самостоятельный субъект преступления. Вторая модель – это когда физическое лицо является единственным субъектом преступления, однако в случае причастности юридического лица к преступлению, к нему могут быть применены меры уголовно-правового воздействия. Третья модель – это когда за причастность к совершению преступления юридическое лицо несет, по сути, административную ответственность. Хотелось бы сказать, что в России в настоящее время реализован последний подход.

Причастность к ряду преступлений, в частности, коррупционной направленности у нас влечет для юридического лица административную ответственность. То, что эта административная ответственность является профанацией ответственности, об этом говорят очень многие. Хотелось бы заметить, что по делам об административных правонарушениях срок давности составляет один год, а у нас очень часто преступления выявляются только через полгода после их совершения, плюс к этому расследование уголовного дела длится где-то полгода, плюс к этому судебное рассмотрение, плюс вступление приговора в законную силу и по большей части дел сроки давности истекают. Соответственно, компания уже не может быть привлечена к административной ответственности.

В настоящее же время фиктивные юридические лица продолжают существовать даже после вынесения физическому лицу, совершившему преступление, обвинительного приговора.

Важно отметить и то, что сегодня вопрос об уголовной ответственности юридических лиц так остро встает в связи необоснованной безнаказанностью юридических лиц за правонарушения, обладающие наибольшей общественной опасностью. Ведь законодатель, выстроив восходящую по карательному воздействию систему ответственности (гражданская, административная) указанных лиц, отказался от применения самого строгого и наиболее эффективного ее вида – уголовной ответственности. Однако, оценивая ущерб, причиненный правонарушениями в сфере охраны природы, экономическими и иными преступ-

лениями, совершенными от имени самой корпорации ее членом (группой лиц) или представителями, можно признать, что штрафные санкции, применяемые на сегодняшний день к организациям на основе административного и гражданского законодательства, не адекватны размеру ущерба. Поэтому возникает закономерная тенденция к усилению ответственности корпораций. Достаточно ли для этого ужесточить санкции норм гражданского, административного, финансового законодательства или существует реальная потребность в установлении уголовной ответственности юридических лиц.

Таким образом, важность проблемы уголовной ответственности юридических лиц подчеркивает масса правовых пробелов, существующих в законодательстве по многим вопросам ее применения. Поэтому сегодня очень важно сформулировать основные подходы к исследованию данного вопроса, отразив его системные и внутренние свойства, экономическую и служебно-юридическую стороны этого явления, дать на этой основе научно-обоснованные рекомендации применительно к существующим потребностям.

Д.А. Кунев

Практика привлечения юридических лиц к уголовной ответственности: мировой опыт

Дискуссия относительно необходимости введения в российское правовое поле института уголовной ответственности юридических лиц возобновилась с новым импульсом после ратификации Российской Федерацией и вступления в законную силу на территории нашей страны 17.04.2012 Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок[1].

Одним из вопросов, широко обсуждавшихся с представителями Секретариата ОЭСР и стран-оценщиков (США и Словения), в том числе в период проведения оценочного визита в Российскую Федерацию в мае 2013 г., стало введение в отечественное законодательство норм об уголовной ответственности юридических лиц.

Стоит отметить, что аналогичные требования выдвигались ранее в рамках обзорных механизмов в связи с имплементацией в российское законодательство положений Конвенции ООН против коррупции[2], Конвенции ООН против транснациональной организованной преступ-

[1] URL: http://www.oecd.org/daf/anti-bribery/anti-briberyconvention.
[2] URL: http://www.undoc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Convention.

ности[1] и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию[2].

Основным камнем преткновения в дискуссии как практиков, так и учёных-правоведов долгое время выступают существенные противоречия принципов уголовной ответственности юридических лиц с уголовно-правовой теорией виновной ответственности физического лица, присущей отечественной правовой традиции. Высказываются многочисленные аргументы как за, так и против нововведений в российское законодательство.

Следует отметить, что подобная ситуация характерна не только для РФ. Имплементация в национальное законодательство положений международных правовых актов вызывает определенные сложности во многих странах-участницах той или иной конвенции.

Например, сравнительно позднее присоединение Республики Польша к Конвенции ОЭСР объясняется в том числе теми же трудностями введения ответственности юридических лиц[3].

В связи с этим представляется полезным рассмотрение опыта признания юридических лиц субъектами преступлений и практики привлечения их к уголовной ответственности в зарубежных странах.

Данный вопрос в зависимости от традиций и возможностей той или иной правовой системы решается по-разному. Более того, на практику применения норм международного права оказывает влияние ряд факторов как объективного, так и субъективного характера. Как отметила академик Т.Я. Хабриева на прошедшем в июне 2013 г. Втором Евразийском антикоррупционном форуме, «зачастую толкование международных конвенций международными организациями не только значительно расширяет рамки международно-правовых предписаний, но и вносит в них существенные элементы импровизации, не являющиеся прямым отражением базовых международно-правовых норм»[4].

Во многих странах англосаксонской правовой семьи институт привлечения юридических лиц к уголовной ответственности существует не один десяток лет.

В середине XIX века в странах общего права суды начали в отдельных случаях привлекать к уголовной ответственности корпорации за неисполнение обязанностей, возложенных на них законом, а затем и за ненадлежащее совершение правомерных действий, результатом которых стало причинение вреда обществу. В 1846 г. в Англии лорд Детлем

---

[1] СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.
[2] СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
[3] URL: http://iacconference.org/documents.
[4] Цирин А.М., Дымберова Э.Д., Шиндяпина Е.Д. Финансовые механизмы против коррупции: международные стандарты и национальные решения. М., 2013. С. 100-113.

вынес решение по делу The Queen vs Great North of England Railway Co, в котором указал, что корпорации могут признаваться субъектом преступления за совершение неподобающих правовых действий[1].

Впоследствии юридическая практика стала складываться таким образом, что в случае совершения преступления лицами из числа руководителей той или иной корпорации преступление считалось совершённым юридическим лицом с определёнными изъятиями, установленными законодательством.

Аналогично Верховным судом США в начале XX столетия была подтверждена возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Тем же путем идёт юридическая практика и в ряде других стран, применяющих систему общего права, например, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Очевидно, что принцип отождествления юридического и физического лица не только нехарактерен, но и практически неприменим в российском законодательстве.

Вместе с тем к настоящему времени в мировой практике правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц сложились три базовые модели. Первая, как отмечает Г.К. Смирнов, основывается на традиционной конструкции уголовной ответственности юридических лиц, при которой они наряду с физическим лицом рассматриваются в качестве самостоятельных субъектов преступлений. Вторая предусматривает возможность уголовно-правового воздействия на юридическое лицо, в интересах которого совершено преступление физическим лицом, при сохранении принципа виновной ответственности последнего (на основании данной модели разработан предложенный Следственным комитетом Российской Федерации законопроект об уголовной ответственности юридических лиц). И третья модель предлагает лишь административную ответственность, которую некоторые исследователи называют «квазиуголовной ответственностью юридических лиц»[2].

Для Российской Федерации более интересным представляется изучение уголовно-правовой практики государств, относящихся к романо-германской правовой семье, так как опыт создания и применения институтов привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в относительно схожих с российскими условиях легче спроецировать на российское правовое пространство, понять возможные перспективы существования и тенденции развития подобных институтов в нашей стране.

Ряд исследователей вопроса имплементации в российское законодательство норм о механизме привлечения юридических лиц к уголов-

---

[1] Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / СПб., 1998.

[2] Смирнов Г.К. Уголовная ответственность юрлиц на подступах к России // ЭЖ-Эрист. 2011. № 24.

ной ответственности часто указывают на примеры Германии, Италии или Швеции, в которых существует так называемая квазиуголовная ответственность юридических лиц. При этом полагая, что схожий по своей сути институт привлечения юридических лиц к административной ответственности, существующий в России, вполне удовлетворяет потребностям правоохранителей в борьбе с корпоративной преступностью[1]. Вместе с тем такой подход представляется не весьма объективным, что в целом признает и мировое сообщество. Например, в числе обязательных для выполнения рекомендаций Рабочей группы ОЭСР, подготовленных по итогам рассмотрения в октябре 2013 г. доклада оценочного визита в Россию представителей Секретариата ОЭСР и стран-оценщиков, нашей стране рекомендовано сформировать широкий набор инструментов в рамках административного производства для успешного выявления, расследования и судебного производства в отношении юридических лиц, а также целый ряд других положений, касающихся несовершенства российского административного законодательства, в том числе относительно изъятия документации, ареста и конфискации имущества юридического лица.

Представляется, что сохранение в Российской Федерации существующего порядка не позволит в полной мере противодействовать набирающей обороты корпоративной преступности, особенно в условиях не всегда дееспособной системы административного судопроизводства, меньших возможностях и средствах административно-правового воздействия, недостаточной их эффективности.

Безусловно, тщательное изучение мирового опыта по рассматриваемому вопросу послужит основой для выработки правильного направления в разрешении существующей дискуссии.

В то же время представляется, что предложенный Следственным комитетом Российской Федерации законопроект о привлечении российских юридических лиц к уголовной ответственности в качестве иной меры уголовно-правового воздействия заслуживает внимания и в настоящее время может быть отнесён к наиболее оптимальным.

Н.Г. Муратова

Статус юридического лица в уголовном судопроизводстве

Дискуссия по вопросу о необходимости установления уголовной ответственности юридического лица продолжается и её активность не снижается. Представляется, что решающим обстоятельством является

[1] Арбузов С.С., Кубанцев С.П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10.

предложение проекта Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц». Законопроект своевременный и его обсуждение должно быть комплексным и проведено представителями различных отраслей права – уголовного, административного, гражданского, уголовно-процессуального, гражданско-процессуального.

Представители науки уголовного права и криминологии исследуют законодательные модели правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц, видов санкций и формулируют виды мер уголовно-правового характера для юридического лица[1]. Так, в теории уголовного права существует серьезная аргументация о поддержке идеи поэтапного введения уголовной ответственности юридических лиц[2].

Поскольку определением понятия юридического лица, его полномочий, видов деятельности, формы юридического лица занимается гражданское право, а юридическое лицо в России подлежит административной и гражданско-правовой ответственности, то необходимо разобраться с его действующим статусом в уголовном судопроизводстве. Соответствующие исследования в настоящее время проводятся достаточно активно[3].

Механизмы межотраслевых связей частного и публичного права широко обсуждаются представителями различных отраслей права, о

---

[1] Ряд авторов предлагают ввести уголовную ответственность юридических лиц (Е.Ю. Антонова, Б.В. Волженкин, Э.Н. Жевлаков, П.И. Карибов, С.Г. Келина, А.П. Козлов, В.П. Кравец, Н.П.Мелешко, Р.В. Минин, А.В. Наумов, А.С. Никифоров, М.В. Талан и др.). Другие против ((М.И. Бажанов, Г.Н. Борзенков, Л.Д. Ермакова, П.П. Иванцов, Т.В Кондрашова, Н.Е. Крылова, Н.Ф. Кузнецова, Л.К Савюк и др.). Анализ данных см.: Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организации? URL: личный блог Щедрин Н.В.

[2] Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: автореф. … дис. докт. юрид. наук. Казань,2002. С. 12.

[3] Абдрахманов М.Х. Охрана имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008; Афисов В.В. Процессуальное положение юридического лица как потерпевшего в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2008; Олефиренко С.П. Доказывание морального вреда и вреда, причиненного деловой репутации юридического лица, в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2009; Сычев П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008; Сафаралеев М.Р. Правовое положение юридического лица в уголовном процессе России: автореф. … канд. юрид. наук. Томск,2009.

чем свидетельствуют весьма интересные публикации: о Концепции межотраслевых связей[1], о процессуальном договоре в гражданском процессе других стран[2], о взаимодействии частного и публичного права при определении сущности процессуального договора[3]. Представители науки уголовно-процессуального права обращают внимание на следующие межотраслевые проблемы: об освобождении от уголовной ответственности, о досудебном соглашении (В.В. Азаров, А.П. Гуськова, В.А. Лазарева, З.З. Зинатуллин, Д.Т. Арабули и др.), о мировом соглашении (Н.И. Газетдинов, Л.А. Воскобитова и др.), о «сделке с правосудием» при согласии обвиняемого с обвинением (А.Ю. Епихин, Л.М. Володина, Л.Г. Татьянина, А.Д. Прошляков и др.), о выплате вознаграждения за информацию о преступлении или лице, его совершившим (в основном – по резонансным преступлениям)[4].

Интерес законодателя, ученых, практиков к юридическим лицам, их взаимоотношениям позволил начать дискуссию о корпоративных конфликтах, «рейдерстве», корпоративных шантажах, механизмах межотраслевого совершенствования законодательства[5]. Действительно, в последние годы предпринимались шаги для совершенствования понятия юридического лица и урегулирования их конфликтов, что проявилось в Концепции развития корпоративного законодательства на период до 2008 года (Министерство экономического развития и торговли РФ)[6], Стратегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 г.[7], Концепции развития гражданского законодательства РФ[8], Проекте Концепции развития законодательства о юридических лицах (Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию граждан-

---

[1] Челышев, М.Ю. Концепция оптимизации межотраслевых связей гражданского права: постановка проблемы: монография. Казань, 2006; Челышев, М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права: монография. Казань, 2009.

[2] Брановицкий К.М. Процессуальный договор в доктрине гражданского процесса ФРГ // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 12. С. 30-32.

[3] Белоглавек А.И. Арбитраж, ordre publik и уголовное право (Взаимодействие международного и национального частного и публичного права). Киев, 2009, Т. 1. С.174-178.

[4] Муратова Н.Г. Процессуальный договор в механизме обеспечения прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (Продолжение Концепции О.А. Зайцева): мат-лы Межд. науч.-практич. конф. (3.06.2011). М., 2011. С. 335-350.

[5] Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж: организационно-правовые меры противодействия: монография. М., 2013.

[6] Закон. 2006. № 9.

[7] Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2008 № 2043-р // Российская Бизнес-газета. 2009. 27 января.

[8] Решение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

ского законодательства – протокол от 16.16.03.2009 № 68). Широко обсуждалась и Концепция урегулирования корпоративных конфликтов (Министерство экономического развития и торговли РФ)[1].

Отсутствие единого теоретического и методологического подхода к определению статуса юридического лица в уголовном судопроизводстве порождает ряд сложных дискуссионных проблем. Нами уже ранее обращалось внимание на несовершенство законодательных формулировок: «организации» – (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), «юридическое лицо» – (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), «юридические лица» – (ст. 139 УПК РФ), «коммерческая или иная организация», «руководитель организации» – (ст. 23 УПК РФ), «законный владелец» – (п. 4 ч. 3 ст. 81 УКП РФ), «владелец» – (пп. «а» п. 2 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), «доход государства» – (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ), «собственность государства» – (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ), «редакция», «главный редактор средства массовой информации» – ч. 2 ст. 144 УПК РФ[2]. С позиций тех, первых исследований в сфере защиты прав юридического лица предлагалось внести изменения в УПК РФ: в ст. 5 УПК РФ необходимо внести новый пункт 61 «юридическое лицо – организация, имеющая правовой статус потерпевшего и реабилитированного по уголовному делу»[3].

Последующее развитие уголовно-процессуального законодательства позволило увеличить перечень видов юридических лиц-потерпевших и они были дополнены следующими понятиями: «государственное или муниципальное унитарное предприятие», «государственная корпорация», «государственная компания», «коммерческая организация с прямым участием в уставном капитале государства или муниципального образования» – ч. 3 ст. 20 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ).

В настоящее время, после анализа постоянно совершенствующегося УК РФ и УПК РФ и предложений ученых, представляется возможным сформулировать модели о статусе юридического лица в уголовном судопроизводстве. Законодательная модель: во-первых, юридическое лицо-организация, потерпевшая от преступления. Изменения в УПК РФ, осуществленные Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уго-

---

[1] Рейдерство как социально-экономический и политический феномен современной России. Отчет о качественном социологическом исследовании. М., 2008.

[2] Муратова Н.Г., Никитина О.В. Проблемы реализации прав юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Современные проблемы публично-правового и частно-правового регулирования: теория и практика: мат-лы межд. науч.-практич. конф., посвящен. памяти докт. юрид. наук, проф. М.С. Орданского (31.03-1.04.2005).Ч. 1. Уфа, 2005. С. 75-79.

[3] Там же. С. 78-79.

ловном судопроизводстве» позволяют констатировать более высокий уровень правовой защиты прав потерпевших от преступлений. Так, присвоение статуса потерпевшего происходит незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела путем вынесения постановления о признании потерпевшим. Появляется новая ст. 160.1 «Меры по обеспечению гражданского иска, в соответствии с которой следователь, дознаватель, если установлен имущественных вред, обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение имущественного вреда и по наложению ареста на имущество». Таким образом, потерпевшие – юридические лица, заявив гражданский иск в уголовном судопроизводстве, новыми процессуальными механизмами обеспечены оптимальными правовыми вариантами возмещения причиненного материального ущерба. В связи с этим хотелось бы отметить правовую позицию Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 о том, что в случае хищения акций со счетов акционеров (они включены в реестр, который ведет регистратор), в случае их незаконного списания в пользу третьих лиц, компания-эмитент должна компенсировать убытки законным владельцам, а она в свою очередь может взыскать ущерб с регистратора, а он может взыскать с лица, похитившего акции[1].

Во-вторых, в соответствии со ст. 139 УПК РФ вред, причиненный юридическим лицам незаконными действиями (бездействиями) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, возмещается государством в полном объеме и сроки, установленные главой 18 «Реабилитация». Таким образом, статус реабилитированного юридического лица является вторым его процессуальным статусом. Вред юридическим лицам может быть причинен незаконным применением следственных действий и мер уголовно-процессуального принуждения (выемки документов, выемки электронных носителей информации, наложения ареста на имущество, временного отстранения руководителя от должности и др.)[2].

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2010 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть» и Акционерного коммерческого Сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 700.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2004. С. 360; Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам. М., 2013. С. 57-60.

В-третьих, в соответствии со ст. 23 УПК РФ уголовное дело возбуждается по заявлению руководителя коммерческой или иной организации, если деяние, предусмотренное гл. 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», причинило вред исключительно таким организациям. Статус «руководитель организации» в УПК РФ отсутствует. В соответствии с гражданским законодательством коммерческую организацию может возглавлять учредитель, совет учредителей, совет директоров, общее собрание акционеров и т.д. А если между ними и руководителем организации, который работает по трудовому контракту, возникнут противоречия и по существу, и по форме данной процессуальной ситуации – есть ущерб или нет, подавать или не подавать заявление? В данном случае, кого будут привлекать к уголовной ответственности – физическое лицо или юридическое лицо за заведомо ложный донос в порядке ч. 2 ст. 148 УПК РФ при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела. Таким образом, третий статус юридического лица – заявитель.

В-четвертых, юридическое лицо – участник уголовного судопроизводства. В соответствии со ст. 5 УПК РФ в основные понятия, используемые в УПК РФ включены отдельные виды юридических лиц: «органы опеки и попечительства» (п. 12), «органы дознания» (п. 24), «органы прокуратуры РФ» (п. 31), «органы следствия» (п. 36.1), «суд» (п. 48), специализированное учреждение для несовершеннолетних» (п. 44), «экспертное учреждение» (п. 60), «образовательная организация или организация, осуществляющая обучение» (п. 62).

Теоретическая модель виновного юридического лица в уголовном судопроизводстве: во-первых, необходимо сформулировать Перечень всех видов юридических лиц, отвечающих требованиям гражданско-правового законодательства, которые не могут подлежать уголовной ответственности в силу двойного статуса (см. законодательная модель – прим.автора); во-вторых, необходимо создать критерии определения юридического лица, привлекаемого к уголовной ответственности – «уголовно-наказуемое юридическое лицо», в-третьих, создать механизм защиты прав физических лиц-работников и служащих в «уголовно-наказуемых» организациях, которые не знали о преступных планах руководителей или иных работников; в-четвертых, сформулировать особенности процессуальных действий, осуществляемых в отношении уголовно-наказуемого юридического лица; в-пятых, исключить повторы из перечня Проекта уголовно-правовых санкций для юридических лиц, которые и в настоящее время подвергаются аналогичным санкциям в административном, гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Н.Г. Муратова
К.Д. Муратов

Критерии привлечения к уголовной ответственности юридического лица по законодательству Франции

Необходимость исследования зарубежных моделей правового регулирования уголовной ответственности юридических лиц позволит сравнить и понять смысл данного института и обосновать его необходимость в отечественном праве. Уголовный кодекс Франции и Уголовно-процессуальный кодекс Франции дают возможность убедится в этой необходимости. Уголовный кодекс Франции имеет сложную структуру и первоначально состоял из четырех законов (четырех книг), которые утвердил 22.07.1992 Президент Французской Республики Ф. Миттеран[1]. Затем были в 1993, 1994 и 1996 гг. были приняты существенные дополнения и в настоящее время УК Франции содержит Семь Книг (законодательная – первая часть УК Франции) и регламентационная – вторая часть (Декреты в Государственном Совете)[2].

В Книге Первой в Разделе П «Об уголовной ответственности» в гл.12 «Общие положения» УК Франции в ст.121-2 указано, что юридические лица, за исключением Государства, подлежат в установленных законом случаях или регламентом уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные в их пользу органами или представителями юридического лица. Однако в ч.2 данной статьи указывает, что органы местного самоуправления и их объединения могут быть привлечены только за преступные деяния, совершенные при исполнении делегированных полномочий по общественной службе. Кроме того, уголовная ответственность юридических лиц не исключает данную ответственность и для физических лиц-исполнителей или соучастников тех же самых деяний. Таким образом, УК Франции достаточно четко устанавливает статус уголовно-привлекаемого к уголовной ответственности юридического лица и возможные смежные уголовно-правовые ситуации.

Далее УК Франции в своей структуре имеет отделы о дополнительных наказаниях, применяемых к физическим и юридическим лицам в зависимости от категорий преступлений. Так, Книга Третья «Об имущественных преступлениях и проступках» в разделе 1 «Об обманных присвоениях» содержит ряд норм о дополнительных наказаниях, применяемых к физическим и юридическим лицам: о вымогательстве (отдел Ш гл. П), о мошенничестве и сходных преступных деяниях (отдел

---

[1] Крылова Н.Е. Предисловие. История создания УК Франции 1992 г. // Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 46-46.
[2] Здесь и далее по тексту – УК Франции в ред. по состоянию на 1.07.2000.

Ш гл. Ш), о присвоениях (отдел Ш гл. 1У), об иных имущественных посягательствах (отдел Ш гл. 1 раздела П), об уничтожении, повреждении и порче (отдел 1У, гл. П раздела П), об отмывании ложного обоснования источника происхождения имущества (отдел П, гл. 1У, раздела П).

В Книге Четвертой «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия» также регламентируются в главах – «Особые положения» и «Дополнительные наказания» особенности назначения наказания юридическим лицам за преступления: о посягательствах на основополагающие интересы нации (гл. 1У раздела 1), о терроризме (гл. П раздела П), о нарушениях служебного долга (отдел 1У гл. П, раздела Ш)), о посягательствах на государственное управление, совершенное частными лицами (отдел ХП, гл. Ш, раздела Ш), о посягательствах на отправление правосудия (отдел 1У, гл. 1У, раздела Ш), о посягательствах на публичную администрацию Европейских сообществ, функционеров государств-членов Европейского союза, других иностранных государств, и публичных международных организаций (отдел 3 гл. У, раздела Ш).

В Книге Пятой «Прочие преступления и проступки», Книге Шестой «О нарушениях» и Книге Седьмой «Положения, применяемые в заморских территориях и территориальной общности Майотт» аналогичным образом определяются особенности назначения наказания и ответственности юридических лиц. В регламентационной части УК Франции (отдел П «О наказаниях, применяемых к юридическим лицам», главы 1 «О винах наказаний» Второй части УК Франции) изложен процедурный механизм и субъекты исполнения наказаниях юридических лиц – судебные уполномоченные, судебные управляющие, эксперты по диагностике предприятий в соответствии по ст. 157 УПК Франции[1].

Таким образом, категории и виды преступлений предполагают дифференцированный подход к видам наказаний юридических лиц, который обеспечивает защиту прав имущества юридического лица, собственников, акционеров и трудящихся.

В Книге Первой в Разделе Ш «О наказаниях» в отделе 1 «О наказаниях, применяемых к физическим лицам» УК Франции содержаться нормы, регламентирующие виды уголовных и исправительных наказаний, а также наказаний за нарушения для физических лиц при совершении преступлений, проступков, нарушений (дифференциация деяний по УК Франции). В отделе П «О наказаниях, применяемых к юридическим лицам» по аналогичной концепции о видах преступных деяний определяются виды наказания юридическим лицам.: подотдел 1 «О наказаниях уголовных и исправительных» предусматривает наказание

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Франции. М., 1967. С. 85.

в виде штрафа (п. 1) в максимальном размере штрафа равном пятикратному размеру штрафа, предусмотренному для физических лиц законом, наказывающим преступное деяние (ст. 131-138). Далее в УК Франции указано, что могут быть применены и другие виды наказаний для юридического лица, если это предусмотрено законом и преступление или проступок, как одно, так и несколько наказаний: прекращение деятельности в случае, когда юридическое лицо было создано или если речь идет о совершении преступления или проступка, который подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок свыше пяти лет для физических лиц, отошло от цели своего создания для совершения вменяемых ему в виде действий (п. 1); бессрочное или не более пяти лет запрещение осуществлять один или несколько видов профессиональной или общественной деятельности (п. 2); помещение под судебный надзор сроком не более пяти лет (п. 3); бессрочное или не более пяти лет закрытие всех заведений либо одного или нескольких, служивших совершению вменяемых в вину деяний (п. 4); бессрочное или не более пяти лет исключение из участия в договорах, заключаемых от имени Государства (п. 5); бессрочное или не более пяти лет запрещение обращаться с публичным призывом к размещению вкладов или ценных бумаг (п. 6); запрещение не более пяти лет пускать в обращение чеки (кроме удостоверенных чеков или чеков векселедержателя) или пользоваться кредитными карточками (п. 7); конфискация вещи, которая служила или была предназначена для совершения преступного деяния или получена в результате преступного деяния (п. 8); афиширование или распространение вынесенного приговора либо в печати, либо любым другим способом аудио-видеосообщения (п. 9). В соответствии с подотделом П «О наказаниях, назначаемых за совершение нарушений» наказания, применяемые юридическим лицам предусматриваются штраф, который может быть заменен одним или несколькими наказаниями, лишающими прав или ограничивающими права (с. 131-142).

Представляется, что можно сделать следующие выводы: во-первых, во Франции существует законодательный статус юридического лица, подлежащего уголовной ответственности; во-вторых, это субъект уголовно-правовых отношений, подлежащий уголовный ответственности за преступления, проступки и нарушения; в-третьих, юридическое лицо привлекается за преступное деяние, как по общим правилам уголовной ответственности, так и за отдельные виды преступлений; в-четвертых, уголовно-правовые санкции, которые определяет УК Франции во многом совпадают с санкциями административного и гражданского законодательства России, применяемых к юридическим лицам.

Д.В. Пешков

Уголовная ответственность юридических лиц: позиции, мнения

Обсуждение вопросов об ответственности юридических лиц в российской юридической литературе резко активизировалось с 1990-х гг. Высказывались разные предложения о выделении юридического лица в качестве субъекта уголовной ответственности (Е.Ю. Антонова, Б.В. Волженкин, Ю.В. Голик, С.Г. Келина, А.В. Наумов и др.). Теоретическая дискуссия не утихает и в настоящее время. При этом работы авторов можно поделить на несколько направлений:

- выступающие за уголовную ответственность и наказание юридических лиц[1];
- выступающие против таковой ответственности[2];
- предлагающие компромиссный вариант при привлечении юридических лиц к уголовной ответственности[3];
- а также подход, который характеризуется возможностью применения к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера в связи с причастностью к совершению преступления[4].

---

[1] Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 2005; Антонова Е.Ю. О социальной целесообразности коллективной (корпоративной) уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы 8-й межд. науч.-практич. конф. М., 2011. С. 207-211; Иванов Л. Указ. соч. С. 31-38; Келина С.Г. Еще раз об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы 5-й межд. науч.-практич. конф. М., 2008. С. 172-177.

[2] Богуш Г.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 2005. № 4. С. 19-29; Крылова Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учеб. пособ. / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2009. С. 75-108; Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 256-267.

[3] Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963-2007 гг.). СПб., 2008. С. 771-800; Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева: в 5 т. СПб., 2008. Т. I. Преступление и наказание. С. 430-437; Щедрин Н., Востоков А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58-61.

[4] Есаков Г. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. 2011. № 3. С. 26-30; Крылова Н.Е. К вопросу о введении «института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат-лы VI Рос. конгр. уголов. права / отв. ред. В.С. Комисса-

Вся полемика и доводы за или против уголовной ответственности юридических лиц концентрируются вокруг понятий субъекта уголовной ответственности и наказания, а также понятия и признаках вины как обязательного признака субъективной стороны состава преступления.

Например, авторы, выступающие против уголовной ответственности юридических лиц, при отстаивании данной точки зрения заявляют, что вся так называемая «вина» юридического лица есть лишь вина отдельных составляющих его лиц, а его так называемые «преступные действия» – всего лишь действия этих самых лиц. Отрицание уголовной ответственности юридических лиц зиждется на понимании в качестве фундаментальной основы уголовного права господствующего психологического понимания вины как категории, мыслимой лишь в связи с человеческой деятельностью[1].

Авторы, выступающие за введение уголовной ответственности юридических лиц, отрицают «незыблемость» господствующего психологического понимания вины и предлагает изменить эту категорию в соответствии с современным уровнем развития общества. Для целей уголовной ответственности юридических лиц они предлагают скорректировать психологическое понимание вины, наполнив его новым содержанием[2] с признанием индивидуальности юридических лиц, самостоятельности и отделенности их воли и действий от поступков управляющих ими лиц. С.Н. Братусь указывал, что «чем шире круг лиц, вовлекаемых в корпорацию, чем текучее их состав, тем слабее становятся связи между ее членом и корпорацией в целом, тем сильнее обособляется данное общественное образование в качестве особого субъекта права; тем скорее единство поведения данного, все расширяющегося и сменяющегося круга лиц объективируется как сфера субъективных прав постоянного и неизменяемого по своим специальным целям и задачам целого. Однажды образовавшееся единство имеет свою логику развития, свое самостоятельное движение, свое самостоятельное существование»[3]. В соответствии с указанной концепцией при признании самостоятельной индивидуальности юридического лица происходит изменение принципов личной и виновной ответственности примени-

---

ров. М., 2011. С. 109-113; Смирнов Г. Перспективы и условия введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право. 2011. № 2. С. 76-79.

[1] Павлов В.Г. Указ. соч. С. 264-265. Крылова Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ. С. 78-79.

[2] Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 26. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 78-80.

[3] Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М., 1947. С. 53.

тельно к юридическим лицам, которое предполагает «особую вину» в совершении преступления, заключающуюся не в умысле и неосторожности, а в упущениях в корпоративной политике (как умышленных, так и неосторожных). Эта «вина» зиждется на возможной анонимной коллегиальности в принятии решений, общих просчетах в политике юридического лица, накапливающихся в течение определенного времени, легально допускаемой возможностью передачи полномочий исполнительного органа одного юридического лица другому, и, тем самым, ведущая к невозможности в некоторых случаях установить, чья воля находится в основе совершенного преступления. Юридическое лицо, допустившее в своей деятельности просчеты, всегда будет виновно в совершении преступления, за исключением случаев, когда преступные действия (бездействие) совершены его работником в своих личных целях.

Авторы, придерживающиеся компромиссного варианта уголовной ответственности юридических лиц, предлагают либо применять к юридическим лицам не наказание, а «иные меры уголовно-правового характера», либо размежевать понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности». Так, А.И. Коробеев, подчеркивая невозможность согласования объективистского понимания вины юридического лица с укоренившимся в российском уголовном праве представлением о вине как о психическом отношении лица к совершенному им деянию, предлагает безболезненное решение проблемы, состоящее в размежевании понятий субъект преступления (только физическое лицо) и субъект уголовной ответственности (как физическое, так и юридическое лицо)[1].

Следующий подход к уголовной ответственности юридических лиц предполагает возможность применения к последним иных мер уголовно-правового характера в связи с причастностью к совершению преступления, но при условии не совершения преступления таковым лицом[2]. В этой концепции предлагается создать новую конструкцию причастности к совершению преступления, предусматривая новый всеобъемлющий и самостоятельный состав преступления, размещенный в Общей части УК РФ и именуемый «причастность к совершению преступления». Такая позиция изложена в проекте Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»[3].

---

[1] Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1. Преступление и наказание. С. 436-437.
[2] Смирнов Г. Указ. соч. С. 76-79.
[3] Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: http://www.sledcom.ru.

Таковы обобщенные представления об уголовной ответственности юридических лиц в современном российском уголовном праве. Дискуссия отнюдь не закрыта, напротив, с каждым годом она все более оживляется. Идея, по образному выражению Г.И. Богуша, одного из принципиальных противников такой ответственности, все более «овладевает массами»[1]. Независимо от дальнейшей судьбы этой проблемы в российском праве она, без сомнения, служит прекрасной дискуссией, основанием для выдвижения новых идей для оценки содержания действующих норм уголовного закона и развития теории уголовного права Российской Федерации.

Однако хотелось бы надеяться на то, что одна из аксиом уголовно-правовой теории стран, признающих уголовную ответственность юридических лиц, о привлечении последних к уголовной ответственности только в случаях, когда ему может быть поставлено в вину преступное поведение, оставалась незыблемой. Такая точка зрения отражена в ряде решений Конституционного Суда РФ. В частности, в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ суд недвусмысленно указал, что «наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно»[2].

А.С. Политова

Ответственность юридических лиц по уголовному законодательству в Украине

В теории уголовного права остро обсуждалась и продолжает обсуждаться проблема уголовной ответственности юридических лиц. До настоящего времени уголовная ответственность юридических лиц оставалась специфической чертой главным образом англо-американского уголовного права. Но в последние годы все больше стран мира стали вводить данный институт в свое уголовное законодательство. Не стала исключением и Украина, приняв Закон Украины от 23.05.2013 № 314-VII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно выполнения плана действий по либерализации Европейским союзом визового режима для Украины относительно ответственности юридических лиц», которым вносятся изменения в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы Украины в части ответственности юридических лиц. С 01.09.2014 в УК

[1] Богуш Г.И. Указ. соч. С. 21.
[2] СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

Украины вступает в силу Раздел XIV.1 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц».

Идея об установлении уголовной ответственности юридических лиц предлагалась в 1993-1997 гг. в одном из двух проектов УК Украины, рассматриваемых Верховной Радой Украины I и II созывов. По результатам достаточно длительного обсуждения этой идеи, она не была поддержана не представителями уголовного права, не юристами-практиками, не народными депутатами Украины. Основанием для такого решения были многочисленные замечания относительно нарушения принципов личной (персональной), виновной ответственности и другие аргументы, высказанные против внедрения этой новации.

Принятый 23.05.2013 Закон определяет в УК Украины перечень преступлений, за совершение которых к юридическому лицу могут быть применены меры уголовно-правового характера, основания освобождения юридического лица от их применения, виды мер уголовно-правового характера и общие правила их применения.

В ст. 96-3 УК Украины говорится, что основаниями для применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера является совершение уполномоченным лицом (под уполномоченным лицом юридического лица следует понимать должностных лиц юридического лица, а также других лиц, которые в соответствии с действующим законодательством, учредительными документами юридического лица или договора вправе действовать от имени юридического лица):

1) от имени и в интересах юридического лица любого из преступлений, предусмотренных ст. 209, 306, ч. 1 и 2 ст. 368-3, ч. 1 и 2 ст. 368-4, ст. 369, 369.2 УК Украины;

2) от имени юридического лица любого из преступлений, предусмотренных ст. 258-258-5 УК Украины[1].

Следует отметить, что такие преступления считаются совершенными в интересах юридического лица, если они направлены на получение им неправомерной выгоды или создание условий для получения такой выгоды, а так же на уклонение от предусмотренной законом ответственности.

Также в данном разделе УК приводится перечень юридических лиц, к которым применяются меры уголовно-правового характера. Такими юридическими лицами являются предприятия, учреждения или организации, кроме государственных органов, органов власти Автономной Республики Крым, органов местного самоуправления, организаций, созданных ими в установленном порядке, которые полностью содер-

[1] Закон України від 23.05.2013 № 314-VII «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб». URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show.

жатся за счет соответствующих государственных или местных бюджетов, фондов общеобязательного государственного социального страхования, Фонда гарантирования вкладов физических лиц, а также международных организаций.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что принципы УК Украины, которые предусматривают уголовно-правовую ответственность юридических лиц, не распространяются на юридических лиц публичного права, которые содержатся за счет государственных или местных бюджетов. Но статистика свидетельствует о распространенности коррупционных действий именно в органах государственной власти и органах местного самоуправления, так же как и среди юридических лиц публичного права. Так, например, в 2012 г. лишь органами внутренних дел Украины привлечено к ответственности 77 лиц, которые предоставляют публичные услуги, 120 должностных лиц юридических лиц публичного права и 232 лица, которые выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности у юридических лиц частного права[1].

Поэтому круг юридических лиц, на которых распространяются изменения, введенные Законом, является суженным. Это дает снования считать, что уполномоченные лица юридических лиц исключительно частного права могут злоупотреблять своими полномочиями, предлагать, давать или провоцировать получение неправомерной выгоды, осуществлять незаконные операции со средствами и т.д.

В ст. 96.5 УК указан перечень оснований для освобождения юридических лиц от применения к ним мер уголовно-правового характера. В соответствии с ч. 1 данной статьи, юридическое лицо освобождается от применения к нему мер уголовно-правового характера, если со дня совершения ее уполномоченным лицом преступления и до дня вступления приговора в законную силу истекли следующие сроки:

- три года – при совершении преступления небольшой тяжести;
- пять лет – при совершении преступления средней тяжести;
- десять лет – при совершении тяжкого преступления;
- пятнадцать лет – при совершении особо тяжкого преступления.

Указанные выше сроки приостанавливаются, если уполномоченное лицо, совершившее преступление, скрывается от органов досудебного следствия и суда с целью уклонения от уголовной ответственности и его местонахождение не известно. В таком случае эти сроки возобновляются со дня установления местонахождения этого лица. Прерывание срока давности за совершенные преступления осуществляется в случае, если до их истечения уполномоченное лицо повторно совершает какое-либо из перечисленных преступлений. В этом случае срок дав-

[1] Звіт про результати проведення заходів щодо запобігання і протидії корупції у 2012 році. URL: http://issuu.com/uacorrupt/docs/corrupt.

ности исчисляется со дня совершения уполномоченным лицом юридического лица повторного преступления, при этом сроки давности исчисляются отдельно за каждое преступление.

Согласно нововведениям, за совершение преступлений, указанных выше, к юридическим лицам судом могут быть применены такие меры уголовно-правового характера:

- штраф;
- конфискация имущества;
- ликвидация.

Основными мерами уголовно-правового характера является штраф и ликвидация юридического лица, а конфискация имущества является лишь дополнительной мерой уголовно-правового характера. Размер штрафа зависит от степени тяжести преступления и составляет от пяти тысяч до семидесяти пяти тысяч необлагаемых минимумов доходов граждан. Суд может учесть имущественное положение юридического лица и назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями сроком до трех лет.

Ликвидация юридического лица осуществляется в соответствии с Законом Украины «О государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей». В случае если юридическое лицо относится к объектам, имеющим стратегическое значение для экономики и безопасности государства, ликвидация к нему не применяется.

Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства имущества юридического лица и применяется судом в случае ликвидации юридического лица в соответствии с действующим законодательством Украины.

При применении к юридическому лицу мер уголовно-правового характера суд учитывает степень тяжести совершенного уполномоченным лицом преступления, степень осуществления преступного намерения, размер ущерба, характер и размер неправомерной выгоды, полученной или которая могла быть получена юридическим лицом, принятые юридическим лицом меры для предотвращения преступления.

По совокупности преступлений в пределах одного производства суд, применив к юридическому лицу меры уголовно-правового характера за каждое преступление отдельно, определяет окончательные основные меры путем поглощения менее строгих мер более строгими. При применении к юридическому лицу мер уголовно-правового характера за преступление при наличии неисполненных мер по предыдущему приговору (приговорам) суда каждое из них выполняется самостоятельно, кроме случаев применения судом ликвидации юридического лица в соответствии с действующим законодательством Украины.

Следует заметить, что порядок производства в отношении юридического лица осуществляется одновременно с уголовным производ-

ством в отношении физических лиц, которые от имени и в интересах этого юридического лица совершили преступление.

Вышеуказанный Закон, кроме изменений в УК Украины, внес изменения в УПК Украины, Закон Украины «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» и Закон Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». Изменения, внесенные в УПК Украины, определяют порядок производства в отношении юридического лица, которое будет осуществляться одновременно с уголовным производством в отношении физических лиц, которые от имени и в интересах этого юридического лица совершили преступление.

В свою очередь изменениями в Закон Украины «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» предлагается закрепить возможность применения к юридическим лицам мер уголовно-правового характера, а изменениями в Закон Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» – предоставить право представителю юридического лица, в отношении которого осуществляется производство, на обеспечение безопасности.

Таким образом, установление уголовной ответственности за совершение противоправных деяний, предусмотренных ст. 209, 306, ч. 1 и 2 ст. 368-3, ч. 1 и 2 ст. 368.4, ст. 369, 369.2, 258-258.5 юридическими лицами в законодательстве Украины оставляет ряд еще нерешенных вопросов. Это дает основания считать, что в данный Раздел будут вноситься изменения и дополнения с учетом правоприменительной практики и опыта зарубежных стран.

Т.И. Розовская

К вопросу об обвинении юридического лица в причастности к совершению преступления

Вопрос об уголовно-правовом воздействии на юридических лиц в русской юридической науке привлекает внимание ученых уже более столетия[1].

Основным доводом contra на протяжении указанного времени в истории уголовного права, причем в различных его системах, был и остается довод о фикции юридического лица, суть которого состоит в невозможности последнего действовать виновно, с осознанием общественной опасности своего деяния, предвидя последствия и желая их наступления.

---

[1] Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 6-9.

«Преступление предполагает в деятеле способность действовать сознательно и самостоятельно, а ни того, ни другого условия мы не встретим в фикции юридического лица», – писал Н.С. Таганцев[1]. Кроме этого, теория уголовного права упоминала и о наказуемых деяниях, которые юридические лица совершить не в состоянии (изнасилование), об ограниченности или невозможности применения в подобных ситуациях санкций, предусмотренных уголовным законодательством. В качестве дополнительного довода использовалось предположение о невозможности появления корпорации в уголовном процессе[2].

Б.В. Волженкин разделяя понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», справедливо полагал, что совершить преступление может только физическое лицо, а бремя уголовной ответственности может быть возложено не только на физическое, но и при определенных условиях на юридическое лицо[3]. В частности, уголовная ответственность юридического лица может наступить, если наказуемое деяние было санкционировано или совершено с ведома юридического лица (его органа) либо в его пользу или его интересах[4].

Сторонники уголовной ответственности юридических лиц предлагают пересмотреть психологическое понимание вины, которое «трансформируется под влиянием различных отраслей права, специфики субъектов, к которым эта категория применяется»[5], сформулировав это понятие для юридических лиц непосредственно, уточнив при этом содержание иных институтов уголовного права[6].

В пользу необходимости закрепления уголовно-правовых мер, подлежащих применению в отношении юридических лиц, в нормах национального уголовного права свидетельствует и существование в современном российском законодательстве нормативно-правовых актов, предусматривающих санкции, носящие выраженный карательный характер, в отношении юридических лиц за деяния, имеющие уголовно-правовую природу[7].

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Т. I. СПб., 1902. URL: http://www.adhdportal.com/book.

[2] См. подробно: Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М., 2012; СПС «КонсультантПлюс».

[3] Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25-26.

[4] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб., 2002. С. 109.

[5] Сиотковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 26.

[6] Антонова Е.Ю. Указ. соч. С. 131-152; Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. С. 78-80.

[7] См., напр.: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 02.11.2013) «О противодействии терроризму»; Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ

Поскольку нормы материального права реализуются посредством права процессуального, очевидна и необходимость законодательного закрепления механизма реализации указанных мер.

В последнее время широко обсуждается в научной литературе проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», предложенный к обсуждению Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК России) в 2011 г.[1]

В отличие от ранее сложившихся в теории уголовного права подходов к уголовной ответственности юридических лиц, авторы проекта предлагают ввести в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство институт причастности юридического лица к совершению преступления.

Так, юридическое лицо причастно к преступлению в случае «совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство» или «использования юридического лица в целях совершения, сокрытия преступления или последствий преступления лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство, в том числе финансирование преступления с использованием денежных средств или расчетных счетов юридического лица, заключение сделок от имени юридического лица для облегчения совершения или сокрытия преступления или имущества, полученного в результате совершения преступления» (пп. «а», «б» ч. 2 ст. 104.4 проекта изменений УК РФ).

Таким образом, предлагается не подводить юридическое лицо под общее понятие состава преступления, а сформулировать самостоятельный состав преступления исключительно для лиц юридических, определив его место в Общей части УК РФ. Однако возникает вопрос, можно ли считать, что формулировка интересов или целей, преследуемых при использовании юридического лица (опять же лицом физическим), представляет собой понятие вины юридического лица? Полагаю, что на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Заслуживает поддержки предложение авторов проекта о закреплении дефиниций «лица, выполняющего управленческие функции в юридическом лице», «лица, осуществляющего фактическое руководство». Кроме этого следует отметить также положения об обязательности применения мер уголовно-правового воздействия к правопреемнику реорганизованного юридического лица (ч. 3 ст. 104.5 проекта УК

(ред. от 02.07.2013) «О противодействии экстремистской деятельности». URL: www.pravo.gov.ru.

[1] Официальный сайт СК России. URL: http://www.sledcom.ru.

РФ), а также о недопущении ликвидации, реорганизации юридического лица, которому назначена мера уголовно-правового характера, а также отчуждение осужденным юридическим лицом принадлежащих ему акций или долей зависимых хозяйственных обществ и недвижимого имущества до полного исполнения назначенной меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 104.8 проекта УК РФ). Подобные положения представляются важными с точки зрения неотвратимости наказании, однако не предусмотрены отраслевым законодательством[1].

В проекте сформулированы также понятие и сроки погашения судимости в отношении юридических лиц.

Вместе с тем, требуют уточнения и дальнейшего совершенствования предложения авторов проекта, касающиеся процессуального применения предложенных уголовно-правовых норм. В частности, об обвинении юридического лица.

Так, в п. 22 ст. 5 УПК РФ предлагается дополнить утверждением «о причастности определенного юридического лица к преступлению, выдвинутые в порядке, установленном настоящим Кодексом». При этом ст. 446.5 проекта УПК РФ предписывает возможность и необходимость предъявления юридическому лицу обвинения в причастности к преступлению.

С указанными предложениями не согласуются новеллы УК РФ, и вот почему. Обвинение представляет собой деятельность, предполагающую признание за кем-либо вины, приписывание вины, вменение в вину[2]. Если вести речь об обвинении юридического лица, то нельзя не учитывать позицию, отраженную в Постановлении от 25.01.2001 № 1-П по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ, в котором Конституционный Суд РФ указал, что «наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно»[3].

В предложенном законопроекте понятие вины для юридических лиц не сформулировано. Кроме этого не предлагаются изменения в статью 5 УК РФ, где в качестве обязательного условия привлечения лица к ответственности является установление в его деянии вины. Да,

---

[1] В частности, ст. 50 НК РФ, не отрицая необходимости исполнения обязанности по уплате налогов правопреемником реорганизованного юридического лица, исключает возможность привлечения правопреемника к налоговой ответственности после завершения реорганизации.

[2] См., напр.: URL: http://tolkslovar.ru.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Российская газета. 2001. 13 фев.

действительно, авторы проекта, используя свой нестандартный, принципиально новый подход, отказались от понятия уголовной ответственности юридического лица, применив конструкцию причастности к совершению преступления.

Вместе с тем, предложенный институт судимости, представляющий собой составную часть уголовной ответственности, красноречиво свидетельствует о привлечении юридических лиц именно к таковой. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19.03.2003 № 3-П, судимость «представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление… имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством. Это предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию наказания»[1].

Таким образом, включение в проект Федерального закона понятия вины юридического лица представляется необходимым. Кроме этого, представляется целесообразным сформулировать состав преступления, суть которого состоит в причастности юридического лица к преступлению, используя существующую законодательную технику (изложив диспозицию и санкцию), закрепив в обязательном порядке перечень преступлений, за причастность к совершению которых юридическому лицу возможно назначение наказания, и определив его место в Особенной части уголовного закона.

А.А. Сумин

Уголовная ответственность юридических лиц: некоторые проблемы её введения в Российской Федерации

Разработанный Следственным комитетом Российской Федерации (далее – СК России) и представленный им на публичное обсуждение

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2003. 2 апр.

проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц»[1] представляет значительный интерес и вызвал оживлённую дискуссию как в научных кругах, так и среди практических работников, осуществляющих противодействие коррупции. Приводимые в пояснительной записке[2] к этому законопроекту обоснования введения в российском уголовном праве названного института и корреспондирующих ему изменений уголовно-процессуального законодательства в определённой степени аргументированы и в целом адекватно отражают проблемы, возникающие у правоохранительных органов и, прежде всего, органов предварительного следствия.

Вместе с тем, с точки зрения автора данной статьи, имеется ряд существенных обстоятельств, вызывающих существенное сомнение в достаточном обосновании позиции СК России.

Не останавливаясь на анализе высказанных ранее различными учёными, в первую очередь в области уголовного права, в полной мере обоснованных тезисах о невозможности уголовной ответственности юридических лиц[3] поскольку концепция российского уголовного права основывается на принципе личной вины в совершении запрещённого уголовным законом деяния, что отражено в ст. 19 УК РФ, автор данной статьи полагает целесообразным обратить внимание на иные доводы, приведённые в указанной ранее пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту.

Прежде всего, невозможно полностью согласиться с позицией СК России о том, что «действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не только не отвечает мировым стандартам, но фактически не позволяет вести борьбу с этим явлением». При этом приводится утверждение о неэффективности мер административной ответственности и констатируется, что «законодательство об административных правонарушениях не предусматривает всего спектра санкций, адекватных общественной опасности рассматриваемого вида преступности». Не совсем понятно, почему в связи с данной проблемой пояснительная записка не упоминает о соответствующих правовых механизмах, установленных Федеральными законами: «О противодействии легализации (отмыванию) доходов,

---

[1] Официальный сайт СК России: URL: http://sledcom.ru.

[2] Там же.

[3] Несмотря на то, что авторами законопроекта предложен институт «уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», взаимосвязанный анализ норм законопроекта и доводов пояснительной записки к нему даёт основание сделать вывод о том, что речь всё же идёт о модифицированной уголовной ответственности, юридических лиц.

полученных преступным путём, и финансированию терроризма», «О противодействии терроризму» и другими нормативно-правовыми актами, а также о возможности применения к юридическим лицам, нарушающим закон или занимающимся деятельностью, противоречащей уставу или иным учредительным документам, санкции в виде ликвидации такого юридического лица в соответствии с положениями ст. 61 ГК РФ, и о допустимости иных санкций, предусмотренных налоговым, бюджетным, таможенным и иным законодательством. Представляется, что в такой ситуации можно согласиться с мнением о том, что проблемы обусловлены не столько недостатками правового регулирования, направленного на противодействие коррупции, «отмыванию» доходов, полученных преступным путём, борьбу с финансированием экстремистской деятельности и т.д., а они лежат в своей основе в сфере организации оперативно-розыскной деятельности, предварительного следствия и судов и профессионализма сотрудников соответствующих государственных органов.

Вряд ли можно рассматривать как достаточно убедительные доводы о том, что СК России предлагает подход, ранее в принципе уже реализованный в ряде иностранных государств. Автор статьи считает необходимым обратить внимание на сложившуюся в последнее время достаточно порочную практику прямого заимствования положений иностранного законодательства. Как правило, инициаторы такого заимствования не учитывают, что национальное законодательство любого государства формируется в своих конкретных исторических и социально-экономических условиях и имеет собственную конституционную основу; наконец, как правило, остаётся без внимания и специфический правовой менталитет российского общества. Зачастую предложения о реформировании отечественного права не основаны на реальных возможностях данного этапа экономического развития России, не просчитывают последствия изменений законодательства в реально сложившихся в государстве условиях.

Невозможно согласиться и со ссылкой на «мировые стандарты» и позицию ГРЕКО[1], признавшую в отчёте за 2010 г. «неисполнение Российской Федерацией рекомендации о введении уголовной ответственности юридических лиц». Если говорить о «мировых стандартах», отражённых, по мнению СК России, в ряде конвенций, ратифицированных Россией (Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в Страсбурге 27.01.1999)[2], Конвенция ООН против коррупции, принята Генеральной Ассамблеей ООН на 51-ом пленарном засе-

---

[1] Группа стран по борьбе с коррупцией (Groupe d'Etats contre la corruption) создана в 1999 г. для мониторинга антикоррупционных стандартов Совета Европы в странах, вступивших в эту организацию.

[2] Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

дании 31.10.2003[1] и др.), то необходимо отметить, что ни одна из них не обязывает государства-участники к введению уголовной ответственности юридических лиц. Так, все три части ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, говоря об ответственности юридических лиц, не употребляют слово «уголовной», а ч. 2 ст. 26 Конвенции ООН против коррупции требует обеспечить «применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьёй, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции». Что касается упомянутого отчёта ГРЕКО, то признавая невыполненной рекомендацию XXIV об установлении уголовной ответственности юридических лиц, этот отчёт в п. 122 вместе с тем указывает: «ГРЕКО осознаёт, что Конвенция об уголовной ответственности не налагает обязательства установить уголовную ответственность… В России существует как административное коррупционное правонарушение, в соответствии с КоАП, так и уголовное коррупционное правонарушение, в соответствии с УК. ГРЕКО допускает, что существует административная ответственность для юридических лиц в отношении незаконных действий в соответствии с КоАП…»[2]. Таким образом, для обязательного введения уголовной ответственности юридических лиц нет никаких предпосылок, которые вытекали бы из международно-правовых обязательств РФ.

Вряд ли можно признать состоятельным утверждение авторов законопроекта о сложности признания незаконными сделок, противоправно совершённых юридическими лицами с физическими лицами, а также о требованиях иностранных судов «решений российских судов о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, выступавших контрагентами в цепочке таких фиктивных сделок с имуществом потерпевшего». Оспаривание незаконности сделок в российских судах, по мнению автора настоящей статьи, не представляет существенных трудностей, поскольку соответствующие правовые вопросы достаточно полно урегулированы национальным законодательством и существует обширная устоявшаяся судебная практика разрешения таких споров. Что касается требований иностранных судов, то подобная «проблема» имеет вполне приемлемый путь решения: необходимо данные коллизионные вопросы разрешать посредством включения соответствующих положений в международные договоры Российской

---

[1] Бюллетень международных договоров. 2009. № 9.

[2] Отчёт по РФ о соответствии рекомендациям ГРЕКО. Совмещённый первый и второй раунды оценки (Одобрено Группой государств против коррупции (ГРЕКО) на 49-м пленарном заседании (Страсбург, 29.11-3.12.2010) / Greco RC-I/II (2010) 2E (P3). Secretariat du GRECO Conseil de I'Europe, F-67075 Strasbourg Cedex, 2010. С. 40-41.

Федерации с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. В большинстве государств, как и в России, действует приоритет международных договоров перед национальным законодательством.

Наконец, предлагаемый законопроектом уголовно-процессуальный порядок производства по уголовным делам в отношении юридических лиц можно оценить как несовершенный. Остановимся на отдельных недостатках.

В проекте ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ указывается: «Законные интересы обвиняемого юридического лица, а также предусмотренные настоящим Кодексом права и обязанности от имени обвиняемого юридического лица осуществляет его представитель, в качестве которого могут быть допущены физические лица, уполномоченные представлять интересы юридического лица в уголовном судопроизводстве на основании доверенности либо правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять интересы юридического лица без доверенности». Но если имеет место следственная ситуация, когда к уголовной ответственности привлекается лицо, в полномочия которого входит выдача доверенности на право представительства интересов юридического лица, либо которое имеет право осуществлять представительство этих интересов без доверенности, то одно и то же лицо будет совмещать две процессуальные функции, что вряд ли приемлемо, поскольку речь будет идти по об одном и том же по своей сущности комплексе запрещённых уголовным законом деяний (хотя и не с идентичной юридической квалификацией), при этом личные интересы названного физического лица и интересы юридического лица далеко не всегда могут совпадать.

Не совсем понятно, в связи с чем авторы законопроекта, озаглавив проект ст. 446.4 УПК словами «Доказательства и доказывание», в качестве доказательства рассматривают «позицию обвиняемого юридического лица», представляющую собой мнение юридического лица по существу его обвинения в причастности к преступлению. Субъективное мнение вряд ли можно рассматривать как вид доказательства, поскольку оно может и не содержать сведения, на основе которых устанавливается «наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74 УПК).

Называя причастность юридического лица в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию, проект п. 30.1 ст. 5 УПК определяет это понятие как «участие юридического лица в событии преступления при обстоятельствах, предусмотренных статьёй 104.4 Уголовного кодекса Российской Федерации». При этом, предлагая изменения в УК, авторы ничего не говорят об уточнении формулировки ст. 32 УК, определяющей формы соучастия в преступлении; между тем

данное обстоятельство имеет существенное значение, поскольку термин «участие» предполагает возможность различных уголовно-правовых форм совершения преступления.

Ничем не мотивировано исключение из числа юридических лиц, в отношении которых могут быть применены меры уголовно-правового характера, органов государственной власти и органов местного самоуправления. Данная позиция вряд ли соответствует положениям ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающей обязанность, в частности, органов государственной власти и местного самоуправления соблюдать законы, а также нормам гражданского законодательства, предусматривающих основания и порядок гражданско-правовой ответственности органов государственной власти, действующих в форме учреждений.

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют дать более развёрнутый и детальный анализ законопроекта СК России. Однако и приведённые доводы дают, по мнению автора, основание сделать вывод о том, что на данный момент нет объективных предпосылок для введения в России уголовной ответственности юридических лиц.

Секция
«Расследование преступлений, совершенных при приватизации государственного имущества (квалификация, методика, тактика)»

В.А. Прорвич

Роль судебно-экономической экспертизы в расследовании преступлений, связанных с незаконной приватизацией земельных участков

Обеспечение надлежащего раскрытия и расследования преступлений, связанных с приватизацией государственного или муниципального имущества, требует принятия комплекса мер, нацеленных как на совершенствование действующего законодательства, так и правоприменительной практики. На законодательном уровне речь идет не только об уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Напомним, что в соответствии со ст. 8 Конституции РФ в стране признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Но в ст. 35 специально оговаривается, что право частной собственности охраняется законом, а по поводу государственной и муниципальной собственности специальных оговорок об их защите законом не сделано, хотя одним из направлений государственной политики до сих пор остается приватизация объектов, находящихся в государственной и муниципальной собственности.

Сложившаяся правоприменительная практика показывает, что уроки приватизации 90-х и начала 2000-х гг. усвоены далеко не полностью, что приводит к новым злоупотреблениям в данной сфере. Наиболее сложно разворачиваются процессы приватизации «земли», что обусловлено как несовершенством действовавшего в течение длительного периода законодательства, так и весьма противоречивой правоприменительной практикой. В результате у многих субъектов земельно-имущественных отношений, участвовавших в весьма сомнительных сделках, возникло даже устойчивое представление о том, что нарушения закона в этой сфере вообще ненаказуемы.

Обращение к следственной и экспертной практике показывает, что следователей, способных самостоятельно разобраться во всех хитросплетениях приватизации земельных участков в тысячи гектаров или иного имущества и доказать наличие многомиллиардного ущерба, нанесенного государству и обществу, не так уж много. Это обусловлено как рядом объективных, так и субъективных причин, которые более подробно обсуждаются в наших других работах, а также в трудах наших коллег. Коснемся лишь некоторых из них.

Прежде всего, речь идет об уголовно-правовой характеристике рассматриваемых преступлений, связанной с явно выраженным бланкетным характером диспозиций соответствующих статей УК РФ, раскрытие которых часто предполагает применение положений нескольких десятков нормативных правовых актов. К тому же в преступления, связанные с приватизацией крупных земельно-имущественных комплексов, оказываются вовлеченными как чиновники высокого ранга, так и руководители крупных предприятий, банкиры, конкурсные управляющие, оценщики, нотариусы и иные субъекты новых рыночных отношений. Причинно-следственные связи в той совокупности преступлений, которая связана с деяниями или бездействием столь различных субъектов, далеко не всегда очевидны и квалифицировать их многим следователям весьма сложно.

Для решения этой проблемы необходима, прежде всего, постановка и решение соответствующих научных задач, нацеленных на детальную формализацию уголовно-правовых характеристик преступлений в сфере приватизации имущества, с раскрытием основных вариантов упоминавшихся выше их бланкетных диспозиций. Соответствующие методические рекомендации должны сыграть позитивную роль в работе следственных органов и судов по квалификации такого рода преступлений и их совокупностей.

В свою очередь, результаты данной работы помогли бы и ученым-криминалистам в разработке детальных характеристик механизмов соответствующих преступлений и их совокупностей. Это позволит усовершенствовать тактику следственных действий и выработать необходимые методические рекомендации по раскрытию и расследованию таких преступлений для следователей. Но самая сложная часть работы следователя при этом связана с выявлением следов таких преступлений, их типизации и классификации.

Специфической особенностью следов преступлений в сфере приватизации является их «информационный» характер. При этом они по-разному проявляются в документах различного вида, представленных не только в текстовой, но и в табличной, а также планово-картографической форме, что требует наличия у следователей специальных знаний не только в сфере земельного, градостроительного, кадастрового и иного смежного законодательства, но и геодезии и картографии, а во многих случаях и геоинформационных технологий. Если имеются специальные знания о том, как именно должен выглядеть по форме документ каждого типа, а также о содержании этих документов, то можно получать необходимые сведения о юридически значимых фактах не только по наличию определенной информации, но и по отсутствию той информации, которая должна присутствовать в соответствующей части документа.

Научные разработки такого рода вряд ли возможны и без того прочного фундамента, который могут создать ученые-криминологи. Выявление особенностей социально-экономических процессов, характеризующих

преступления в сфере приватизации государственного и муниципального имущества, земельных участков и иной недвижимости, позволит формализовать корневые проблемы в данной области. На этой основе можно не только определить пробелы и противоречия в действующем законодательстве, но и организовать соответствующую нормотворческую работу. Результаты таких исследований окажут позитивное влияние и на правоприменительную практику в данной области.

Для максимально быстрого достижения результата следует сосредоточить основные усилия на конечном звене цепочки связей важнейших отраслей юридической науки – работе следователя, но с последующим выявлением всех связей с другими звеньями и их детальной проработкой. При такой организации исследований возможно инициирование «интеллектуальной цепной реакции». Главное, чтобы на каждом из ее звеньев были получены позитивные результаты, оказывающие, в свою очередь, положительное, стимулирующее воздействие на процессы и результаты исследований в смежных областях. Только в этом случае интеллектуальная цепная реакция не затухнет и приведет к итоговому успеху коллективных усилий ученых и специалистов в борьбе с преступностью.

Но даже при наличии детально разработанного научно-методического обеспечения, лишь немногие следователи способны расследовать сложные экономические преступления, связанные с приватизацией объектов земельно-имущественных отношений, поскольку они фактически остаются без поддержки со стороны экспертного сообщества. Ведь большая часть перечисленных выше проблем носит явно выраженный правовой характер, а следователю необходима помощь лиц, обладающих соответствующими специальными знаниями. Однако до сих пор проявляются во многом устаревшие представления о том, что ставить вопросы правового характера перед экспертами запрещено.

По этому поводу в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» специально оговаривается, что перед экспертом не допускается постановка вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора и суда. Что же касается вопросов, связанных с характеристиками объекта или объективной стороны преступления, разрешение которых способствует раскрытию бланкетных диспозиций, о которых говорилось выше, то никаких ограничений для постановки таких вопросов эксперту не установлено.

То есть, при наличии необходимых специальных знаний, судебные эксперты в состоянии оказать необходимую помощь следствию в расследовании преступлений в сфере приватизации. Однако здесь следует учитывать специфику организации работ государственных судебно-экспертных учреждений, которая не оставляет места для проведения

судебно-экономических и иных экспертиз столь высокого уровня, не говоря уже о правовых экспертизах.

В классе судебно-экономических экспертиз государственными экспертными учреждениями поддерживаются лишь те специальности, которые были созданы еще во времена плановой экономики. Большинство экспертов аттестовано по судебно-бухгалтерской экспертизе. В приказе Минюста России от 14.05.2003 № 114 указана еще финансово-экономическая экспертиза, которая также проводится по результатам анализа бухгалтерской документации. В системе ЭКЦ и ЭКП МВД России ситуация аналогичная, хотя и с некоторой ведомственной спецификой.

Но главная проблема в том, что ограниченные возможности государственных экспертных учреждений в сфере судебно-экономических и экономико-правовых экспертиз хорошо известны и преступному сообществу. Поэтому в рамках приготовления к преступлениям рассматриваемого вида их организаторы просчитывают всю совокупность своих сделок таким образом, чтобы не только придать им видимость законности, но и максимально затруднить установление нанесенного ущерба государству.

Обобщение многолетнего опыта научной и практической работы, подготовки и повышения квалификации судебных экспертов, позволяет сделать вывод о том, что судебно-экономическая экспертиза в государственных экспертных учреждениях остается на уровне, достигнутом еще во времена плановой экономики и не отвечающим современным требованиям. Руководители экспертных учреждений не воспринимают не только достижения экономической науки, но и потребности следственной и судебной практики. Поэтому специальные знания большинства судебных экспертов-экономистов ограничиваются бухгалтерским учетом и ориентируются скорее на проведение ревизий, чем на решение задач, возникающих при расследовании преступлений в сфере экономики, против государственной власти и службы, связанных с приватизацией государственного и муниципального имущества.

Эта ситуация не является безвыходной только потому, что кроме государственных судебно-экспертных учреждений все более активно работают негосударственные судебные эксперты. Среди них – ведущие ученые, преподаватели государственных ВУЗов, создатели соответствующих научных школ. Их усилиями развивается экспертная наука, создаются новые роды и виды судебно-экономической экспертизы, такие например, как судебно-оценочная и судебно-кадастровая, готовятся экспертные кадры высшей квалификации. Они в состоянии помочь следователям и в расследовании преступлений, связанных с приватизацией имущества различного вида.

Конечно же, следователи ждут от ученых не только теоретической разработки проблем судебно-экономической экспертизы, но и оснаще-

ния их соответствующими методическими рекомендациями. Для иллюстрации масштаба проблемы следует обратить внимание на то, что в государственных судебно-экспертных учреждениях нет паспортизованных экспертных методик даже по судебно-бухгалтерской экспертизе. Отсутствуют и научные разработки, на основе которых такие экспертные методики могли бы быть созданы.

Поэтому одним из приоритетных направлений является разработка системы типовых экспертных задач, позволяющих следователю получить необходимые доказательства по расследуемому делу. На этой основе следователь может сформулировать вопросы к эксперту в такой редакции, которая отражает специфические особенности расследуемого дела. Но самое важное – это критерии выбора самого судебного эксперта, позволяющие установить наличие у него соответствующих специальных знаний и практического опыта.

Не менее важно и создание соответствующих учебных пособий для подготовки и самообразования следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере экономики, включая сферу приватизации имущества. Для этого целесообразно объединить усилия ученых – специалистов по уголовному, процессуальному, гражданскому и земельному праву, судебной экспертизе, экономистов и представителей других отраслей науки. При этом интегрирующую роль должны играть ученые-криминалисты, разрабатывающие проблемы борьбы с преступлениями в сфере экономики, способные не только координировать деятельность своих коллег, но и сфокусировать общие усилия на решение наиболее актуальных практических задач.

Приглашаем заинтересованных специалистов высказать свои соображения по затронутым проблемам. Отзывы и предложения можно направить по адресу: kse60@mail.ru.

Т.И. Розовская

Правовые вопросы противодействия незаконной приватизации

Под приватизацией в Федеральном законе от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (далее – Закон о приватизации) понимается возмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности РФ, а также ее субъектов и муниципальных образований, в собственность физических и (или) юридических лиц (ст. 1).

Следует отметить, что приватизация есть мера, выгодная для государства с экономической точки зрения[1]. В Послании Президента РФ

[1] Коновалов А.И. Национализация имущества: перспективы правового регулирования // Российская юстиция. 2012. № 3.

Федеральному Собранию РФ от 30.11.2010[1] указано, что главной целью приватизации являются повышение эффективности компаний и привлечение в российскую экономику дополнительных инвестиций, а доходы от приватизации необходимо направить на модернизацию экономики государства. В Бюджетном послании отмечено, что цель приватизации «состоит не только в увеличении поступления средств в бюджет, но и в обеспечении поддержки конкуренции и благоприятного инвестиционного климата», что необходимо для развития экономики[2]. На 2012-2014 гг. Президент РФ поставил цель существенного снижения роли государства в непосредственном управлении экономическими активами, через приватизацию крупных пакетов акций в ключевых контролируемых государством компаниях[3].

К сожалению, приватизация государственных предприятий большинства отраслей не всегда приносит желаемые результаты как бюджету государства, так и отдельным отраслям экономики страны, поскольку в процессе изменения форм собственности имеют место преступные посягательства, направленные на неправомерное завладение федеральным и муниципальным имуществом, что требует принятия дополнительных мер по их предупреждению.

Степень общественной опасности незаконных действий при приватизации в России достаточно высока. Впервые в нашей стране массовая приватизация государственного и общественного имущества стала осуществляться в 1990-1995 гг. Ряд крупнейших предприятий страны, в том числе и в стратегических отраслях, были переданы в частные руки, по ценам, в несколько раз меньше рыночных, а в некоторых случаях и вовсе за бесценок[4]. Разразившийся в этот период экономический кризис способствовал укреплению таких негативных для общества последствий, как массовое увольнение и сокращение работников предприятий и организаций и неконтролируемая скупка акций этих предприятий[5].

Неоднократное указание в научно-исследовательской литературе на тот факт, что криминальная приватизация объектов собственности практически невозможна без коррупции в органах исполнительной

---

[1] Российская газета. 2010. 1 декабря.

[2] Бюджетное послание Президента Российской Федерации «О бюджетной политике в 2011-2013 годах». URL: http://www.rg.ru.

[3] Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 29 июня 2011 года «О бюджетной политике в 2012-2014 годах» // URL: http://www.rg.ru.

[4] Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 570-574.

[5] Медведева Э.А., Прохоров Л.А. Незаконная приватизация, «рейдерство», коррупция и взаимообусловленность этих явлений // Российский следователь. 2011. № 22.

власти, регистрирующих и правоохранительных органах, а также без недостатков в осуществлении правоприменительной практики, объективно подтверждается материалами следственной и судебной практики[1]. Кроме этого, незаконным действиям в указанной сфере способствует отсутствие законодательной базы, препятствующей совершению преступлений и злоупотреблений[2].

За последние четыре года в Закон о приватизации были внесены изменения, направленные на повышение экономической эффективности приватизации. К наиболее существенным из них следует отнести: 1) признание сделки о приватизации государственного или муниципального имущества ничтожной, если впоследствии будет установлено, что покупатель не имел законного права на его приобретение; 2) установление условий проведения торгов, аукционов, публичного предложения о продаже имущества; 3) порядок и сроки составления прогнозного плана приватизации; 4) порядок и условия преобразовании унитарных предприятий; 5) уточнение перечня документов, представляемых для совершения приватизационной сделки; 6) закрепление гарантий трудовых прав работников обществ, созданных в процессе приватизации; а также гарантий сохранения назначения социально-культурных и коммунально-бытовых объектов.

Необходимо отметить, что в антикоррупционном сопровождении намеченного этапа приватизации активное участие принимает Следственный комитет России. Глава ведомства в интервью 14.01.2014 «Российской газете» заявил о подготовленном законопроекте, включающем комплекс превентивных и карательных мер, в числе которых: 1) установление обязанности хозяйствующих субъектов сообщения сведений о своих бенефициарных владельцах (контролирующих лицах) и аффилированных лицах. 2) установление права осуществлять оперативно-разыскную деятельность в целях проверки личности претендентов на государственное имущество и представляемых ими документов; 3) введение уголовной ответственности оценщиков за фальсификацию отчета об оценке[3]. «Мы считаем обоснованными опасения, что те деформации, которые возникли в ходе предыдущей приватизации, могут повториться. Зачастую лица, претендующие на государственные активы, находятся далеко за пределами России, и их не интересует благосостояние нашей страны»[4], – уточнил А.И. Бастрыкин.

---

[1] Сазонов Е. Спасение – деньги из рук утопающих // Российская газета. 2007. 27 апреля.

[2] Медведева Э.А., Прохоров Л.А. Указ. соч.

[3] Там же.

[4] Не частное дело. Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин об истории и будущем приватизации. Интервью «Российской газете». URL: http://www.rg.ru.

Меры, предлагаемые Следственным комитетом РФ, направлены на обеспечение прозрачности процедур приватизации, снижение коррупционной составляющей. В частности, внесение дополнений в ст. 16 Федерального закона № 178-ФЗ о предоставлении покупателем государственного или муниципального имущества информации о бенефициарных владельцах и аффилированных лицах представляется обоснованным. Тем более, что российский бизнес сталкивается с необходимостью раскрытия бенефициарного владельца не в первый раз[1]. В соответствии с Законом № 115-ФЗ[2] объем, характер и порядок предоставления информации о бенефициарных владельцах клиентов определяются в порядке, установленном Правительством РФ. Однако к настоящему времени такой порядок еще не опубликован.

В уголовном законодательстве России в настоящее время действительно отсутствуют нормы, специально предусматривающие ответственность за незаконные действия при приватизации. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о приватизации установлена в ряде стран СНГ, в частности в Украине. Так, ст. 233 УК Украины предусматривает наказание в виде штрафа за приватизацию государственного имущества путем занижения его стоимости через определение ее способом, не предусмотренным законом, или использования поддельных приватизационных документов. Уголовно наказуема приватизация имущества, не подлежащего таковой в соответствии с законом, или приватизация, осуществленная неправомочным лицом[3].

Вместе с тем, схема незаконной приватизации достаточно проста. По своей сути приватизация является двусторонним договором, согласно которому одна сторона – орган исполнительной власти или местного самоуправления – отчуждает государственное или муниципальное имущество соответственно, а другая сторона – физическое или юридическое лицо – покупает его. Таким образом, для приватизации необходимо наличие и соблюдение трех условий (составляющих): государственное или муниципальное имущество; переход права собственности на него в пользу юридического или физического лица; возмездность совершаемой сделки.

---

[1] Так, в начале 2012 г. в соответствии с Поручением Председателя Правительства РФ от 28.12.2011 № ВП-П13-9308 многие предприятия (преимущественно компании с государственным участием) стали направлять контрагентам требования о предоставлении информации в отношении всей цепочки собственников, включая бенефициаров, в т.ч. конечных.

[2] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». URL: http://www.pravo.gov.ru/

[3] Кримінальний кодекс України (редакція від 28.01.2014). URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2341-14/page7

Перечень подлежащего приватизации имущества устанавливается Правительством РФ (ст. 3, 6 Закона о приватизации). И если в частную собственность передаются объекты, не включенные в перечень или не подлежащие приватизации вообще, речь может идти о должностном преступлении, поскольку договор подписывается представителем органа исполнительной власти[1]. Определение цены подлежащего приватизации государственного или муниципального имущества осуществляется в соответствии с федеральным законодательством об оценочной деятельности[2].

Переход права собственности возможен посредством одного из 11 указанных в законе способов (ст. 13, глава IV Закона о приватизации), после осуществления полной оплаты, со дня государственной регистрации перехода права собственности на такое имущество. Основанием государственной регистрации имущества является договор купли-продажи недвижимого имущества, а также передаточный акт или акт приема-передачи имущества (ст. 32 Закона о приватизации). Нарушение условий перехода права собственности есть также результат должностного правонарушения, приготовления или покушения на хищение, а также подделки или использования заведомо подложных документов.

Так, например, за злоупотребление полномочиями осужден К., принявший решение от имени Администрации субъекта в интересах своих знакомых о приватизации муниципального имущества коммерческой организации по заведомо заниженной цене. Оценку отчуждаемого имущества К. поручил находящемуся от него в служебной зависимости директору коммерческой организации, оценившему данное имущество не в соответствии с его реальной рыночной стоимостью, а значительно ниже, с учетом его текущего использования. Кроме этого, судом установлено, что К. нарушены требования закона о приватизации помещений нежилого фонда, поскольку на момент совершения преступления договоры аренды не предусматривали последующего выкупа государственного или муниципального имущества, тем более по ценам, несоответствующим рыночным, и без проведения торгов[3]. При этом лицо, осуществлявшее оценку помещения, к уголовной ответственности привлечено не было.

Возмездность приватизации заключается в отчуждении государственного или муниципального имущества за плату либо в передаче в

---

[1] Вопросы квалификации соответствующих деяний разъяснены Верховным Судом РФ в Постановлениях Пленума от 16.10.2009 № 19 и от 09.07.2013 № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». URL: http://www.pravo.gov.ru/

[3] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.02.2006 № 43-006-1 // СПС «КонсультантПлюс».

государственную или муниципальную собственность акций открытых акционерных обществ, в уставный капитал которых вносится государственное или муниципальное имущество[1]. В отсутствие возмездности речь может идти о хищении, в т.ч. и с использованием служебного положения, а также о должностном или служебном преступлении.

Таким образом, нормы УК РФ по-прежнему сохраняют свою актуальность для уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в сфере приватизации. Большинством из них в качестве одного из видов наказания предусмотрено лишение свободы. Надлежащее применение существующих уголовно-правовых норм вполне способно обеспечить неотвратимость наказания за незаконные действия при приватизации.

Криминализация же иных, не охватываемых существующими нормами деяний в названной сфере, должна быть обусловлена наличием тяжких последствий. В этой связи возможно введение уголовной ответственности за деяния покупателей государственного или муниципального имущества, связанные с несоблюдением условий приватизации, гарантий работников, повлекшие тяжкие последствия, к числу которых можно отнести, например, банкротство организации, сокращение рабочих мест и пр.

Представляется, что привлечение к ответственности лиц, незаконно осуществляющих регистрацию приватизационных сделок, равно как и представляющих заведомо ложные сведения в регистрирующие органы, станет возможным в случае внесения соответствующих изменений в статью ст. 170.1 УК РФ.

Введение специальной нормы в главу 21 УК РФ может способствовать более эффективному предупреждению совершения соответствующих преступлений и привлечению совершивших их лиц к заслуженной уголовной ответственности, и в целом реализовывать принцип неотвратимости вины за совершение преступлений.

---

[1] Определением Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.11.2007 № 1517/07 по делу № А16-660/2006-4 указано на правомерность принятия решения судебными инстанциями о признании недействительной сделки по безвозмездной передаче истцу в собственность областного имущества ввиду того, что такой способ приватизации государственного имущества как его безвозмездная передача не предусмотрен федеральным законодательством // СПС «КонсультантПлюс».

Сведения об авторах

Абшилава Георгий Валерьянович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии, доктор юридических наук.

Агабаева Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Алёхин Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой криминалистики Пятого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Хабаровск), кандидат юридически наук, доцент, майор юстиции.

Багмет Михаил Анатольевич – соискатель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Бескровный Юрий Валерьевич – старший следователь первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Краснодарскому краю, научный сотрудник научно-аналитического отдела НИИ Актуальных проблем современного права, кандидат юридических наук.

Беспалько Виктор Геннадиевич – профессор кафедры организации таможенных расследований Института правоохранительной деятельности Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, полковник таможенной службы.

Бойцов Юрий Михайлович – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России.

Бугаевская Наталья Валентиновна – докторант Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, майор внутренней службы.

Бутенко Олег Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Вахмянина Наталья Борисовна – заведующая кафедрой криминалистики Второго факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Вертлиб Феликс Олегович – старший преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Виницкий Лев Витальевич – профессор кафедры Смоленского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России.

Володина Людмила Мильтоновна – профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Волынский Александр Фомич – профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России.

Воскресов Борис Николаевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Голубев Николай Александрович – заведующий кафедрой уголовного права Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Гордин Андрей Викторович – начальник кафедры уголовного права и уголовного процесса Академии ФСО России (г. Орёл), кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Гранкина Анна Борисовна – доцент кафедры менеджмента деятельности следственного органа Академии СК России, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

Дадабаев Владимир Кадырович – доцент кафедры судебной медицины с курсом правоведения Тверской государственной медицинской академии, кандидат медицинских наук, доцент.

Данилова Светлана Ивановна – докторант Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Дмитриева Лилия Алексеевна – доцент кафедры менеджмента деятельности следственного органа Академии СК России, кандидат психологических наук доцент.

Захарова Валентина Олеговна – доцент кафедры криминалистики Академии СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Иванов Андрей Львович – заведующий кафедрой уголовного права Академии СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Ильюхов Алексей Александрович – доцент кафедры уголовного процесса Академии СК России, кандидат юридических наук.

Казаков Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного процесса Второго факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Качалова Оксана Валентиновна – заведующая отделом проблем уголовного судопроизводства Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Кобец Петр Николаевич – главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридически наук, профессор, полковник полиции.

Кожухарик Дмитрий Николаевич – доцент кафедры уголовного права Академии СК России, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Козловски Томаш Тадеушович – адъюнкт кафедры философий права и теорий государства Института наук о государстве и праве Факультета права и администраций Варшавского университета (Польша), кандидат юридических наук, доцент.

Корнакова Светлана Викторовна – заместитель декана судебно-следственного факультета; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск), кандидат юридически наук, доцент.

Косарева Людмила Викторовна – ведущий советник Управления делами Президента Российской Федерации.

Костина Любовь Николаевна – начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, доктор психологических наук, доцент, полковник полиции.

Крашенинников Сергей Владимирович – ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Крючкова Валентина Феликсовна – старший преподаватель кафедры уголовного права Пятого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Хабаровск), кандидат юридических наук, майор юстиции.

Кулаков Алексей Александрович – аспирант и преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии.

Кунев Денис Анатольевич – старший инспектор Главного управления процессуального контроля СК России, подполковник юстиции.

Курнышева Елена Александровна – декан Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), кандидат педагогических наук, Почетный сотрудник СК России, полковник юстиции.

Кустов Анатолий Михайлович – профессор кафедрой судоустройства и организации правоохранительной деятельности Академии Генеральной прокуратуры РФ, Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН.

Левеев Юрий Евгеньевич – доцент кафедры уголовного права и процесса Академии ФСБ России, кандидат юридических наук.

Лукомская Анастасия Сергеевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), кандидат юридических наук.

Лушин Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры криминалистики Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Маганкова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Смоленского гуманитарного университета, кандидат юридических наук, адвокат.

Макогон Ирина Викторовна – доцент кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России, кандидат юридически наук, подполковник полиции.

Матвеева Татьяна Андреевна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии.

Машовец Асия Океановна – доцент кафедры уголовного процесса Уральской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Мезинов Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мищенко Алиса Юрьевна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии.

Муратов Константин Дмитриевич – ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (приволжского) федерального университета.

Муратова Надежда Георгиевна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Татарстан.

Осипова Татьяна Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Пятого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Хабаровск), подполковник юстиции.

Петрухина Алсу Наилевна – доцент кафедры юриспруденции Филиала Московского психолого-социальный университета (г. Муром), кандидат юридических наук

Пешков Дмитрий Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного права Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), полковник юстиции.

Пискунов Сергей Андреевич – старший инспектор Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Подольный Николай Александрович – заведующий кафедрой уголовного права, криминалистики и криминологии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, доктор юридических наук, доцент.

Политова Анна Сергеевна – начальник отдела международных связей Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, подполковник милиции.

Пронякин Александр Дмитриевич – профессор кафедры уголовного права и процесса Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ); профессор кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ.

Прорвич Владимир Антонович – профессор кафедры финансово-экономических экспертиз Московского университета МВД России; главный судебный эксперт НП «Коллегия судебных экспертов», кандидат физико-математических наук, доктор технических наук, доктор юридических наук, профессор.

Розовская Татьяна Игоревна – доцент кафедры уголовного права Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), кандидат юридических наук, майор юстиции.

Розовский Борис Григорьевич – профессор кафедры правоведения Института юриспруденции и международного права Восточно-украинского национального университета имени Владимира Даля (г. Луганск, Украина), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины.

Рябцева Екатерина Владимировна – доцент кафедры уголовно-процессуального права Российской академии правосудия; адвокат, кандидат юридически наук, доцент.

Савченко Анатолий Николаевич – старший преподаватель Института права, кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета.

Сергеев Андрей Борисович – заведующий кафедрой криминалистики и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Стрелков Андрей Анатольевич – заместитель руководителя СУ СК РФ по Тверской области, Почетный работник Следственного комитета при прокуратуре РФ, полковник юстиции.

Сумин Александр Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России, доктор юридических наук.

Татьянина Лариса Геннадьевна – профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), доктор юридически наук, профессор.

Францифоров Юрий Викторович – профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридически наук, доцент, полковник.

Чирков Евгений Вадимович – курсант Московского университета МВД России, рядовой полиции.

Шепелева Юлия Леонидовна – инспектор отдела учебно-методической работы Первого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Ростов-на-Дону), кандидат политических наук, лейтенант юстиции.

Шувалова Анастасия Михайловна – старший преподаватель кафедры криминалистики Четвертого факультета повышения квалификации Академии СК России (г. Нижний Новгород), старший лейтенант юстиции.

Юсупкадиева Садикат Нурмагомедгаджиевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Проблема истины в уголовном процессе»

Абшилава Г.В. Проблема истины при пересмотре досудебного соглашения о сотрудничестве в ходе предварительного расследования…….. 3
Агабаева А.В. Установление истины при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей…….. 7
Алёхин Д.В. Характер истины в уголовно-процессуальном доказывании……... 12
Багмет М.А. Определение условий коррупции в процессе установления объективной истины при расследовании……. 15
Бескровный Ю.В. Истина в уголовно-процессуальном законодательстве России: генезис дефиниции…….… 19
Бойцов Ю.М. Дифференцированный подход к регламентации установления истины в уголовном процессе в странах с континентальной и англосаксонской правовыми системами…….. 23
Бутенко О.С. Значение института государственной защиты для установления истины по уголовному делу (международно-правовые аспекты)…….. 27
Вахмянина Н.Б. Объективность истины в уголовном судопроизводстве……. 31
Виницкий Л.В., Маганкова А.А. Сущность и содержание истины в современном уголовном судопроизводстве и проблемы справедливости приговора……. 34
Володина Л.М. Материальная (объективная) истина в уголовном процессе……. 38
Волынский А.Ф. Истина и общественный прогресс – факторы, способствующие расследованию преступлений……. 43
Гордин А.В. Раскрытие преступлений как способ установления истины в уголовном судопроизводстве…… 50
Гранкина А.Б. Риски и неопределенность в установлении истины по уголовному делу (проектно-управленческие аспекты)……. 54
Данилова С.И. Доказывание причин и условий, способствовавших совершению преступления, как важная составляющая установления истины по уголовному делу……... 59

Дмитриева Л.А. Когнитивные стили как фактор установления истины по уголовному делу……... 63
Захарова В.О. Оправдательный приговор как результат установления истины…… 67
Иванов А.Л., Кожухарик Д.Н. Справедливость как первичный принцип объективной истины…… 69
Ильюхов А.А. Доказывание, как средство достижения истины по уголовным делам, рассмотренным судом с участием присяжных заседателей……... 74
Казаков А.А. Институт возвращения уголовного дела прокурору и объективная истина…….. 80
Качалова О.В. Справедливость, состязательность, истина: ненужное вычеркнуть?..... 86
Козловски Т.Т. Проблема истины в уголовном процессе и современной философии и теории права…….. 90
Корнакова С.В. Поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат…….. 93
Косарева Л.В., Макогон И.В. К вопросу о методологии познании истины в уголовном процессе…….. 97
Костина Л.Н. Использование специальных психологических знаний в установлении истины по уголовным делам о групповых преступлениях несовершеннолетних…… 103
Крашенинников С.В. К вопросу о необходимости закрепления дефиниции «истины» в УПК РФ……. 107
Крючкова В.Ф. Проблемы установления объективной истины при применении мер процессуального принуждения в уголовном процессе……. 111
Кулаков А.А. Проблема установления объективной истины по уголовным делам, рассматриваемым в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве…… 115
Курнышева Е.А. Правовая коллизия утверждения прокурором обвинительного заключения как проблема истины в уголовном процессе…….. 120
Кустов А.М. К истине через понимание сущности противодействия расследованию преступлений……. 124
Левеев Ю.Е. Нравственные и правовые положения истины в российском уголовно-процессуальном праве……. 129
Лукомская А.С. Исследования ДНК в достижении истины по уголовному делу……... 134
Лушин Е.А. Криминалистическая идентификация как средство установление истины в уголовном судопроизводстве……. 138

Матвеева Т.А. Становление института разумности процессуальных сроков как средства обеспечения истины в уголовном судопроизводстве…… 140
Машовец А.О. Истина в уголовном процессе и средства ее достижения…….. 144
Мезинов Д.А. О характере истины, устанавливаемой при разрешении уголовного дела……..... 149
Мищенко А.Ю. Принцип национального языка в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и его значение в установлении истины по уголовному делу……... 153
Осипова Т.В. Достижение объективной истины на стадии возбуждения уголовного дела……... 156
Петрухина А.Н. Проблема соотношения истины и достоверности в уголовном процессе……... 160
Пискунов С.А. Истина в уголовном процессе…….. 163
Подольный Н.А. Истина в уголовном процессе: а есть ли проблема?..... 168
Пронякин А.Д. УПК РСФСР 1960 года – об истине в уголовном процессе……. 171
Прорвич В.А. Роль процессуальных действий по оценке доказательств в установлении истины по преступлениям в сфере экономики…… 176
Розовский Б.Г. За право на достижение объективной истины надо бороться……. 180
Рябцева Е.В. Право на установление истины как гарантия защиты участников уголовного судопроизводства……. 184
Сергеев А.Б., Савченко А.Н. И вновь к вопросу об объективной истине в уголовном судопроизводстве…….. 188
Стрелков А.А., Дадабаев В.К. Новые научные методы, как путь достижения объективной истины при расследовании преступлений против личности……... 191
Татьянина Л.Г. Истина и достоверность: цель и результат доказывания…… 196
Францифоров Ю.В. Вопросы установления истины в уголовном судопроизводстве…….. 199
Шепелева Ю.Л. Объективная истина в уголовном процессе: политико-правовой аспект…… 203
Шувалова А.М. Проблемы достижения истины при производстве допроса…….. 206
Юсупкадиева С.Н. Версия как средство установления истины в уголовном судопроизводстве…… 209

Секция «Уголовная ответственность юридических лиц: вопросы процессуального права»

Беспалько В.Г. Религиозно-нравственные предпосылки дискуссии о коллективной (корпоративной) уголовной ответственности и некоторых процессуальных аспектах ее реализации……... 215
Бойцов Ю.М. Англосаксонский опыт привлечения к уголовной ответственности юридических лиц……. 220
Бугаевская Н.В. Проблемы осуществления процессуальных процедур уголовного преследования юридических лиц за причастность к коррупционным преступлениям……. 223
Вертлиб Ф.О., Чирков Е.В. К вопросу о квази уголовной ответственности юридических лиц…… 227
Воскресов Б.Н. Применение наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью в отношении юридических лиц……. 231
Голубев Н.А. К вопросу уголовной ответственности юридических лиц…… 233
Кобец П.Н. О необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации, позволяющего применять в отношении юридических лиц меры уголовно-правового воздействия……. 236
Кунев Д.А. Практика привлечения юридических лиц к уголовной ответственности: мировой опыт…….. 240
Муратова Н.Г. Статус юридического лица в уголовном судопроизводстве…….. 243
Муратова Н.Г., Муратов К.Д. Критерии привлечения к уголовной ответственности юридического лица по законодательству Франции…….. 249
Пешков Д.В. Уголовная ответственность юридических лиц: позиции, мнения……. 252
Политова А.С. Ответственность юридических лиц по уголовному законодательству в Украине…… 255
Розовская Т.И. К вопросу об обвинении юридического лица в причастности к совершению преступления……. 259
Сумин А.А. Уголовная ответственность юридических лиц: некоторые проблемы её введения в Российской Федерации……... 263

Секция «Расследование преступлений, совершенных при приватизации государственного имущества (квалификация, методика, тактика)»

Прорвич В.А. Роль судебно-экономической экспертизы в расследовании преступлений, связанных с незаконной приватизацией земельных участков……... 269
Розовская Т.И. Правовые вопросы противодействия незаконной приватизации…….. 273

Сведения об авторах…….. 279

Уголовный процесс: от прошлого к будущему

материалы Международной научно-практической конференции

(Москва, 21 марта 2014 года)

В 2-х частях

Часть 2

В авторской редакции

Дизайн обложки: Бычков В.В.

Подписано в печать 5.03.2014

Формат 60 х 90 1/16
усл. печ. л. 18,13
Тираж 500 экз.
Печать офсетная
Заказ № 31

Отпечатано в цифровой типографии «БУКИ ВЕДИ»
На оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6